ОГОНЁК

ЛЕНИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 2 ЯНВАРЬ 1983

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Завершается 1982 год. Для советских людей это был год созидательной творческой работы по выполнению исторических решений XXVI съезда КПСС.

Как большой праздник мы отметили знаменательное событие —60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Этот юбилей явился яркой, впечатляющей демонстрацией великих достижений социализма, торжества ленинской национальной политики, нерушимой дружбы и братства всех народов СССР.

Своего расцвета и могущества Страна Советов достигла под мудрым руководством партии коммунистов. Твердо и неуклонно идет КПСС испытанным ленинским курсом. Единодушная поддержка внутренней и внешней политики партии, беззаветная преданность советских людей идеям коммунизма со всей убедительностью проявились в дни прощания с Леонидом Ильичом Брежневым.

Коммунистическая партия свято дорожит безграничным доверием трудящихся. Высший смысл своей деятельности она видит в служении народу, делу коммунизма и мира. В непоколебимом единстве партии и народа — залог дальнейших успехов нашей социалистической Родины.

Товарищи!

Непросто складывался для нас уходящий год. Но сделано немало. Поступательно развивалось народное хозяйство. Вошли в строй сотни промышленных предприятий. Протянулись новые трассы гигантских газопроводов, высоковольтных линий электропередач. Развертывается работа по осуществлению Продовольственной программы СССР. На новые высоты поднялась советская наука. Последовательно реализуются намеченные XXVI съездом КПСС меры по повышению материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Около 10 миллионов человек улучшили свои жилищные условия.

Как боевую программу действий по выполнению заданий пятилетки восприняли советские люди решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, седьмой сессии Верховного Совета СССР. Задачи впереди большие, требующие от каждого советского человека напряженной работы, высокой организованности, сознательной дисциплины. И они нам под силу.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность, что рабочие, колхозники, интеллигенция, все советские люди ознаменуют 1983 год новыми славными свершениями, обеспечат дальнейшее успешное продвижение страны по ленинскому пути.

Честь и слава всем, кто своим добросовестным, самоотверженным трудом крепит экономическое и оборонное могущество Советского Союза, развивает науку и культуру, способствует дальнейшему расцвету нашей великой Родины!

Сложной была в минувшем году международная обстановка. Агрессивные круги империализма не прекращали попыток подорвать политику разрядки, столкнуть государства и народы на путь вражды и военного противоборства. В этих условиях мы еще раз твердо заявляем: наше стремление к миру неизменно. Советский Союз последовательно отстаивает свои интересы, интересы наших союзников и друзей. Храня верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, наша страна настойчиво борется против угрозы ядерной войны, за обуздание гонки вооружений. С нами — братские страны социализма, все миролюбивые силы планеты. СССР всегда готов к равноправному, взаимовыгодному сотрудничеству с любым государством. Мы убеждены, что сегодняшние трудности и напряженность в международной обстановке могут и должны быть преодолены.

В то же время мы будем проявлять величайшую бдительность. Сторонники военных авантюр должны знать: неприкосновенность наших границ и границ наших союзников обеспечена надежно. Советские Вооруженные Силы являются могучим фактором мира и безопасности народов.

Встречая Новый год, мы шлем сердечные поздравления трудящимся стран социализма. Укрепление социалистического содружества будет и впредь первейшей заботой нашей партии и государства.

Мы горячо поздравляем коммунистов всего мира, борцов против империализма, реакции и войны, всех добрых друзей нашей страны.

Дорогие товарищи! Наш народ уверенно смотрит в будущее. Пусть же Новый, 1983 год принесет всем советским людям, каждой семье счастье и радость!

Поздравляем с Новым годом героический рабочий класс, колхозное крестьянство и народную интеллигенцию!

Новогодний привет ветеранам партии, войны и труда!

Самые сердечные поздравления советским женщинам — славным дочерям Родины, беззаветным труженицам и пламенным патриоткам!

Наилучшие пожелания нашей замечательной молодежи!

Горячо поздравляем доблестных воинов Вооруженных Сил СССР, бдительно охраняющих мирный труд советских людей!

Наш праздничный привет всем, кто в новогоднюю ночь несет трудовую и боевую вахту, кто работает вдали от родной земли!

С Новым годом, дорогие товарищи, с новым счастьем!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

БЕСЕДА Ю. В. АНДРОПОВА С ЛЕТЧИКАМИ-КОСМОНАВТАМИ СССР А. Н. БЕРЕЗОВЫМ и В. В. ЛЕБЕДЕВЫМ

29 декабря состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с летчиками-космонавтами СССР А. Н. Березовым и В. В. Лебедевым.

Во встрече принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов.

В ходе беседы А. Н. Березовой и В. В. Лебедев рассказали о совершенном ими космическом полете и о результатах проведенных исследований и экспериментов на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз».

Ю. В. Андропов сердечно поздравил А. Н. Березового и В. Лебедева с успешным завершением самого длительного в истории 211-суточного космического полета и высокими наградами Родины. Он также поздравил их с наступающим Новым годом и пожелал дальнейших творческих успехов в исследовании космического пространства на благо советского народа.

На встрече присутствовали руководитель подготовки космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, руководитель полета летчик-космонавт СССР В. В. Рюмин, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев.

Во время встречи. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ КОСМОНАВТАМ ВЫСОКИХ НАГРАД РОДИНЫ

В канун 60-летия образования СССР успешно завершен самый длительный в истории 211-суточный полет советских космонавтов А. Н. Березового и В. В. Лебедева.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении самого длительного космического полета, Анатолию Николаевичу Березовому присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»; Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание «Летчик-космонавт СССР». Герой Советского Союза Валентин Витальевич Лебедев награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

29 декабря в Кремле кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов вручил героям космоса высокие награды Родины.

— Станция «Салют-7»,— сказал при вручении наград товарищ В. В. Кузнецов,— продолжая дело своих космических предшественников, вновь убедительно продемонстрировала мирный характер советской космической программы. На борту станции работают приборы и аппараты не только Советского Союза, но и других стран. Они служат делу мира на земле, прогрессу человеческой цивилизации.

Затем выступили А. Н. Березовой и В. В. Лебедев.

Космонавтов тепло поздравили с наградами заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, руководитель подготовки космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-лейтенант авиации Г. Т. Береговой, заместители начальника центра генерал-майоры авиации П. И. Климук и А. А. Леонов, руководитель полета летчик-космонавт СССР В. В. Рюмин, другие официальные лица.

После вручения наград. Фото А. Гостева.

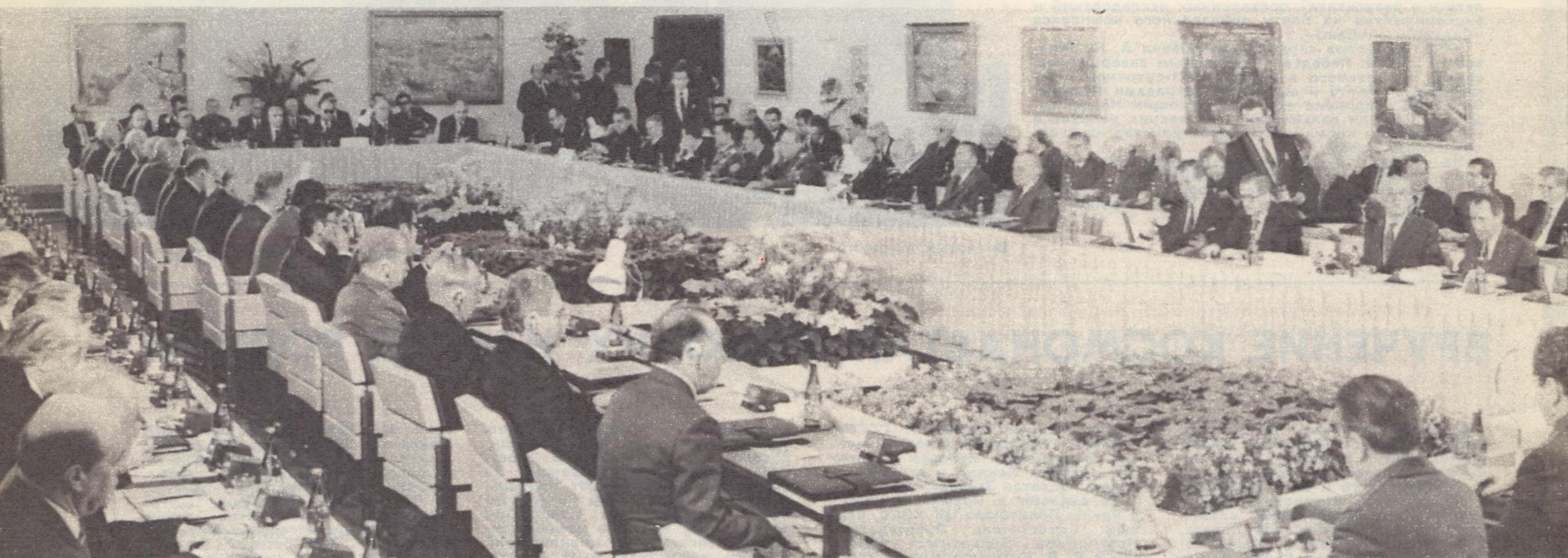

ОТЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОВЕЩАНИЕ ПКК В ПРАГУ

Проводы на аэродроме. Фото А. Гостева

СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО ГОСУДАРСТВ—

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2895)

9 ЯНВАРЯ 1983

3 января из Москвы в Прагу для участия в очередном совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора отбыла советская делегация, возглавляемая Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андроповым.

В состав делегации входят член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

На аэродроме делегацию провожали товарищи Г. А. Алиев, В. В. Гришин, А. Я. Пельше, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Н. И. Рыжков, другие товарищи.

Среди провожавших был посол ЧССР в СССР Ч. Ловетинский.

* * *

В пражском аэропорту делегацию встречали Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк, член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ М. Якеш, министр иностранных дел ЧССР Б. Хнеупек, министр национальной обороны ЧССР генерал армии М. Дзур, другие официальные лица.

Среди встречавших был посол СССР в ЧССР А. П. Ботвин.

В Праге 4 января начало работу очередное совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В совещании принимают участие:

от Народной Республики Болгарии — Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, глава делегации; член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров Г. Филипов, член Политбюро ЦК БКП, министр народной обороны Д. Джуров, член Политбюро ЦК БКП, министр иностранных дел П. Младенов, секретарь ЦК БКП Д. Станишев;

от Венгерской Народной Республики — Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар, глава делегации; член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров Д. Лазар, секретарь ЦК ВСРП П. Варкони, член ЦК ВСРП, министр обороны Л. Цинеге, член ЦК ВСРП, министр иностранных дел Ф. Пуйя;

от Германской Демократической Республики — Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер, глава делегации; член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров В. Штоф, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Г. Аксен, член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны Г. Гофман, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Г. Миттаг, член ЦК СЕПГ, министр иностранных дел О. Фишер;

от Польской Народной Республики — Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский, глава делегации; член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Ю. Чирек, член Политбюро ЦК ПОРП, министр иностранных дел С. Ольшовский, кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, заместитель министра национальной обороны, начальник генерального штаба Войска Польского Ф. Сивицкий;

от Социалистической Республики Румынии — Генеральный секретарь РКП, Президент СРР Н. Чаушеску, глава делегации; член Политисполкома ЦК РКП, премьер-министр правительства К. Дэскэлеску, кандидат в члены Политисполкома, секретарь ЦК РКП М. Добреску, кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, министр иностранных дел Ш. Андрей, кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, министр национальной обороны К. Олтяну;

от Союза Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, глава делегации; член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков;

от Чехословацкой Социалистической Республики — Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, глава делегации; член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства Л. Штроугал, член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк, член Президиума, секретарь ЦК КПЧ М. Якеш, член ЦК КПЧ, министр иностранных дел Б. Хнеупек, член ЦК КПЧ, министр национальной обороны М. Дзур.

Совещание открыл товарищ Г. Гусак, который сердечно приветствовал делегации братских стран.

Участники совещания минутой молчания почтили память Леонида Ильича Брежнева.

Первое заседание проходило под председательством главы делегации Польской Народной Республики товарища В. Ярузельского. На втором заседании председательствовал глава делегации Социалистической Республики Румынии товарищ Н. Чаушеску.

На совещании обсуждаются актуальные проблемы борьбы за предотвращение опасности ядерной войны, сохранения и укрепления процесса разрядки международной напряженности, укрепления безопасности и развития сотрудничества в Европе.

В совещании принимает участие главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза В. Г. Куликов. Обязанности генерального секретаря ПКК государств — участников Варшавского Договора на данном совещании исполняет заместитель министра иностранных дел ЧССР Д. Спачил.

КОМИТЕТА УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

Советская делегация в зале совещания.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и Э. Песова.

ГУСТАВУ ГУСАКУ — СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Выдающийся партийный и государственный руководитель Чехословацкой Социалистической Республики, видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент ЧССР Густав Гусак родился 10 января 1913 года в поселке Дубравка, близ Братиславы, в рабочей семье.

С юношеских лет он принимал участие в деятельности революционных организаций молодежи. В 1929 году вступил в комсомол, в 1933 году — в Коммунистическую партию. Он вел активную политическую работу среди рабочих и интеллигенции, сотрудничал в партийной печати. В 1937 году был избран генеральным секретарем Общества экономического и культурного сближения с Советским Союзом в Словакии. После запрещения буржуазным правительством в октябре 1938 года Коммунистической партии и перехода коммунистов на нелегальное положение Г. Гусак в 1939 году стал членом подпольного руководства Братиславской городской партийной организации. За коммунистическую деятельность в годы господства фашистов в Словакии он неоднократно подвергался арестам и отбывал тюремное заключение.

В 1943 году Г. Гусак вместе с К. Шмидке и другими товарищами вошел в подпольный ЦК Компартии Словакии, являвшейся организатором и ведущей силой антифашистской борьбы словацкого народа. Он активно участвовал в подготовке и руководстве Словацким национальным восстанием, вспыхнувшим в августе 1944 года. Будучи одним из руководителей Коммунистической партии Словакии, он на освобожденной Советской Армией территории Словакии принимал активное участие в налаживании работы партийных организаций, создании и укреплении органов народной власти, в восстановлении хозяйства. С апреля 1945 года Г. Гусак — член ЦК КПЧ, в 1946—1950 годах — председатель Корпуса уполномоченных (правительства) Словакии. В начале 50-х годов в результате необоснованных обвинений Г. Гусак был снят с руководящих постов, а затем репрессирован. В 1963 году он полностью реабилитирован и восстановлен в партии. В апреле 1968 года назначен заместителем председателя правительства ЧССР.

В период острого политического кризиса в стране в 1968—1969 годах, когда правые и антисоциалистические силы при поддержке империалистических кругов Запада предприняли яростные атаки против марксистско-ленинской политики КПЧ, против социализма, дружбы и сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами и развернули широкую подготовку контрреволюционного переворота в Чехословакии, Г. Гусак вместе с другими преданными делу партии коммунистами и патриотами выступал в защиту социализма. Являясь с августа 1968 года Первым секретарем ЦК КП Словакии и членом Президиума ЦК КПЧ, он прилагал большие усилия по мобилизации трудящихся на борьбу против антисоциалистических сил и правых оппортунистов, по сплочению марксистско-ленинского ядра КПЧ.

Коренной перелом в развитии обстановки в партии и стране произошел после апрельского пленума ЦК КПЧ в 1969 году, избравшего новое руководство ЦК. Первым секретарем ЦК КПЧ был избран Г. Гусак. Возглавляемый им Центральный Комитет развернул работу по сплочению партии на принципах марксизма-ленинизма, по восстановлению ее дееспособности и руководящей роли в обществе, по упрочению социализма в ЧССР.

Состоявшийся в мае 1971 года XIV съезд КПЧ продемонстрировал победу марксистско-ленинских сил в борьбе за восстановление КПЧ как партии ленинского типа, ознаменовал торжество принципов пролетарского интернационализма. Г. Гусак был избран Генеральным секретарем ЦК КПЧ. С 1971 года он — Председатель ЦК Национального фронта ЧССР. В мае 1975 года Г. Гусак избран Президентом ЧССР.

Крупным событием в жизни партии и страны стали XV (1976 г.) и XVI (1981 г.) съезды КПЧ, наметившие новые задачи строительства развитого социалистического общества в стране. На этих съездах Г. Гусак вновь был избран Генеральным секретарем ЦК КПЧ. Претворяя в жизнь разработанную съездами партии программу, чехословацкий народ добился новых крупных успехов в социалистическом строительстве, в развитии экономики, науки и культуры, в подъеме благосостояния трудящихся.

На протяжении всей партийной и государственной деятельности Г. Гусак последовательно выступает за укрепление и всестороннее развитие братской дружбы и тесного сотрудничества между КПЧ и КПСС, между народами Чехословакии и Советского Союза. За заслуги в этом благородном деле он награжден двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции.

Г. Гусак — дважды Герой ЧССР, имеет ряд государственных наград Чехословакии и других стран.

Верный сын чехословацкого народа, отдающий все силы борьбе за торжество идей марксизма-ленинизма, за построение социализма в Чехословакии, сплочение стран социалистического содружества, укрепление международного коммунистического и рабочего движения, борьбе за мир и социальный прогресс, большой друг Советского Союза, Г. Гусак пользуется глубоким уважением у советских коммунистов и всех трудящихся нашей страны.

С. СЕРГЕЕВ

НЕТ БОЛЕЕ ВАЖНОЙ ЗАДАЧИ

Юрий **КОРНИЛОВ**

«Советский Союз хочет сохранения и укрепления мира и делает для этого все от него зависящее, хорошо сознавая, что нет сейчас более важной задачи в международной политике, чем отодвинуть нарастающую угрозу ядерной войны, взять под контроль, прекратить гонку ядерных вооружений». Так заявил, отвечая на вопросы американского политического обозревателя, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. В этих словах с исчерпывающей полнотой и четкостью сформулирована сама сердцевина миролюбивой и принципиальной советской внешней политики.

Прочный, надежный, устойчивый мир — первая и самая настоятельная потребность всех людей, всех народов, всего человечества. Требование мира приобретает особенно важное значение в нынешних условиях, когда государства располагают оружием, способным уничтожить человеческую цивилизацию, саму жизнь на земле, и когда угроза войны, которую удалось заметно отодвинуть в 70-х годах, снова стала усиливаться, а международная напряженность ощутимо нарастает. Исходя из этого, Страна Советов, верная ленинской политике мира, продолжает наращивать усилия, направленные на то, чтобы сохранить и упрочить разрядку, предотвратить ядерную катастрофу. Яркое и убедительное тому подтверждение — принятое 22 декабря обращение Верховного Совета СССР и ЦК КПСС «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира», крупномасштабные и конструктивные внешнеполитические идеи и инициативы, выдвинутые в канун 1983 года в докладе товарища Ю. В. Андропова «Шестьдесят лет СССР», в его ответах на вопросы американского журналиста.

В чем суть, стержень этих миролюбивых инициатив? Они направлены на решение «проблемы проблем» современной международной жизни — на прекращение материальной подготовки к войне. Они касаются важнейших аспектов этой проблемы, ибо нацелены на то, чтобы разорвать порочный круг наращивания ядерных арсеналов, обеспечить ограничение и сокращение стратегических вооружений, ограничение ядерных вооружений в Европе, укрепить доверие между государствами. Они указывают конкретный путь к достижению справедливых и взаимоприемлемых договоренностей, основанных на принципе равенства и одинаковой безопасности. И вполне закономерно, что видные государственные и общественные деятели разных стран, международная пресса, продолжая широко обсуждать и комментировать внешнеполитическую линию СССР, советские инициативы, вновь и вновь подчеркивают их огромное значение для сохранения и упрочения мира, отмечают, что эти инициативы — еще одно убедительное подтверждение непреклонной решимости СССР устранить опасность ядерной катастрофы.

Так реагируют на советские предложения все, кто искренне заинтересован в упрочении мира. Но иную, полярно противоположную реакцию вызывают они в Вашингтоне и столицах некоторых других западных держав — союзниц США по НАТО. Сегодня, как и вчера, архитекторы американской внешней политики делают ставку на «силовые приемы», пытаясь любой ценой взломать сложившийся в мире военно-стратегический паритет сил, дабы, обзаведясь ядерным мечом подлиннее и поострее, диктовать свою волю суверенным странам и народам. Именно этим и только этим можно объяснить тот факт, что военный бюджет США за один лишь год увеличился на 44 миллиарда долларов и в 1983 финансовом году достигнет, как сообщается, астрономической, беспрецедентной в истории США суммы в 263 миллиарда долларов.

Но времена, когда империализм мог по своему усмотрению вершить судьбы государств и народов, прошли. Прошли навсегда! Потенциал мира в наше время поистине огромен. Как его могучий оплот выступает на международной арене Советский Союз. Социально-политический фундамент мира — рабочий класс, трудящиеся, народные массы всех континентов, сознающие, что настала пора воздвигнуть надежную преграду на пути империалистических «ястребов», любителей милитаристских авантюр. И как могучий набат звучат сегодня над планетой слова послания мира, принятого Верховным Советом СССР и ЦК КПСС:

«Советские люди убеждены, что государства и народы, объединив свои усилия, смогут победить военную угрозу, сохранить и упрочить мир на земле, обеспечить право человека на жизнь. К такому объединению усилий мы призываем парламенты, правительства, политические партии и народы земли».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Евгений КОРШУНОВ

ЛИВАН: НОВЫЙ ЭТАП ТРАГЕДИИ

Не проходит ни одного дня, чтобы газеты не вышли бы без очередного сообщения о событиях в Ливане. То сообщается о повальных обысках и арестах ливанских патриотов, проводимых израильскими оккупантами в городах Сайда, Тир, Набатия, то о расправе сионистских палачей над палестинцами, брошенными в печально знаменитый концлагерь Ансар, то о провоцируемых израильтянами кровавых межобщинных столкновениях в горном районе Шуф. Израильские танки утюжат южноливанские сады, пытаясь уничтожить группы бойцов Сопротивления. Израильские самолеты бороздят небо над житницей Ливана — долиной Бекаа, часть которой оккупирована армией Тель-Авива. Израильские корабли рыщут в ливанских водах.

Сообщается и об ударах, которые наносят ливанские патриоты по оккупантам. Взлетают на воздух израильские штабы. Попадают в засады израильские автоколонны. Пули патриотов настигают оккупантов на улицах городов и деревень даже среди бела дня. И никакие зверские репрессии не могут запугать тех, кто сражается сегодня в Ливане под лозунгом «Смерть израильским оккупантам!».

Да, с каждым днем растет счет, по которому Тель-Авиву приходится платить за кровавую агрессию против ливанского и палестинского народов, начатую им в июне 1982 года. Правители Израиля рассчитывали на молниеносную войну и немедленные ее военные и политические плоды — разгром вооруженных отрядов ливанских и палестинских патриотов, установление в Бейруте послушного им режима, вступление Ливана на путь Кэмп-Дэвида, ослабление Сирии, чьи войска противостоят сегодня агрессорам в долине Бекаа.

Однако ничего этого не произошло. Более того, обозреватели пишут о тройном поражении Тель-Авива в ходе его ливанской авантюры — о поражении военном, политическом и моральном. Именно в Ливане развеян миф о «могуществе» армии Израиля, которую сионистская пропаганда именовала не более, не менее, как «третьей» по силе армией мира. Эта оснащенная новейшим американским оружием военная машина завязла под стенами Бейрута, защищаемого полупартизанскими отрядами ливанских и палестинских патриотов. Во много раз превосходящие силы израильтян день за днем отбрасывались защитниками ливанской столицы в течение почти трех месяцев. Тысячи убитых и раненых — таковы потери израильской армии в Ливане, которые сионистская пропаганда старается всячески приуменьшить. Лишь к психиатрам (это уже по израильским данным) пришлось отправить около 600 солдат и офицеров Тель-Авива! А сколько было случаев неповиновения приказам, отказов идти в атаку, мародерства, грабежей и насилия?

В то же время вооруженные подразделения Палестинского движения сопротивления оказались неразгромленными, непобежденными. Они были выведены из Бейрута лишь в результате политических переговоров и для того, чтобы спасти жителей ливанской столицы от тотального уничтожения американскими бомбами, ракетами и снарядами, обрушиваемыми на город агрессорами в ходе варварских бомбардировок и обстрелов. Было ли это военной «победой» Тель-Авива? Безусловно, нет.

Невиданным политическим поражением стала эта агрессия и для Тель-Авива и для Вашингтона. Весь мир, все человечество осудило и продолжает осуждать их за кровавую бойню, учиненную в Ливане. А Организация освобождения Палестины завоевала еще более широкое международное признание и уважение, укрепила свой международный авторитет. Резня, организованная лично военным министром Израиля А. Шароном в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, еще раз продемонстрировала всему миру, до каких преступлений может дойти сионизм, осужденный ООН как идеология расизма и человеконенавистничества.

Агрессия в Ливане принесла сионистскому государству и невиданное в его истории моральное поражение. Израильское общество оказалось глубоко расколотым. В демонстрации протеста против войны и зверств, творимых израильской армией в Ливане, состоявшейся в сентябре, участвовало более четырехсот тысяч израильтян. «Бегин — террорист, убийца», «Шарон — вампир Сабры и Шатилы» — таковы характеристики, данные самими израильтянами главарям сионистского «рейха». Сегодня все больше и больше их требует немедленного прекращения агрессии и вывода израильских войск из Ливана. В Израиле все шире разворачивается антивоенное движение, во главе которого идут израильские коммунисты и другие левые силы страны. Все это, несомненно, является мощным моральным ударом по сионизму, делающему ставку на войну и агрессию.

Пытаясь сбить антивоенный накал в израильском обществе, правители Тель-Авива уже неоднократно заявляли, что считают войну в Ливане «оконченной». На самом же деле война продолжается — самая долгая, кровопролитная и дорогостоящая война в истории сионистского государства. В самый разгар войны, когда полчища агрессоров безуспешно штурмовали Западный Бейрут, морили его голодом и жаждой, израильские газеты оценивали в 100 миллионов долларов каждый день боевых действий сионистской военной машины. А экономика Израиля давно уже находится в глубочайшем кризисе. Материальные потери, которые Израиль понес с начала агрессии против Ливана по настоящее время, являются такой же строжайшей тайной Тель-Авива, как и его военные потери в людской силе и технике. И все же можно смело говорить и о четвертом поражении Израиля в войне против ливанского и палестинского народов — о поражении экономическом. Именно поэтому израильские оккупанты пытаются сегодня наладить планомерное ограбление оккупированных ими районов Ливана, наводняя их в то же время низкосортными, не имеющими других рынков сбыта товарами своей страны.

Ливанское правительство уже неоднократно выступало с протестами против этого разбоя и грабежа. Протестуют ливанские бизнесмены, банкиры, торговцы, крестьяне. Ливанские газеты пишут об экономической агрессии Израиля и подчеркивают, что если свое военное вторжение в Ливан Тель-Авив объяснял «борьбой против террористов» (так сионистская пропаганда именует палестинцев!), то экономическую агрессию Тель-Авив просто-напросто не объясняет никак. Зато в отношении продолжительности оккупации ливанских земель Тель-Авив высказывается куда более определенно.

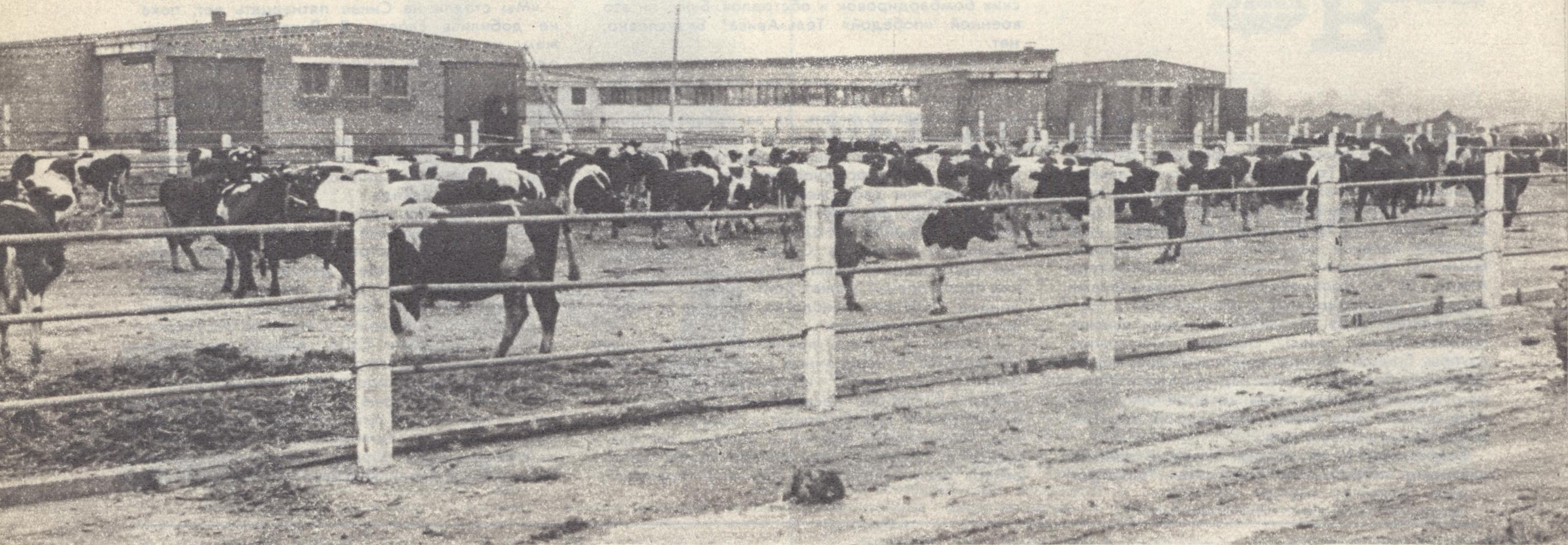
«Мы стояли на Синае пятнадцать лет, пока не добились своего. В Ливане же мы можем находиться гораздо дольше»,— заявил один из главарей сионистского «рейха».

А добиться в Ливане Тель-Авив хочет того же, чего он добился в рамках Кэмп-Дэвида на Синае — сепаратного договора о «мире». Оккупация ливанской территории, ее ограбление — средства циничного нажима на правительство Ливана с целью заставить его пойти по пути Кэмп-Дэвида.

В этом же направлении действует сегодня и Вашингтон. Давно уже и со всей полнотой доказано, что администрация Рейгана принимала самое прямое участие в разработке плана израильской агрессии против ливанского и палестинского народов. Еще в феврале этого года, сразу же после визита в Израиль государственного секретаря США Александра Хейга (теперь уже бывшего), израильское телевидение посвятило широко разрекламированную программу «сценарию будущей войны в Ливане». В программе приняли участие израильские генералы и политиканы, не скупившиеся на угрозы в адрес Организации освобождения Палестины и ливанских национально-патриотических сил. Откровенно и цинично повествовали они о четко разработанных этапах агрессии, о провокации, с которой ей предстояло начаться. Характерно, что агрессия происходила впоследствии по этому самому американо-израильскому сценарию. Стоит напомнить и о том, что всего за несколько дней до ее начала все тот же Хейг публично провозгласил начало «новой стратегии» США на Ближнем Востоке.

— Час США на Ближнем Востоке пробил!— вещал он в Чикаго буквально через два-три дня после вывода израильских войск с Синая, давая понять, что теперь руки у Тель-Авива и у Вашингтона развязаны и администрация Рейгана намерена «вплотную заняться» решением ближневосточных проблем по-американски.

Подстрекательскую и в то же время лицемерную политику проводил Вашингтон и в дни самого разгара израильской агрессии, варварского уничтожения сионистской военной машиной мирного ливанского и палестинского населения. Ввод американских морских пехотинцев в Бейрут в рамках так называемых «многонациональных сил» также имел далеко идущие цели. Интересно, что американские морские пехотинцы быстренько покинули город, как только Тель-Авив завершил подготовку плана вторжения в него и «очистки» лагерей палестинских беженцев, то есть резни в Сабре и Шатиле, предоставив сионистским убийцам полную свободу действий. И сегодня прогрессивная ливанская печать предупреждает о далеко идущих планах Вашингтона в отношении многострадального Ливана. В то же время она подчеркивает позицию СССР, принципиально и последовательно выступающего на стороне арабских народов, в том числе ливанского и палестинского, против планов империализма на Ближнем Востоке, против израильской агрессии и американского экспансионизма, за справедливое и прочное решение ближневосточной проблемы. СССР требует немедленного ухода израильских оккупантов с ливанской земли, восстановления в Ливане мира и безопасности. Советские люди внимательно следят за развитием нового этапа ливанской трагедии, и сердца их — на стороне ливанского народа.

Из многих хозяйств наведываются в колхоз имени XXII съезда КПСС поучиться, как строить фабрику молока.

МАРИНИЧ ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ

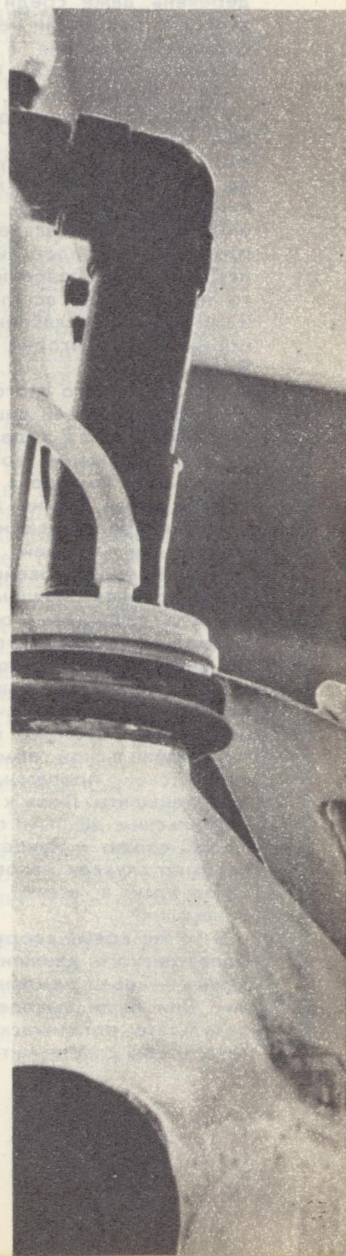
К соседям в совхоз «Пановский» приехал Алексей Константинович Маринич (крайний справа).

Александр Шишков готовится к рейсу.

Утро на ферме.

За качеством молока строго следит Надежда Пшеничная.

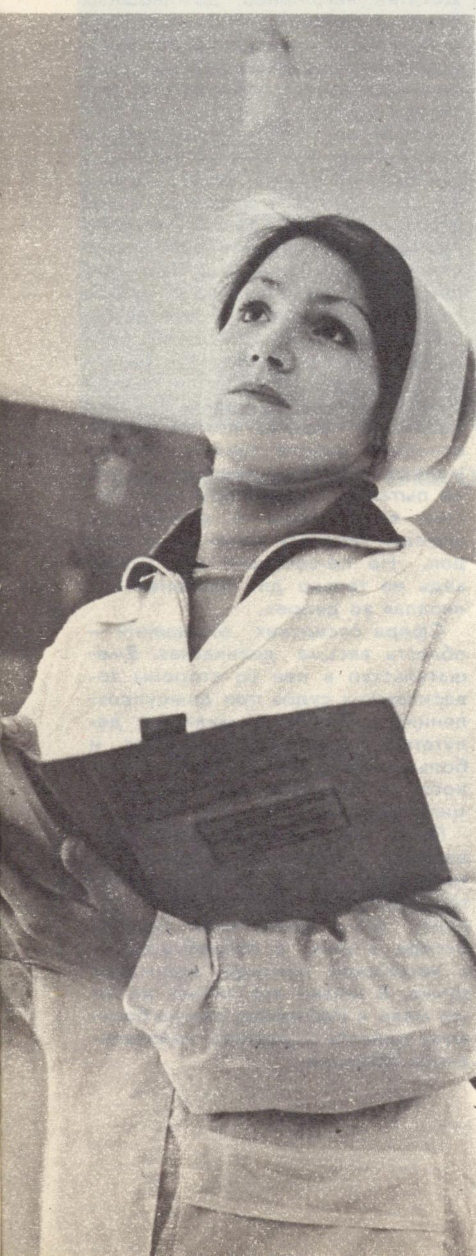

Строка из Продовольственной программы

Н. ШАТОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

ПОМОЩИ

Годы, годы, десятилетия — пахота, сев, уборка трав, жатва зерновых... Двадцать семь лет назад Алексей Константинович Маринич вел лошадь по бездорожью, понад речкой Коломенкой в колхоз, где его, партийного добровольца, тридцатитысячника, накануне избрали председателем. Ох, и долгая она, коломенская верста. Он тащил лошадь, лошадь тащила телегу, в телеге сидели жена Тося и сыновья Леня и трехлетний Витюшка. Тося, теперь Антонина Федоровна, давно уже милая бабушка четырех внуков, тогда шепотом причитала: «Да куда же он нас, да за что такое? Все равно ворочусь, пусть хоть развод...» Не знала она Алексея Маринича, то есть именно знала она Маринича, хорошо знала лет уже десять к тому времени, потому и не воротилась, и тихая угроза развода не состоялась. Бывшего героя-связного и старшину штабной батареи 14-й гвардейской, многих боевых орденов Оршанской артбригады до сих пор ветераны-однополчане знают как человека кремневого, имеющего свои неколебимые принципы, бескорыстного. Он и тогда пошел в колхоз из-за принципа: горком предложил, душа отказывалась, но принцип повелевал ему, Мариничу, с ходу занимать новую позицию, менять прицел и — чтобы все в ажуре. Как всегда у Маринича.

Тридцатитысячник. Их мало осталось в районах, прошло много больше четверти века с той — первой в их деревенской жизни — весны. Алексей Константинович славно прожил эти годы. Земли окрест Лукерьина обернулись хлебородной коломенской степью. Земли по-над Коломенкой все те же — тяжелые, глинистые («Наша земля на кирпич идет!»), а намолачивает колхоз имени XXII съезда КПСС кубанские урожаи. У Маринича урожаи кубанские, а у соседей? Неважные дела у соседей. Никакой видимой глазу границы, казалось бы, нет между колхозом и совхозом «Пановский»—ни оврага, ни курганов, ни реки... И все же посторонний сразу примечает даже из автомашины: пошла другая земля. И не земля другая — поля, они менее ровные, хуже опаханы, с редковатой и клочковатой озимью...

Первый секретарь Коломенского горкома партии Григорий Григорьевич Журавлев рассказал о памятном Красном Знамени коломенских паровозостроителей, переданном много-много лет назад пролетариям — литейщикам Германии. На том братском стяге были вышиты призывные слова: «Не будьте наковальней, пора быть молотом!» Рассказ был посвящен иной стороне жизни коломенских коммунистов, а в моем понимании исторических событий он логично увязался с беспокойным характером опытнейшего председателя колхоза, Героя Социалистического Труда А. К. Маринича. Вот уж кто воистину никогда не был в роли наковальни — ни на Курской дуге, ни в Пруссии, ни в доме, куда старшину-кубанца после демобилизации позвала тоненькая коломенская девушка, телефонистка Тося; ни на том собрании, где его, одного из тридцати тысяч посланцев партии, слушали часа два колхозники. Что он обещал и чего не обещал? Ясно, что спокойной жизни на уровне «достигнутого» не обещал; обещал не брать ссуд у государства, завести свои семена, расплачиваться за работу, обещал лежебокам и маловерам крутые скандалы, а людям, верным природе земли,— новую технику, удобрения, облегчение труда. Только после марта 1965 года колхоз зажил достойной жизнью — хорошо скоро не бывает.

— Мои секреты? — переспросил меня Алексей Константинович.— Ничего нового. В деревне все подчинено годовому циклу погод и жизни растений. Чтобы идти в ногу с жизнью, нужны дисциплина, мораль хозяина. Я слов директивных от района как бы не слыхал, а если они и громыхали когда, то пропускал без внимания. Нельзя злоупотреблять властью — она не козырь, а помощник на деле. Все надо решать коллективом — тут деревня, а не армия; и мне пришлось, конечно, самому перестроиться. Я всегда, даже если заранее убежден в своей правоте, собираю членов правления, актив. Мы операцию обсуждаем в деталях, все «за» и «против», и люди выносят решение... А как часто бывает у соседей? По телефону передают, что делать на фермах, отделениях... Земля или корова по телефону не живут.

Колхоз имени XXII съезда КПСС по сравнению со среднерайонным показателем на сто гектаров имеет техники меньше, значительно меньше, но работают колхозные механизмы и механизаторы лучше, качественнее, и **все** полевые работы на полях проводят здесь в сроки, определенные принятой технологией. Отклонение — ноль. Тут давно сказалась воля бывшего старшины штабной батареи. В «Пановском» специалисты понимают, конечно, выгоду культуры производства, производственной дисциплины, однако...

И вот А. К. Маринич предложил трос буксующим соседям. Горком партии одобрил идею: в районе немало хозяйств, нуждающихся в действенной помощи не словом, а делом. Мне Алексей Константинович говорил, что даже спать стал хуже: колхоз из года в год передовой, отстроились, перевооружились; оделись и сытно живут в Лукерьине, а «Пановский» — планово-убыточное хозяйство. Это в наши-то дни. Как так? А вот такая, оказывается, ситуация: передовому колхозу планируют постоянное наращивание производства, да в таких процентах, что разбега не хватает взять новую высоту, и в то же время многим хозяйствам в районе убытки (правда, и их снижение) планируют. Прогорайте, горе-специалисты, так сказать, на законном основании!

Григорий Григорьевич, коломенский партийный секретарь, сказал:

— На пороге нынешнего пятилетия горком решил, что нельзя больше терпеть застоя, топтания на месте. Маринич с пониманием отнесся к идее технологического буксира. Горком партии одобрил новую форму социалистического соревнования. Как всегда было? А был спортивный принцип. На зеленом поле, образно говоря, сходились хозяйства в равной весовой категории. Соревновались лучший с хорошим, середнячок с подобным себе. Практически еще весной было ясно, кто одержит верх. Сейчас соревнование — повод позаимствовать передовое, лучшую технологию, навыки, приемы ведения практической экономики. И тут Маринич впереди, он протянул руку соседу, у которого корпус специалистов по крайней мере нравственно готов переделать хозяйство, поставить его на ноги.

Я понял: в Коломенском районе руководителей отстающих хозяйств не натаскивают на очевидное, **что** делать; а убеждают, **как** делать, на примере повседневной жизни благополучных соседей.

— Колхоз сегодня в смысле внимания и снабжения от совхоза не отличается,—убежден А. К. Маринич,— мы у государства одинаково любимые дети. Но приказного в совхозе остается больше. Эта разница не экономическая, не правовая, а моральная. И в «Пановском» это поняли...

Часто встречаются председатель Маринич и директор Евграфов. Не в гости, а как на работу наезжает к соседям воспитанник Алексея Константиновича, колхозный агроном Борис Александрович Грязнов. Общаются и секретари партийных организаций хозяйств — Евгений Михайлович Кладов и Мария Сергеевна Хохлова.

И вот совхоз «планирует» уже не полумиллионный убыток, а «всего» тысяч двести. И вот уже с сентября класс выпускников средней школы работает на ферме. Совхоз изменил по разрешению районных организаций ориентир в специализации, стал выращивать бычков, а откорм — это деньги живые, немалые. В колхозе семенной клевер дает огромную стабильную прибыль, и колхоз по-соседски продал совхозу достаточно семян, чтобы клевер был и там. Совхоз внял доводам

Маринича и поднатужился, построил великолепно оснащенный механизированный ток. Пять лет строится в совхозе молочный комплекс и, кажется, финиш близок, тогда и молоко пойдет. Но какое? Колхоз только за высокое качество молока получает от государства сверхоплату — сто семьдесят тысяч рублей.

— Вот вам и покрытие ваших плановых убытков,— говорила на людях в горкоме партии колхозный экономист Ирина Алексеевна Карпова. И совхозный экономист Зоя Трофимовна Жалнина согласна с соседкой и наставницей. Зоя Трофимовна давно подсчитала, на чем совхоз теряет, но нет пока рядом человека такого волевого, как Алексей Константинович, у которого душа болит даже за дела совхоза. И тогда экономист и специалисты совхоза поехали в Лукерьино, посмотрели, как безукоризненно ведется там документация, какие книги полей и технологические карты, как по-современному начисляется оплата — полновесно и только за сделанное дело; как придумали хранить и вносить навоз. Теперь пользуются живым примером в совхозе — выпрямляют дороги, припахали поля, внесли впервые навоз по технологии соседей, впервые довели семена до требуемого качества — свои семена, и только первого и второго класса; организовали свою контрольно-семенную лабораторию, реконструировали склад, определили реальные пути снижения себестоимости, а также пути повышения цен, по которым картофель продается государству,— Маринич плохому не научит. Это всего лишь первые, давно очевидные шаги. Они уже сделаны.

— Сколько у вас уходит на оплату услуг со стороны «Сельхозтехники» и «Сельхозхимии»? Не менее ста тысяч? — Председатель из Лукерьина задумался.— Дорогие партнеры, вам лучше бы самим засучить рукава, самим поработать, чем дядям платить... А вот то, что сами с урожаем убрались, впервые без наших комбайнов, это совсем хорошо. Значит, при общем желании можете!..

Так живут соседи в коломенской степи. А еще есть богатые поймы, и есть плантации картофеля, и есть многие десятки ферм. Они будут давать прибыль. Такова коломенская новь. Ибо хозрасчет и стремление жить интересами района имеют в виду не только обмен средствами, взаимопомощь техникой, но и усвоение общих, рациональных идей по преодолению бесхозности и равнодушия. Общение на профессиональном уровне. Например, взяли коломенские промышленные предприятия по ферме на буксир — и дело тут же обернулось выгодой. Заводчане Коломны изготовили собственной конструкции навозоразбрасыватель — и горы органики переместили в суглинистые поля. И еще рабочие сделали мощные выравниватели полей. И все безвозмездно, а выигрыш очевиден. Я слышал, как председатель Маринич обещал: «Весной приедем к вам, возьмем ваше поле, обработаем, засеем, уберем — будет совхозу урок...» И слышал, как парторг Мария Сергеевна ответила:

— Будем учиться, Алексей Константинович. Спасибо.

Московская область

житейские раздумья

Алексей ПАНЧЕНКО

НАШИ СОСЕДИ

Добрососедскими отношениями дорожат у всех народов испокон веков. Мы сами порой не замечаем, как отражаются они на общей тональности нашей жизни, как много значат в ней простые, искренние слова: «Здравствуй, сосед!»

В трудный час чужой беды хороший сосед добровольно, без громких слов и позы принимает на себя обязанности и хлопоты по оказанию помощи, своим участием как бы уменьшая чужие горести. Сколько мужчин и женщин в нашей стране, детей-сирот суровой военной поры, ставших давно уже взрослыми, и по сей день платят признательностью тем, кто в те годы взял их в свою семью, где подчас были и свои голодные рты. Тысячи и тысячи семей брали тогда на воспитание детей погибших соседей. Нередко отказывая себе в самом насущном, они дали им тепло родительского очага, позаботились о том, чтобы приемные соседские дети учились, приобрели специальность, словом, заменили им отцов и матерей.

Жизнь каждодневно дает немало примеров искренних, душевных отношений между соседями по сельским домам или городским лестничным площадкам. От этого устоявшегося и, в сущности, такого естественного уклада незримая цепочка тянется и к нашему настроению на работе, к нашей сердечности и приветливости, доброжелательности в общении даже с незнакомыми нам людьми в любой обстановке. А приходит серьезное испытание — и во всей полноте скажется сила, заложенная в добрососедстве.

...Несколько лет назад большое горе обрушилось на жителей одной из деревень колхоза имени 16-й годовщины Октября Владимирской области. В жаркий летний полдень, когда все взрослые были в поле и на фермах, пожар уничтожил свыше десятка домов. Государство и колхоз оказали погорельцам щедрую помощь ссудами и материалами. Не оставили вниманием и участием людей, попавших в беду, и соседи-односельчане: на долгие недели, стеснив себя, предоставили им кров. И нет весов, кроме разве сердца, на которых можно было бы взвесить и оценить значение такого участия. Стоят сейчас на деревенской улице новые, краше прежних дома, и кажется, что хранят они тепло и свет подлинно человеческой дружбы и добрососедства.

Совсем не случайно, ставя ли свой дом или вселяясь в новенькую городскую квартиру, мы не в последнюю очередь думаем о тех, кто будет жить с нами рядом,— о соседях: «Какие они?» Само собой разумеется, что ровно так же гадают о нас и соседи. У каждого из нас есть друзья, с которыми мы охотно проводим свой досуг, делимся сокровенным, встречаемся семьями. Соседи могут не входить в их число, ведь у многих истоки дружбы уходят в школьные, студенческие или армейские годы; дружат люди по общим интересам, привязанностям, профессиям.

Но хотя говорят, что соседей не выбирают, многое в характере наших отношений с ними зависит от нас самих — от нашей доброжелательности, внимания, готовности идти навстречу друг другу. От этого на годы, а порой и на всю нашу жизнь складываются микроклимат и сельского квартала и обитателей квартир в подъездах большого городского дома.

В нашем социалистическом обществе мы не можем пренебрежительно относиться к своим соседям, «не замечать» их, «в упор не видеть», полагать: «Я сам по себе, они сами по себе». Уместно вспомнить в связи с этим прекрасные слова Ф. Энгельса, сказанные им о людях «самих по себе»: «Занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и отнюдь не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью».

В последнее время социологи и психологи все чаще и чаще говорят о некоем кризисе общения между людьми, в том числе и между соседями, особенно в крупных городах. Объясняют это стремлением утомленных за день людей — работой или ритмом жизни большого города — изолировать себя «от всего мира» в стенах своей квартиры. Но все-таки полезно порой задуматься: а не обкрадываем ли мы себя тем, что частенько избегаем общения, в том числе и с теми, кто живет рядом,— с нашими соседями?

Подумайте, и вы всегда найдете прямые пути к общему взаимопониманию. Это и доброжелательный тон при встрече и в разговоре, и книга из личной библиотеки, одолженная вами, и поход с детьми — своими и соседскими — в кино, музей или в загородный лес. А то и просто толковый житейский совет, если вы более опытны. Не бойтесь разделить с соседями радость или житейскую горесть — это всегда отзовется взаимной сердечностью. Нетрудно не включить приемник или телевизор на полную громкость, тем более если за стеной кто-то болен, несложно принести старикам соседям лекарство или продукты из магазина. Простые житейские истины, но как часто многие не используют их, пренебрегая созданием добрых отношений, делающих нашу жизнь богаче, интереснее, радостнее.

Жизнь сложна. Как говорится, «насильно мил не будешь» — не всегда в отношениях между соседями тишь да благодать. Порой они омрачаются взаимной неприязнью, спорами «из-за межи», даже чужого цыпленка, посмевшего перелететь через забор «в мой огород». Поводы часто ничтожны и нелепы. Но вот уже на годы таят в себе обиды отцы и матери семейств. И вот уже буйно разрастается бурьян недоброжелательства. И вот уже в орбиту неприязни втягиваются дети. Бесследно ли пройдет для их неокрепших душ эта неприязнь и распри взрослых? Подумайте, сколько ваших педагогических бастионов может разрушить в глазах детей только один неверный шаг в отношениях с соседями.

И еще об одном — очень важном с точки зрения коллективистского уклада нашей жизни, характера социалистического общежития. В большей степени это относится к жителям городов, где порой забота о внешнем облике двора передоверяется нескольким общественникам. В субботниках и воскресниках по благоустройству территории около дома участвуют часто одни и те же люди. Десятки чемпионов доминошных боев день-деньской стучат костяшками, а «чудаки» с лопатами и граблями создают для них цветники и газоны, оборудуют детскую площадку.

Об этом написала в «Огонек» московский инженер К. И. Михайлова: «Вот уже несколько лет, как мы получили квартиру в новом 12-этажном доме с большим двором. Не помню субботника или воскресника по его благоустройству, в котором мы с мужем (он тоже инженер) не приняли бы участия. Но вместе с тем не припомню случая, чтобы хотя бы на один из них вышли наши соседи по лестничной площадке. Все они здоровые, средних лет люди, по основной работе заняты гораздо меньше нас. Поверьте, как бы мы ни пытались сдерживать свои чувства, не «уходить в обиду», но все-таки остается неприятный осадок. Не по-соседски это. Сосед ведь не только для бесконечного «козла» во дворе».

Сфера соседских отношений — область весьма деликатная. Вмешательство в нее со стороны товарищеских судов при домоуправлениях, работников милиции, депутатских групп предполагает и большой жизненный опыт, и чуткость, и при всем при том принципиальность.

Пусть нас согревает тепло сердечных, искренних отношений с теми, кто живет рядом. Идите навстречу рукопожатию соседа, его приветливой улыбке, беседе с ним, а потребуется — и житейской помощи, взаимовыручке. В жизни это значит не так уж мало и составляет самую большую радость — радость человеческого общения.

Г. Башинджагян. 1857—1925. ОСТРОВ св. ЛАЗАРЯ НОЧЬЮ. 1892.

Г. Башинджагян. КАЗБЕК. 1895.

Гаянэ БАШИНДЖАГЯН

ПЕВЕЦ АРМЕНИИ

Бывают такие мгновения в жизни человека, когда неожиданный импульс вдруг всколыхнет дорогие сердцу воспоминания давно минувших дней. Так произошло со мной, когда я увидела монументальное полотно Дмитрия Налбандяна «Вернатун», запечатлевшее моего отца — основоположника армянского реалистического пейзажа Геворга Башинджагяна, вместе с его единомышленниками, представителями «могучей кучки». Эти классики, чьи имена давно стали хрестоматийными, составляют гордость армянской культуры. Но для меня они живые люди, часто бывавшие в нашем доме.

Геворг Захарович Башинджагян родился 125 лет назад, в обедневшей дворянской семье в грузинском городке Сигнахи, откуда открывается яркая панорама Алазанской долины. Красота Кахетии рано пробудила у него любовь к живописи. За неимением бумаги рисовал на стенах комнаты недостающие в скромном доме предметы — шкафы, полки. А изображение вешалки было столь правдоподобно, что редкий гость, впервые переступивший порог дома, не пытался повесить на нее свою шляпу. Детские забавы вскоре кончились, мальчику пришлось работать, за копейки писать вывески для мелких торговцев. Семья рано осиротела, познала горькую нужду, и на плечи старшего из детей легла вся ответственность.

Ценой упорного труда талантливому юноше удалось блестяще окончить петербургскую Академию художеств. Он на всю жизнь впитал в себя демократические принципы русской реалистической живописи, связав идейно-художественное наследие передвижников с искусством Армении.

В связи с 60-летием образования нашего многонационального социалистического Отечества нельзя не подчеркнуть подлинный интернационализм творчества и самой личности Г. З. Башинджагяна. Его первая крупная работа, «Березовая роща», удостоенная медали Академии художеств, была навеяна красотой русской природы. И последняя, незавершенная работа мастера, 1925 года, называется «Дуб в поле». Отец глубоко чтил имена Пушкина и Лермонтова, Толстого и Чехова. Его настольной книгой были тургеневские «Записки охотника». По мотивам стихотворения Лермонтова он написал картину «На севере диком...», а пейзаж «Ясная Поляна» — один из немногих, в котором изображен человек, и этот человек — великий Лев Толстой.

Башинджагян в основном считается пейзажистом, но у него есть работы, посвященные историческому прошлому Родины, ее культуре. Побывав в древнем Ани, некогда столице Армении, он создает полотна «Анийский кафедральный собор», «Анийские стены», «Развалины Ани». Оставляет нам изображения дома, где жил великий революционный просветитель Хачатур Абовян, и место захоронения основателя армянской письменности Месропа Маштоца. Иногда мастер обращался к сюжетным композициям, среди которых — историческое полотно «Переселение армян из Персии в Россию в 1828 году», проникнутое пониманием великой освободительной роли России в судьбе Армении.

Большую часть своей жизни отец прожил в Тбилиси (тогда Тифлис), являвшемся культурным центром всего Закавказья. Владел грузинским языком, хорошо знал азербайджанский, дружил с видными представителями культуры Грузии, во многих картинах запечатлел ее природу, создал полотно на сюжет «Витязя в тигровой шкуре», помогал советами интерпретаторам творчества Шота Руставели. Идея дружбы народов пронизывает всю его художественную и общественную деятельность. Свидетелями поездок в Западную Европу стали картины «Берега Сены», «Булонский лес», «В окрестностях Парижа».

Но основная тема и вершина творчества мастера — монументальный пейзаж, природа Армении. Художник создал возвышенно-поэтическое представление о родном крае, о своем гонимом народе, долгие века мечтавшем о свободе и счастье. На многих полотнах символы отчей земли — белоголовый библейский Арарат и глубоководный Севан, олицетворяющий плодородие, могучую животворную силу, саму жизнь. Каким только мы не видим Севан на его картинах! При свете яркого дня, в глухом сумраке ночи, при луне, в полной тишине, в дождь, в ветер. То же можно сказать и об Арарате, всегда разном, изменчивом.

В ночных пейзажах Башинджагяна напряженно-романтическое звучание необычайно обострено. Образная выразительность достигается исключительно тонкой цветовой нюансировкой темноты и лунного света. Эти работы: «Севан ночью», «Севан в лунную ночь», «Кура́ ночью», «Ночь в Ортачалах» — перекликаются с холстами Куинджи. Но при этом у отца был свой почерк, свой творческий метод, основанный на блистательной художественной памяти.

Нельзя не упомянуть о его редкостном умении создавать свето-воздушную среду, строить перспективу, дающую иллюзию глубины пространства, передавать неуловимую игру лунных бликов на воде, отображать все многообразие оттенков неба или плывущих облаков. Композиционные построения мастера безупречны. Но главное — то живое чувство, то эмоциональное напряжение, которые заключены в его картинах. Эти полотна эпичны, в них запечатлена вечная, нетленная красота природы,— она была, когда нас не существовало, и будет, когда уже не будет нас. Вечность здесь одушевлена настроением человека, ощущающего свою слитность с окружающим миром. Иной раз полевой цветок у подножия горы или кустарник у обочины дороги становятся лирической деталью, которая придает интимность, смягчает величавость природных форм. Для отца любой прибрежный камешек полон значения, все сущее — как чудо бытия. Поэтому его внимание привлекали не только грандиозные хребты Кавказа и бешеный бег Терека, но и сухая ветка, и пожухлая трава, и едва пробивающийся ручеек.

С этюдником за плечами, маленьким складным мольбертом и палкой в руке он шагал и шагал по дорогам и горным тропам Кавказа. Когда я вспоминаю отца, то неизменно вижу его за работой. Он был неутомимым тружеником и за свою не очень уж долгую жизнь создал более двух тысяч картин, этюдов, которые хранятся во многих городах нашей страны и за рубежом. Несколько лет назад мой сын, внук художника, находясь в служебной командировке в Венеции, обнаружил в этом городе несколько работ своего деда.

В повседневной жизни Башинджагян был на редкость добрый и отзывчивый человек. К сожалению, из его пятерых детей сейчас только я одна могу это засвидетельствовать. Обстановка подлинно интеллигентного дома, где вся семья была вовлечена в круг общих интересов, во многом определялась моей матерью. Она была не только заботливой женой, но и первым зрителем, первым взыскательным ценителем творчества отца. Хорошая пианистка, мать принимала деятельное участие в издании детского журнала, переводила с русского на армянский книги для детей.

Отец, деликатнейший по натуре, был непримирим, когда речь шла о защите принципов передового реалистического искусства. Ему в равной мере были враждебны идеализм академической рутины и модные формалистические течения. В публичных выступлениях и статьях он гневно бичевал пагубные последствия модернизма. Это «новаторство в живописи, пришедшее с Запада,— писал Г. З. Башинджагян,— нашло благоприятную среду, привлекая к себе легковерных и ленивых невежд. Механически повторяемое пустословие, что «наше искусство — искусство будущего и будет понято только через двести лет», очень выгодно для каждой бездарности, которая мечтает без способностей добиться славы». И далее: «Бурлаки», «Запорожцы» и «Иван Грозный» Репина — прекрасные картины, в которых отображены мысли, характер, чувства и взгляды самого автора. Упомянутые картины, как открытые страницы книги, понятны каждому грамотному, культурному человеку».

Многочисленные выставки работ художника служили популяризации реалистического, антибуржуазного по своей сути, демократического искусства среди широких слоев населения, способствовали росту национального самосознания, пробудившемуся под воздействием передовой общественной мысли России. Художественное творчество отец сочетал с активной общественной и литературной деятельностью. В его публицистических очерках и рассказах отражены жизнь, нужды и чаяния трудового народа.

Живописец был и глубоким знатоком армянской народной музыки. Общественным подвигом его жизни явилось увековечение памяти великого ашуга XVIII века Саят-Нова, зверски замученного вторгшимися в Тифлис воинами персидского шаха. Три десятилетия отец собирал буквально по крупицам сведения о забытом народном песнопевце и обратился с воззванием соорудить памятник ашугу на месте его гибели. «Пусть этот камень будет простым, лишь бы он был поставлен на народные копейки,— писал он.— Сооруженный на медные гроши памятник великому человеку будет величественным». Отец завещал похоронить себя рядом с могилой Саят-Нова. На памятнике, сооруженном по эскизу художника, высечены слова ашуга (в переводе Валерия Брюсова):

«Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих!»

Г. КОПОСОВ

Фото автора

Нелегкий путь к урожаю прошли труженики Ленкоранского района Азербайджана в прошлом году. Сильная жара летом, проливные, почти тропические ливни осенью, когда сады, виноградники, овощные плантации скорее напоминали рисовые чеки, залитые водой.

— У нас шла настоящая битва за урожай, который надо было собрать, вывезти, сохранить и отправить в более чем 900 городов страны. Мы гордимся, что наш район называют «всесоюзным огородом». Хозяйства района сдали ныне государству около 199 тысяч тонн овощей. А ведь, кроме них, наши субтропики дают еще виноград, лимоны, мандарины, айву, хурму, знаменитый чай. Культура очень трудоемкая, но чайные плантации за год расширили на 386 гектаров. Люди хорошо потрудились и сейчас отовсюду приехали в столицу района на традиционный праздник урожая,— рассказывает первый секретарь городского комитета Коммунистической партии Азербайджана Дильруба Джамалова.

...Нарядный стадион с верхней точки кажется огромным многоцветным ковром — его создали тысячи зрителей и участники массового театрализованного представления. Идут спортивные выступления, вручаются подарки передовикам производства, в их честь исполняют танцы и песни. Торжественно прошла колонна земледельцев, знамена которой несли победители социалистического соревнования в честь 60-летия образования СССР. В десятый раз Ленкоранский район награжден Красным знаменем Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и Центрального Комитета ВЛКСМ. Действительно, Ленкорань стала краснознаменным районом краснознаменной республики.

◀ Чаевод Севиндж Бабаева из совхоза имени Кирова.

С ПРАЗДНИКОМ УР

К празднику было приурочено открытие автошколы.

Зурна здесь в почете.

Выступают участники художественной самодеятельности.

ОЖАЯ, ЛЕНКОРАНЬ!

Лучезар ЕЛЕНКОВ

ЧТОБ ЗНАТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ ТЕБЯ

ЧЕЛОВЕК В ГОРАХ

Укроюсь лишь покровом ночи,
чтоб лунный свет играл лучами...
Пересекая тропы волчьи,
ручьи осенние журчали.
Звезда, проклюнувшись, рисково
скользнула сводом необъятным,—
мерцанье шлейфа золотого,
как песнь о светлом, невозвратном.
Прозрачной ночью тихо знаюсь
с травой и будущим селеньем.
Космического вихря завязь
таится и в зрачке оленьем.
Рассвет ли поразгонит мысли
о взлете, что высок и ярок...
Над лесом, разлученный с высью,
звезды расплавился огарок.

ТЫ

Звенишь дождинкой на углу —
сиюминутно и всегдашне.
Тебе к лицу твой алый плащ.
Особенно среди цветов.
Но это, впрочем, лишь о внешнем виде.
О сокровенном — дальше.

Нежно очерченную тайну
любимому доверишь смело.
Она в тебе с библейских пор —
как чудо жизни.
Молчишь иль говоришь...
На колокол твое похоже тело.

Хранительница тайны!..
Ты — словно облачко усталости,
которое
в седьмом часу утра
в твоем осеннем свитере
спокойной
волной несет трамвай
к заводу,
в институт,
в контору.
С хорошими людьми,
с пустыми, как пещеры,
участвуешь в событьях дней.
Твой взгляд напоминает мне взор серны.
А между тем плод зреет,
ты все ближе
к перерожденью — доле матерей.

В дыханье снега,
в свете дивном
высоким смыслом бытия —
в ладонь твою
лег вечный луч
от яблока,
как отблеск нимба.

●

Ты все чаще молчишь...
Изменяются взгляды твои непонятно.
А была ты сначала девчушкой
с прозрачною шеей,
потом
целый мир, столь любимый,
иссяк неожиданно разом.
Палисадники, стены, порталы
и камни Софии
приглушили твой смех
и твой взор усмирили, в котором
исцеляющий свет целомудрия
я нахожу.
Жизнь врачую
его чистотою
и, диву дивясь, прозреваю
в глубь себя и в ту сторону,
где утоляется боль:
там осадные башни посулов и клятв,
как руины, нелепы.
Среди каменных глыб
до сих пор еще можно узреть,
как сияют один за другим
мои образы лучшие —
переживаньем
испытаний, прошедших сквозь душу
в борьбе на дорогах судьбы.
Замыкается круг:
твоя нежность тишайшая плещет
излученьем сердечным
в ладони мои для того,
чтобы исподволь к волнам
волос твоих я прикасался.

БЕРЕГ

Отсюда — дальше...
Сквозь дни, отпущенные нам, и срок путины,
и горьковатый воздух,
и сквозь стихию буреносных вод,—
как изваяния работы волн и ветра
соленого,
наедине пребудем,
заброшенные, в желтизне песчаной.
Тебе и невдомек, что здесь, на стыке
вселенской относительной премудрости
и абсолютным концом твоей любви
я весь во власти чувства,
которое внезапно воссияло
в душе, как бы пресветлая гора,
давно не виданная мною в поле жизни.
И я иду над пропастью, где тьма,
по тропам дня.
Осколки чувств,
словно скорлупки мидий,
ищу и разбираю на песке
в зеленых прядях водорослей гибких.
Отсюда — дальше...
Если без тебя,
то мне придется
увлечься рыб молчанием.

Я стану
предельно одиноким,
чтоб знать
и чувствовать тебя —
как ясный воздух,
как живую воду.

В СОЗОПОЛСКОМ МУЗЕЕ

Амфора —
как видение:
сквозь синюю сень смоковниц —
тела молодых гречанок —
как солнечные лучи.
Амфора —
как метафора.
Под южного неба парусом
напомнит она державу,
где кровью рабов творилось
изысканнейшее искусство.
Амфора —
это форма,
диалектически строго
опровергает бога.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ни разу, никогда уже не позвонишь
по телефону.
Измучен тишиной, как двери в доме,
раскрою памятную книжку.
Взываю к прошлому.
Непроизвольно возвращенье слов.
Сквозь свежий воздух, взрезанный
раздумьями,
я коротко всматриваюсь вновь и вновь
в черты любимого лица.
И нечего сказать, они — как время,
печаль и одиночество мое.
Подобно страже,
встают меж нами невозвратные мгновенья.
О, как бы я хотел, чтобы часы
субботние, воскресные исчезли
до понедельника,
когда в делах, заботах
я забываю о тебе.
Случайно отвлекусь,
и снова — точно в бездну.
Дальнейшее доподлинно известно.
Остынут постепенно наши руки,
глаза,
потом любви поблекнет дар небесный.
Однажды в будущем
меня затопит дикой болью
прозрения, когда
пойму, что я не мог
тебя не обожать.

ГАЛОП

На буйной гриве — блики пламени,
и вдоль спины, и на копытах.
Летят деревья по желтеющим
холмам, разглаженным ветрами.
Издревле в поле мчатся конники.
И ратоборца выдох тяжкий
под синью, медленно густеющей,
мой слух, как цель живую, ищет.
Над нами кружит ястреб.
Ах, конь, рукой подать до дома,
но гнездится
в душе, как бес, надежда,
что ветер мы еще догоним...
От счастья мама зарыдает.
А кот в сенях и не проснется.
И ты, мой конь,
в раздумье,
одинок,
понуришься под ясенем.
Тогда, в хлебах, мы мчались странной
точкой,—
она теперь магнитом
сквозь годы
втягивает властно
меня опять в седло —
в галоп опасный.

**Перевел с болгарского
Сергей БОБКОВ.**

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

...Никто так быстро не умеет обживать новое место, как актеры. Чуть еще только наметилась какая-то общность единомышленников, как появляется девушка, влюбленная в искусство, которая может все, только не может играть, и она понимает это, и это не мешает ей отдавать всю себя сцене; она достает стаканы, бумажные цветы, пальто девятнадцатого века, набор люстр, приводит на репетицию известного актера или режиссера, едет к композитору и легко уговаривает его написать музыку — бесплатно, ради нового театра (которого еще нет, но ведь он есть, пойдите посмотрите, вы должны найти полчаса, машина ждет, нет, конечно, это не машина театра, это брат нашей самодеятельной гитаристки, но он помогает нам постоянно, его завгар на три часа каждый вечер отпускает); она отправляется к поэтам, и те дарят свои песни; потом она приводит старушку, которая вечно ворчит, бесплатно убирается, моет окна, угощает артистов чаем и сушками, купленными на пенсию; появляется меценат из соседнего овощного ларька и по-царски одаривает труппу гигантскими гидропоническими огурцами и маленькими, крепкими, натуральными помидорами, факирским жестом достает из «дипломата» пару бутылок «лимонной», и начинается пир, какой недоступен сильным мира сего с их черепаховыми бульонами и зимней спаржей с фазаном; возникает женщина (обязательно средних лет, как правило, очень полная, в очках, с виду злая) из районного Дома народного творчества; она приглашает журналистов, писателей, фоторепортеров, рассерженных художников; и возникает понятие дома, а что есть в мире нежнее чувства очага, то есть добровольной человеческой общности?!

...Поэтому, когда стихли аплодисменты (никто так не умеет аплодировать, как актеры), внештатный главный администратор Ирочка принесла три бутылки шампанского, купленные ею на деньги, одолженные у мамы; тетя Аня, пенсионерка из соседнего дома, ставшая внештатной уборщицей, расставила на ящиках из-под апельсинов стаканы, и Писарев подробно, сияя огромными своими глазами, рассказал про то, как его принял Назаров, какой хороший был разговор, какой Назаров сторожкий мужик, себе на уме, но думает славно, не зря, видно, его назначили, не костолом, с ним можно дискутировать, доказывать свою точку зрения; не навязывает решения, предлагает варианты; ждет приглашения на премьеру; вопрос о конституировании театра решится формальным актом в течение двух дней.

— Он утвердил три наших задумки,— продолжал Писарев.— Что касается названия «Вехи», то он против, и с ним надо согласиться; Назаров советовал не подставляться под прицельный огонь перестраховщиков, верное соображение. У нас мало времени и много дел, чтобы тратить себя на пустые споры. Сегодня, когда все свершилось, мы должны спросить себя: готовы мы поднять занавес в осеннем сезоне или нет?

— Готовы,— донеслось со всех сторон.

— А я вдруг испугался,— сказал Писарев.— Честное слово! Недавно сидел с Михайловым, он начал работать своего «Дмитрия». Он рассказывал, как видит главную сцену, определяющую будущий фильм: раннее утро, поле Куликово, трава в капельках росы; угадываются воины, ждущие начала боя, и сквозь эти травы идет мальчик, худенький, черноглазый, с блекло-белыми волосиками. Это ведь прекрасно, не правда ли? Контрапункт всей картины заключен в этом простом и, казалось бы, сотню раз нами виденном или представляемом плане. Но мы проходили мимо, а Никита споткнулся на этом, вывел в формулу. Явление не существует отдельно от того, кто заметил его; оно незримо увязано с его душою, и только тот, кто смог не только увидеть, но и понять, делается художником. Лев Данин готовится к постановке «Леса». Он говорил мне: «Я еще не знаю всех подробностей, я не умею еще ничего толком объяснить, но мне все время видится сцена в гиацинтах... Они должны внезапно посыпаться сверху, они будут выстреливать, как шутихи... Сначала голая сцена, встречаются Счастливцев с Несчастливцевым и говорят, как мы с вами, обычно, буднично, о тетушке, о том, как бы хорошо поехать к ней в имение, а потом вдруг проигрывают этот же текст традиционно, как мы к тому привыкли,— они актеры; а в театре все можно, и я заявляю свое право на это «всесилие сцены». Позиция? Блистательная позиция. Мы начинаем наше «Министерство сердечности» с монолога Хемингуэя. Когда я возвращался от Назарова, мне вдруг стало ясно, что в оформлении мы чего-то не потянули, мы и в ткани слова не до конца точны, мы боимся документа, не верим ему, хотим и документ сыграть, не понимая, что в век информационного взрыва истинная драма не выдумка, а факты биографии человечества. Наша сцена обязана вобрать в себя планету; максимум перспективы; проекция, которая обязана отмести все случайные преграды для чувства. Искусство тем выше, чем больше оно приближается к бесконечности. Софокл бесконечен, как и Шекспир, Мольер, Островский. Наш Грибоедов родился, когда Радищев закончил свое «Путешествие», то есть когда в России утвердилась революционная мысль, интеллектуальное бесстрашие, а погиб, когда Пушкин подходил к идее «Медного всадника». Шекспир родился в год смерти Микеланджело, а ушел в добровольное изгнание, когда запищал младенец, нареченный Рембрандтом. Шекспир ушел, преодолев статику, он был бесстрашен на площадке, где разыгрывал свои действа; лестница так лестница, буря в поле так буря, если так было, если это переживал Лир. Да, действительно всякая даль страшит человека, ибо она требует преодоления пространства между тобою, актером, и им, зрителем; всякое преодоление трагично и подвластно лишь тому, кто имеет мужество, волю и силу; живописец трагически переживает пространство между его глазами и чистым холстом, он обязан преодолеть его и создать новый мир; близкое — угодно людям, оно продиктовано привычным чувствованием, «мне это знакомо, нужно лишь протянуть руку», но разве это искусство, когда близко?! Готовы ли мы к преодолению? Мы рискнули заявить себя как сообщество новаторов, и это прекрасно, но отдаем ли мы себе до конца отчет в том, какое нам предстоит преодолеть пространство в оставшиеся до открытия сезона месяцы?— Писарев давно уж слышал, как надрывается телефон, проведенный в костюмерную стараниями монтера Гарика, занятого в самодеятельном оркестре. Это мешало ему, поэтому он несколько раздраженно обернулся к главному администратору.— Ириша, ну, подойдите же, так говорить трудно...

Ириша бесшумно побежала к телефону, а Писарев продолжал:

— Эклектика, то есть совмещение разностей, не есть нечто антихудожественное, отнюдь. Я чувствую, что нам совершенно необходима киноустановка и подбор хроники; мы должны смонтировать сюжеты гнева, юмора, надежды, трагедии... Дмитрий Степанов рассказывал, как он в Нью-Йорке попал в дансинг «Сиркус». Это было в годы, когда шла война во Вьетнаме, а в Сан-Франциско началось движение хиппи «люби, а не воюй». Противопоставление любви войне трагично, потому что беззащитно. В этом «Сиркусе», рассказывал Степанов, были установлены фосфоресцирующие лампы, от которых светили бело-голубым, мертвенным светом нейлоновые рубашки — тогда еще их носили,— а вместо лиц были провалы, только фиксировалась краска на губах, веках, щеках. Парад масок, феерия грима! Молодежь танцевала рок-н-ролл, а на сцене бился в истерике певец, зажигая людей на движение, на подготовку к завершающему акту плотской любви, которая даст усталость и возможность впасть в сладостное забытье потом, и зал сотрясался от этого ритуального движения, но за певцом на экране постоянно крутили ролик хроники: самолеты ВВС США бомбят джунгли, поджигают их напалмом; на улицах Сайгона расстреливают молодого партизана, и мозги несчастного выбрызгиваются на асфальт; салон, где делают педикюр собачкам; операция на глазах японки, чтоб сделать их круглыми, то есть модными, безликими, среднеевропейскими; холера в Пакистане... Понимаете меня? Я слушал Степанова, и мне казалось, что я сам нахожусь на этом антиспектакле, который, по существу, и есть истинный спектакль без зрителей — одни участники...

Писарев заметил, что все смотрят в проем за его спиною; оглянулся — тоненькая контурная фигурка Ирочки была там.

— Кто?— спросил Писарев.— Пусть позвонят позже.

— Из милиции,— ответила Ирочка.— Говорят, по срочному делу...

— Подождут,— отрезал Писарев, но вдруг с фотографической, слепящей резкостью увидел лица своих мальчиков, уехавших с матерью в Гагру, и, не говоря более ни слова, бросился вон со сцены...

3

Молоденький капитан подвинул Писареву пепельницу.

— Если хотите курить, пожалуйста.

— Вы мне, пожалуйста, подтвердите: с мальчиками действительно все в порядке?

— Я же говорил вам — в полнейшем.

— Так отчего же такая срочность?

— Это связано с вашей женой, Лидией Афанасьевной.

— С женой? Несчастье?!

— Да нет... Не то чтобы... Вы ее подругу Дину знаете?

— Я не знаю ее подруг.

— То есть как?

— Не знаю, и все тут. Вы, пожалуйста, объясните, чем вызван этот вызов... Я б не приехал, право, не нафантазировав бог знает что про детей... У меня работа, я бросил людей...

— У меня тоже работа, Александр Игоревич... Итак, Дину Гаврилову вы не знаете?

— Не знаю.

— Какие драгоценности есть у вашей жены?

— Я подарил ей обручальное кольцо; потом сережки, когда первый сын родился, и

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

браслет, когда появился Васька, младшенький...

— А колье?

— Какое колье?

— Бриллиантовое.

— Не знаю, я, во всяком случае, не дарил.

— Как же так?! Муж, и не знаете?

— Мы живем порознь уже как пять лет.

— Но в одной квартире?

— Мне непонятен предмет разговора... Не имею чести знать вашего имени и отчества...

— Капитан Друзов, Роберт Дмитриевич, уголовный розыск...

— Мне предмет разговора непонятен, Роберт Дмитриевич.

— Объясню... Ваша жена сейчас отдыхает с детьми в Гагре, да?

— Верно.

— Так вот, вчера неизвестный мужчина — на жаргоне говорят «фармазон» — забрал у Дины Гавриловой бриллиантовое колье вашей жены, оцененное в очень большую, прямо-таки громадную сумму. Из Гагры пришло спецсообщение, мы обязаны разобраться во всем этом деле...

— Фу, ты, боже мой! — улыбнулся Писарев.— Слава богу, а я уж черт знает что себе нафантазировал...

Капитан Друзов посмотрел на Писарева с несколько недоверчивым недоумением:

— Неужели вас не удивляет все это дело? Подруга, которую вы не знаете; колье, которое не дарили...

— Пусть бы это было самым большим несчастьем в ее жизни...

— Вы разведены?

— Нет.

— Где вы в настоящее время проживаете?

— На квартире моего товарища, который находится за границей.

— В качестве кого?

— Нет, нет,— снова улыбнулся Писарев,— не эмигрант, упаси бог... Доктор, он работает в Африке, в нашем госпитале.

— Назовите, пожалуйста, его фамилию и адрес квартиры.

— А при чем здесь он?

— Мы будем обязаны опросить всех.

— Ну, так я съеду с его квартиры... Мне вообще этот вопрос непонятен, да и весь разговор какой-то странный...

— Я имею основание задавать вам любые вопросы, Александр Игоревич, так же как и вы обладаете законными гарантиями ни на один мой вопрос не отвечать.

— Это допрос?

— Пока беседа. Не захотите говорить со мною в интересах расследования дела — придется писать допрос; не станете отвечать — ваше право, будем ковыряться сами, вот и вся недолга...

— Ну, хорошо, я понимаю... Только мне все это в высшей мере, сами понимаете, неприятно; точнее говоря, горько... Лида — очень хороший человек, добрый, но мы... Словом, как ни клеили, не склеилось. Фактически мы не живем вместе лет уж как семь, но уехал я из своей квартиры пять лет назад... Разводиться не мог. Да и, в общем, мне это не надо, если только ей... Семьей обзаводиться я не собираюсь, у меня работа и дети да еще друзья... Младший мой, Васька, ужасно любит мать, очень болезненно переживает, что мы порознь живем, так что приходится поддерживать ради него какую-то видимость семьи: мол, поссорились, помиримся; о разводе не может быть и речи, пока он не вырастет, грозился сбежать, если это случится...

— Сколько вы даете денег семье?

— Половину зарплаты... Половину всего, что зарабатываю: на радио, в институте — я там веду курс,— в кино... Много плачу́, с избытком хватает...

— А зачем же было продавать колье?

— Откуда я знаю...

— У вашей же... у Лидии Афанасьевны есть какой-нибудь друг?

— Об этом говорить не будем.

— Но откуда же у нее это колье?

— Не знаю. И не хочу знать.

— Лидия Афанасьевна сказала, что колье ей подарил дедушка...

— Лев Дмитриевич? Наверняка. Сам академик, и отец был академиком, и дедушка... Наверняка у них есть фамильные драгоценности...

— Вы не видели?

— Я ж не на драгоценностях женился, а на Лиде... Да вы Льва Дмитриевича спросите.

— Лидия Афанасьевна не хочет, чтобы спрашивали деда, она говорит, что это может его травмировать, а он только недавно перенес третий инфаркт...

— Верно. Золотой старик. Его надо поберечь. Но если Лида говорит, что это колье — подарок деда, можете ей верить, так, значит, и есть.

— Если вы достаточно платите семье, зачем ей надо было продавать это колье? Почему именно на юге? Отчего через подругу?

— Не знаю.

— А вот она показала, что ей нечем было отдать долги...

— Это ее дело.

Капитан Друзов пожал плечами, подвинул Писареву стопку бумаги:

— Напишите объяснение.

— Какое?

— По поводу этого дела.

— А что я должен писать?

— То, что сказали мне: подругу не видали, какие долги, не знаете, колье не дарили, дедушка мог... Захотите добавить, что может как-то помочь нам в поиске похищенного,— буду благодарен... Вы ведь тоже формально потерпевший. Прописаны в одной квартире, не разведены, муж и жена...

— ...одна сатана,— добавил Писарев, внимательно оглядев капитана, его ладно скроенную фигуру и аккуратно подогнанную форму.— Я понимаю, как вам противно копаться во всем этом дерьме, в нашем дерьме, добавил бы я...

— Каждому свое,— вздохнул Друзов.

...Прочитав объяснение Писарева, капитан отметил пропуск и, провожая к выходу, поинтересовался:

— Над чем сейчас работаете?

— Да много всего... Театр собираемся новый открывать, сразу три представления готовим.

— Новый театр? Думаете, количество перейдет в качество?

— Изверились?

— Есть маленько. Как куда в театр ни пойдешь — всюду вливают новое вино в старые мехи. Навязывают Мольеру и Шекспиру с Чеховым проблемы, которые тем и не снились... Думают, человечество не изменилось... Уж если такое философское понятие, как скорость, вздыбили, себе подчинили, пространство преодолели, так неужто человек поры Шекспира во всем подобен нынешнему? Огораживаться в наш век глупо, если не смешно...

— Огораживаться? Это как?

— Это пытаться огородить себя от прогресса. Пусть, мол, все движется, а мы какими были, такими и останемся.

— Мы как раз об этом и хотим сделать спектакль. «Урок политеса» будет называться.

— Кто автор?

— Дмитрий Степанов.

— Любопытно. Ну, всего вам хорошего. Если что вспомните, позвоните.

— Хорошо, если вспомню — позвоню. Только вряд ли что вспомню, право.

...Подполковник Хорошилов, прочитав объяснение Писарева, поднял глаза на Друзова; тот покачал головою:

— Он действительно ничего не знает... А если б и знал, то не сказал бы...

— Повесили на нас дельце, пойди отыщи этого мошенника... А почему Писарева отдала колье Дине этой самой? Отчего в комиссионный не понесла?

— В комиссионном сказали, что слишком дорогое колье, долго будет ждать покупателя, а за хранение какие-то проценты берут... Дине отдала оттого, что носит фамилию мужа; говорит, мол, не хотела, чтоб был излишний интерес к его имени.

— Что он, Высоцкий, что ль?! Или Райкин? Диной этой самой занялись?

— Конечно.

— Попусту его не тревожьте, они ведь обидчивые больно, эти артисты с режиссерами, у каждого покровителей тьма самого высокого ранга... Запросите на Дину и всех знакомых Писаревой характеристики...

— А на него?

— Дело есть дело, надо соблюдать форму. Справочку мне напишите, чтоб я толком начальству доложил, у меня в пять рапорт. Успеете?

— Схематично — да.

— Так вы иначе, как схематично, пока ничего и написать не сможете, как ни бейтесь... Месяцев восемь в лучшем случае придется ковырять эту кучу... Вот бабы, а?! Особливо избалованные... Им бы белье постирать да полы помыть по квартирам, чтоб устатку поболе... А как этот Писарев? Не фордыбачил?

— Нет,— ответил Друзов, чуть помедлив поначалу.— Достойно себя вел.

...В кабинете кадровика управления, когда раздался звонок капитана Друзова, как раз и находился главный консультант управления, кандидат искусствоведения Василий Грущин, готовивший по поручению руководства справку на Писарева и его коллектив...

Грущин не просто не любил Писарева; он болезненно, до темноты в глазах ненавидел его.

Поначалу, в институте, они были друзьями, особенно на первых двух курсах,— высокий, очень спортивный Василий и Санька, квадратный, словно обрубок, с перебитым в драке носом, растолстевший после того, как врачи запретили ему заниматься боксом, после третьего по счету нокаута.

Санька был всегда влюблен в своих друзей, очень ими гордился, выставлял их вперед: «Василий Грущин — грандиозный режиссер, он наделен даром, он впереди всех нас, мы ему в подметки не годимся», «Митя Степанов — великий репортер, я убежден, что после института он сделается звездой» (имя Михаила Кольцова тогда еще не произносилось вслух), «Левон Кочарян — самый замечательный парень, какой только есть, он вообще гений, он всесторонен, а его главный талант — быть другом».

Санька всегда помнил, как на дне рождения у Льва Меломанова, в Покровском-Стрешневе, отец произнес тост:

— Молодой грузин, гуляя по развалинам старинной крепости, забрел на кладбище. Тишина там была, только сухо стрекотали кузнечики и налетал порою сухой, горячий ветер. Молодой грузин ходил среди надгробий и читал надписи. На одном камне выбито: «Шота, родился в тысяча восьмисотом году, умер в восемьсот девяностом, жил на земле двенадцать месяцев»; на другом: «Серго, родился в восемьсот десятом, умер в восемьсот тридцать шестом, жил двадцать шесть лет»; на третьем: «Акакий, родился в восемьсот пятом, умер в девятисотом, жил на земле пять месяцев». Повстречался молодому грузину старый пастух, и обратился юноша к деду с вопросом: «Ответь мне, уважаемый, отчего такие странные надписи на здешних надгробьях? Человек прожил чуть что не сто лет, а написано всего пять месяцев?» Старик ответил: «Юноша, в нашем крае возраст человека определяется не по тому, сколько лет он провел на земле, а по тем мгновениям, что он отдал дружбе». Так выпьем же за дружбу, Левушка и Сережа Новиков!

Санька долго раздумывал над отцовским тостом, а потом однажды сказал:

— Па, а все равно не выходит...

Отец удивился:

— О чем ты?

— Помнишь, ты про грузин рассказывал, которые дружат?

— А как же.

— Так вот, не мог Серго прожить двадцать шесть лет.

— Почему?

— А спать-то он должен был? Во сне ведь нельзя дружить!

— Можно, сын. Если ты ложишься спать, зная, что есть у тебя друзья, то и во сне ты будешь с ними и проснешься счастливым.

Санька ужасно тосковал, когда видел, что в команде что-то не складывалось; Митя Степанов не любил Василия Грущина, подтрунивал над ним постоянно, как-то сказал: «Вася, знаешь, на кого ты похож? Ты похож на Мартынова». «Ничего подобного,— ответил Грущин,— Мартынов крепкий, приземистый, рез-

кий, груболицый, чисто тамбовский тип лица». «Да я ж не о поэте говорю,— усмехнулся Митя,— я о том Мартынове, который Лермонтова убил».

Ответь бы ему Василий что-нибудь резкое, и все бы обошлось, мало ли, неудачная шутка, с кем не случается, но быстро реагировать Грущин не умел; он зато умел тяжело, глубинно обижаться; таил гнев в себе, думал, как отомстить, придумать не мог, оттого злобился, и не только на Степанова, но и на Левона и на Саньку: отчего промолчали? Зачем не ответили?

Он не знал, как Санька, провожая Левона и Степанова в общежитие, корил Митю:

— Разве можно так? Ведь это действительно обидно. Трудно тебе было обернуть все на шутку? Васька знаешь какой ранимый? Придумай что-нибудь, как все это уладить, Митяй, так нельзя, честное слово. Вася даже побледнел, ты не заметил, а у меня все внутри застыло.

— Ты почему его не любишь, Митяй? — спросил тогда Левон.— Может, ты что-то знаешь и не хочешь сказать нам?

— Не люблю — это точно,— согласился Митька.— А почему — не знаю. Чувствую я и ничего с собою не могу поделать, чувствую.

— Ты не прав, Мить,— сказал Писарев.— Это все как-то нехорошо. Ты не прав... Пусть девушки чувствуют, мы, мужики, должны поначалу думать, но перед тем как сказать жестокое — если это правда,— все-таки нужно хотя бы пару раз провести языком по нёбу.

Но Митька, к сожалению, был прав. Он всегда оказывался правым.

Недавно он сказал Писареву: «Знаешь, Сань, литератор, если, конечно, он литератор, а не слагатель слов во фразы, а фраз во книги не про человеков, а про то, как лучше модернизировать фабрику или наладить уборку озимых раньше срока, обязательно чувствует все кожей, ладонями, что ли. Меня недавно скрутил радикулит, встать не мог, Кирилл Симонян приезжал, ничего не смог сделать; тогда Саша Горбовский привез Владимира Ивановича, инженера по нефтепроводам. Тот перевернул меня на живот, сказал расслабиться, замер надо мной, и я минут через пять ощутил блоки тепла на позвоночнике, возле копчика. Так было недолго, но мне показалось, что я уснул. Владимир Иванович между тем тронул меня за плечо и сказал: «Вставайте». Я рассердился: «Двинуться не могу, а тут — «вставайте». «Вы здоровы, встаньте, попробуйте, во всяком случае». И я, несмотря на страх, что снова проколет дикая боль, пошевелился. Боли не было. Я встал. Боли не было. Вышел в комнату, где сидел Вася Романов. Боли не было. Спросил, можно ли выпить по этому поводу. Владимир Иванович ответил: «Не только можно, но и нужно, тем более что я беру гонорар коньяком». Симонян сказал: «Нельзя пить, снова начнется боль, да и вообще все это похоже на гипноз». «Гипноз так гипноз,— ответил Владимир Иванович.— Я ведь ничего не прошу, я просто помогаю человеку, чтобы не было боли. Пить можно. Боли не будет». Вася Романов сказал: «Хочу подтверждения эксперимента!» Владимир Иванович ответил: «Пожалуйста. Поднимитесь, отойдите в угол, выставьте перед собою руки и честно отвечайте на мои вопросы». Вася поднялся, отошел в угол; напротив него встал Владимир Иванович, протянул руки и нацелился своими ладонями на Васины. И так они стояли минуту-две. А потом Владимир Иванович спросил: «Что вы ощущаете?» И Вася честно ответил: «Жжение в ладонях». Владимир Иванович обернулся к Симоняну. «Я могу — в вашу честь, как представителя консервативной медицины,— поставить диагноз моему визави?» «Извольте»,— хмыкнул Симонян. Владимир Иванович снова вытянул руки перед собою, и навел ладони, словно локаторы, на Васю, и начал медленно водить ими, повторяя очертания контуров Васиного тела. А потом сказал: «Я чувствую металл под ребрами слева, ниже сердца... Не отвечайте мне пока что, не перебивайте меня... Я ощущаю нечто чужеродное правее печени, в желудке, нет, в кишечнике, слепое утолщение, оно неопасно...» Вася не утерпел, победно глянул на Симоняна и изрек: «Ладонный рентгенолог установил абсолютно точно: правее печени у меня киста, доброкачественная, как говорят консерваторы; под сердцем осколок, удалять опасно, ношу свинец войны с гордостью. Владимир Иванович, я поражен и восхищен. Откройте ваш секрет!» А тот ответил: «Никакого секрета. Просто я настраиваюсь на вас, я ответствен за свое чувствование и, таким образом, за слово». Митя, рассказывая об этом Писареву, был грустен, лоб резала резкая морщина. «Писатель,— повторил он тогда,— если он писатель, обязан чувствовать человека, ситуацию, возможность, грядущее, прошлое. Ладонями. Всей кожей. Мясом, если кожу содрали. До последнего дыхания. И никак иначе».

Степанов почувствовал Василия Грущина первым, хотя тот ценил Митьку,— старался, как мог, услужить ему, дважды просил написать сцену к первой самостоятельной постановке, но Митька ему помогать не стал, сидел с Саней, готовили композицию по мотивам «Романтиков» Паустовского. Вообще-то на курсе Василий Грущин был первым поначалу: всем преподавателям импонировала его манера неторопливой раздумчивости; память у него была феноменальной, мог читать наизусть чуть что не страницы пьес; великолепно отвечал по всем общественным дисциплинам; на первом семестре сдал за весь институт немецкий и попросил себе факультативно английский; работал в лекторской группе; очень потел, когда выступал на незнакомой аудитории, причем потеть начинал с кончика носа; правда, он ловко придумал себе чисто актерский прием — вроде бы поправлял очки, а на самом деле утирал капельку небрежным жестом левой руки... А Санька еле тянул от сессии к сессии; пропадал со Степановым и Левоном в танцзале «Спорт», единственном тогда в Москве, упоенно танцуя танго «Нинон» со спортивными «чувихами»; после каждого заработка (они калымили втроем на Киевском вокзале ночными грузчиками на товарной станции) принимал участие в «процессах», которые чаще всего происходили в бывшем ресторане «Аврора», что на Петровских линиях; неделями ездил на подмосковных поездах, чтобы записать песни инвалидов, собиравших милостыню...

Василий показал сцену из «Бесприданницы». Он раз двадцать ходил в кинотеатр «Повторного фильма», когда там крутили протазановскую ленту; его актеры абсолютно точно скопировали интонации Кторова и Алисовой, но ведь копия хороша, если только она авторская...

Преподаватели недоуменно переглядывались: Грущин показал ничто, поделку. А Санькиных «Романтиков» приняли «на ура» и предложили обкатать композицию в колхозных аудиториях Подмосковья. Это было прекрасное лето, когда Санька, Митяй, Лена Шубина и Юра Холодов бродяжничали на попутных грузовиках, ночевали в маленьких домиках сельских школ, свернувшись калачиками на полу, а по вечерам давали представление на открытых площадках, и не было в жизни более благодарных зрителей, чем тогдашние беспаспортные, без права выезда в город колхозники, все больше женщины, дети да инвалиды, пятьдесят третий год, восемь лет всего как кончилась война...

А на втором курсе Митяй написал Саньке композицию по «Лейтенанту Шмидту» Пастернака. И Санька, несмотря ни на что, стал сталинским стипендиатом. А Василий показал отрывок из «Далеко от Москвы» Ажаева, и ему поставили тройку. Было обсуждение показов; Санька утешал Грущина, говорил ему, что хорошее начало, как правило, оборачивается дурным концом. «Ты меня задавишь на третьем курсе; хочешь, следующую постановку сделаем вдвоем?» Василий докурил сигарету, жадно затянулся напоследок и ответил: «Что ж, спасибо, подумаю». Они вошли в зал, и первым на трибуну поднялся Василий.

— Думаю, все согласятся со мною: у нас определился лидер, и этого лидера зовут Александр Писарев. Его постановка, бесспорно, самая интересная, именно потому я и хочу поделиться с вами своей тревогой за будущее нашего товарища, которого все мы успели полюбить за те полтора года, что вместе учимся в стенах нашего замечательного института, ставшего для нас родным домом. Постановка Сани, повторяю, талантлива, но ведь она вся... как бы не обидно выразиться... она вся формальна, в ней налицо рациональность, расчет, в ней нет изначального чувства, все выверено, как в математике... Разве это типично для нашего искусства? И оформление какое-то модерновое, будто не в Москве придумано, а далеко на Западе. А ведь там художнику приходится фиглярничать, чтобы заманить зрителя, ошеломить его и на этом сделаться заметным... Разве нам это нужно? Разве наш зритель этого ждет? Когда я смотрел постановку, я забыл о Шмидте, товарищи, я только ждал, чем Саша еще ошеломит нас. Чем? Саня, не сердись, Платон мне друг, но истина дороже! Ведь когда ты показывал свою работу, ты не о лейтенанте Шмидте думал, а о себе как режиссере! Ты стал им — для меня, во всяком случае... Но ты им останешься навсегда и для всех, если будешь сначала думать о герое, а потом уже о себе... Не сердись, Саня...

Писарев сидел, глупо улыбаясь, не в силах понять, что случилось. За него заступались студенты; профессор смотрел на своих питомцев влюбленно; когда страсти накалились, бросил с места:

— Значица сказа, мне нравится все это! Молодец Писарев, и Грущин тоже молодец! Сшибка мнений рождает, так сказать, атмосферу творчества! Но в споре не надо пользовать бланки обвинительного заключения. Истинную принципиальность отличает широта взгляда, терпимость и доброжелательство. К барьеру, Писарев! Я хочу посмотреть, сколь вы сильны и доказательны в диспуте. Я намерен послушать, как вы умеете защищать свое искусство!

Писарев тогда поднялся, долго молчал, хотел было говорить о том, что он понимает под термином «формализм», думал рассказать о Шостаковиче, Таирове, Кончаловском и Прокофьеве, которых корили этим самым формализмом, но потом неожиданно для себя повернулся к Грущину и сказал:

— А ты, знаешь ли, большая подлюга.

— Значица сказа,— рассмеялся профессор, точно сыграв свое понимание слов Писарева как актерскую, хорошо поставленную шутку,— не довод! Не довод!

— Есть и довод,— ответил Писарев.— Я только сейчас понял, что такое зависть. Это когда один человек не может осуществить свой замысел, а другой может. Такое не прощают. И человека пепелит изнутри, он кончен, и ничто его не спасет, он пропал для людей...

Продолжение следует.

ЖИЛ-БЫЛ СТРИЖ...

Н. БЫКОВ

Фото Г. КОПОСОВА

Вот уж поистине кому дня не хватает, так это им, детям в детском саду. И это при том, что каждый день бесконечен, длиною почти в жизнь. Люди моего возраста забывают, что в детстве день состоял из «до сада», когда тебя протащат через твои «почему» до калитки детского учреждения, из долгого дня до «тихого часа», когда можно слетать до Антарктиды и вернуться, когда после сна долго тянется как бы новый день до прихода родителей, потом тот же день дома, среди взрослых разговоров, их забот и уроков старших брата или сестры, потом прогулка в темном дворе под небом, оклеенным разноцветными окнами, на горке и под горкой, с кошками и собаками, и только тогда день кончался; хотя нет, он и еще продолжался, после того, когда ты уже лежал, убаюканный голосами родных, но еще переживающий заново все, что было днем. Еще путешествующий, воюющий, сочиняющий, строящий, снова улетающий...

Долгие были дни, многое успевалось, и все же времени не хватало. Я смотрел на детей на игровой площадке комбината № 792, что в Теплом Стане, и думал о счастье, которого не замечаешь. Они не знают, что счастливы.

Под настороженное молчание, прерываемое подсказками методиста Аллы Ивановны Ондриной и воспитательницы Раисы Петровны Котовой, я расспрашивал у звонкоголосой старшей группы, как и чем живут в саду. Ответы были громкие, восторженные: строим, поем, ухаживаем за хомяком, играем... Алла Ивановна напоминала о пройденной программе воспитательно-образовательной работы, и дети вспоминали часы досугов, музыкальные занятия, разученные стихи... Тут я понял, что они каким-то образом умудряются равно активно участвовать в овладении обязательными дисциплинами дошкольных наук и жить своей жизнью, в которой постижение себя самого и окружающего мира взрослых — дело наипервейшее.

В нашей стране забота о маленьких гражданах факт общеизвестный, о таких вот детских садах мечтали лет шестьдесят назад, а дошкольное просвещение, идеи охраны матери и ребенка развивались под неусыпным вниманием Надежды Константиновны Крупской. Первые выпускники первых детских учреждений — тогда диковинных — как раз поспели, чтобы выйти навстречу фашистскому нашествию. У таких жар и стойкость коллективизма уже были чертой характера благоприобретенной. Коллективисты способны были выдержать любое испытание; и выдержали и победили они, коллективисты. И принципиально и фактически. Дошкольное воспитание, направленное, идейно нагруженное,— первая школа коллективизма. У ног моих копошились, толкались, играли, напевали, о чем-то громко спорили люди. Самые настоящие; только в отличие от меня, и методиста, и воспитателей эти люди жили в двух временных стихиях: сейчас и завтра. Да, сегодняшние пяти-шестилетние — жители далекого для нас, взрослых, и такого близкого третьего тысячелетия. И я так когда-то проживал каждодневно и заново рытье метрополитена, и спасительные полеты к челюскинцам на льдину, и всю будущую войну с фашистами от кровавого (красного карандаша не хватало!) начала до победного ее конца, когда на месте черной свастики зияла дырка, а я с испорченным рисунком брел в угол. А красного карандаша всегда не хватало. Мы писали: «Все на выборы»,— а нынешние пишут: «Миру — мир». Еще мы строили из стульчиков автобус — идея общественного транспорта была главенствующей, а героем нашим был шофер Зябкин. Нынешние при мне строили корабль.— «Куда плывете?» — «На север!» И тут же слева поправка: «Не на север, а в Антарктиду».

Я примирил капитанов: все равно лед... Но более знающий капитан парировал: «Все равно не на север, хоть и лед». Вперед шагнул мальчик, у него был свой довод: «Будем нефть искать». Откуда он знает про нефть и, очевидно, про нефтяной кризис? «У меня дома книжка есть про нефть». Слово «нефть» этот человек повторил не раз, он его любил. «А я люблю в дочки-матери играть»,— подошла Наташа Ануфриева. «А ты кем бываешь?» «Дочкой, чтобы меня ласкали и в колясочке возили, читали мне...»

— Ануфриева, что за иждивенческие настроения?

И еще они любят свою страну, и уже помнят, как она называется, и знают очень хорошо, что в стране нашей разные республики — это по программе юбилейного года. Танцы, песни и стихи народов СССР — любимые уроки. Они любят аппликации, игру «Море волнуется — раз!..» Любят ухаживать за хомяком, черепахой, птицами в клетках и рыбками в аквариумах. Но еще больше любят ходить в лес. Он совсем рядом, ведь микрорайон Теплый Стан такой счастливый, в котором столица дружит с лесом, а в лесу белки, синицы, поползни, и они ручные, но свободные.

В тот день в старшей группе еще было одно общее любимое дело: рассказывали рассказы, чей лучше. Многие успели нафантазировать, коллективно смеялись и прощали самое невероятное. Но лучшим признали дружным голосованием рассказ Лены Картавенко про стрижонка; как пошли они, Лена с сестрой Машей, второклассницей, по Анапе, и было жарко, а стрижонок присел на дорожке и не мог лететь...

Слушал я Лену и думал о том, что ясли-сад № 792 Брежневского района очень хороши, вполне на уровне наших требовательных дней. Таких детских комбинатов в районе девяносто. Детей все больше и больше — новостроек немало. Что ни группа — человек тридцать, а групп в этом, например, саду двенадцать. А в стране? Я хорошо помню детские комбинаты в латышском колхозе «Накотне», в колхозе имени Ольминского на Белгородщине, в Нижневартовске и крымском совхозе «Виноградный». В них идет веселая, как сказал бы Тютчев, громокипящая жизнь тех, кому населять Родину в следующем веке. О них день и ночь думают деятели дошкольного воспитания и здравоохранения. В яслях-саду в Теплом Стане это, в частности, заведующая Ирина Анатольевна Клитина, пережившая девять выпусков — девять разлук с питомцами; она заслуженный работник просвещения. Это музыкальные работники, например, Наталья Афанасьевна Кудрявцева, воспитатели Раиса Александровна Донская и Альбина Александровна Гаврилова, повар Людмила Васильевна Королева, врач Александра Николаевна Годзенко. У них учатся будущие педагоги, поскольку сад этот — базовое учреждение педучилища.

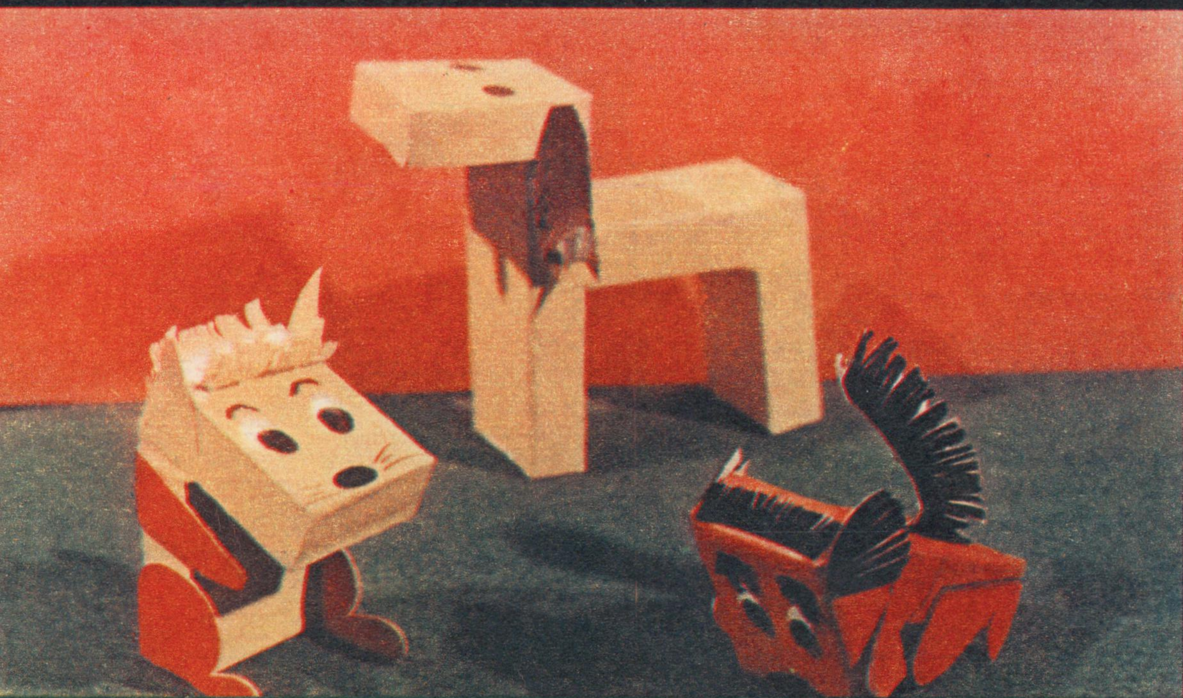
...Стрижонок жил-был, а летать не мог. Вообще-то он хотел полететь, но просто еще не умел. И упал. А сестра Маша, второклассница, подняла его, и мы его полечили, дали ему воды, мы ухаживали за стрижонком, и он стал пищать, и над нами кружились стрижи со всей Анапы.

Лена кончила рассказ, все запрыгали оттого, что стриж улетел, и проголосовали за Лену, а я вспомнил Гайдара, его запев к Мальчишу-Кибальчишу: «...Я расскажу вам Алькину сказку». Но в пионерской сказке Гайдара ничего сказочного не было, а была нелегкая жизнь, пролог войны.

Алла Ивановна Ондрина отбирает детские работы на выставку * Занятие проводит воспитатель В. А. Халипина.

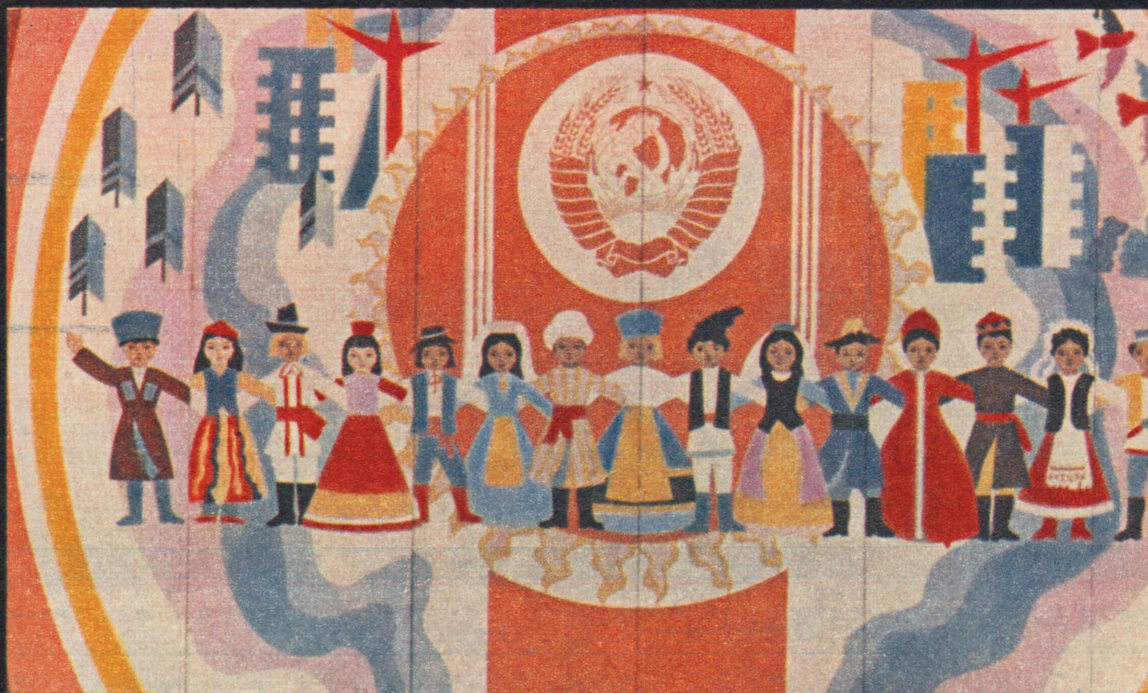
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дима Величко и Лиза Яковлева читают стихи * Сделано руками детей * Поют Саша Крючков и Сережа Гершанков.

КРАСКИ

П. Корин. ПОРТРЕТ А. Н. ТОЛСТОГО. 1940.

«Я С ГОРДОСТЬЮ ШАГАЮ ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ»

Олег **МИХАЙЛОВ**

Алексей Николаевич Толстой — это блистательная глава в нашей отечественной литературе. Замечательный писатель-реалист дооктябрьской поры, талант которого не заслонили «старшие» — Горький, Бунин, Куприн, он стал классиком литературы советской. Жизнерадостный, исполненный оптимизма и веры в будущее, Толстой оставил нам огромное наследство, которое отзывается в каждой живой душе, в каждом неравнодушном к литературе читателе.

Кажется, нет такого жанра, такого рода словесности, где бы Алексей Толстой с необыкновенным талантом не проявил себя, где бы с блеском не показал свою силу. Стихи и стилизованные под волшебную русскую старину — «небывальщину» сказки, реалистическая, в гоголевских традициях проза с гротескными образами (целый цикл «Заволжье», романы «Чудаки», «Хромой барин», множество рассказов), свой особенный театр, восхищавший и Куприна и Станиславского, преимущественно комедийный (пример — «Любовь — книга золотая», и сейчас не сходящая с подмостков), и в то же время театр остропублицистический, с яркой политической, общественной окраской (такие разные пьесы, как, скажем, «Бунт машин» и «Заговор императрицы»). Далее — жанр приключенческий, от чистого детектива («Необычайные приключения на волжском пароходе») до фантастики, воплощенной свободными красками реалиста («Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина»), короткая повесть с виртуозно закрученной фабулой («Похождения Невзорова, или Ибикус»), жестокий психологический рассказ («Голубые города»), классика детской литературы — некое магически волшебное действо «Буратино», наконец — вершины: ставший на многие десятилетия эталоном исторический роман «Петр Первый» и эпопея о революции и гражданской войне «Хождение по мукам». А Толстой-критик? Его остроумные, изящные эссе, его красочные литературные заметки, его статьи, обращенные к молодым, читаешь сегодня, словно высокую прозу. А Толстой-публицист? «Родина», «Москве угрожает враг», «Я призываю к ненависти» — десятки огненосных очерков поднимали в бой советских солдат в годы Великой Отечественной войны и сегодня служат школой подлинного патриотизма...

Художественный мир Алексея Толстого необъятен. И мир этот необыкновенно демократичен. Автор создавал его не для «избранных», не для «элиты», а для любого и каждого, всю свою творческую жизнь заботясь о читателе, ощущая его присутствие. Он является непревзойденным мастером доходчивости, увлекательности, и в этом один из секретов народности Алексея Толстого. Другая и более важная причина — отображение на огромном полотне толстовского творчества узловых, исторических сдвигов в жизни народа и государства: Русь XVI века (драматическая дилогия об Иване Грозном «Орел и орлица» и «Трудные годы»), Россия Петра Первого. И великое социальное обновление — Октябрь, жизненная новь, потребовавшая от писателя напряженных поисков типов эпохи.

Русская история, чувство Отечества, родной земли составляли сердцевину натуры Алексея Толстого. Жило в нем нечто такое, изначала заложенное, что в конечном итоге предопределило, после недолгой эмиграции, возвращение в новую уже, Советскую Россию, перевоpотило привычные представления, оставив его как художника самим собой. Это глубоко национальная сущность таланта, о чем много позднее отозвался И. А. Бунин: «Все русское знал и чувствовал (А. Толстой.— **О. М.**), как очень немногие». А если добавить, что писатель был человеком феноменальной фантазии и наблюдательности, облик творца «Петра Первого» и «Хождения по мукам» станет для нас зримее и понятней.

Величайшая ошибка полагать, что личность художника, писателя не отражается в его творчестве. Когда человек, писатель хочет во что бы то ни стало казаться лучше, чем он есть на самом деле, он может обмануть кого угодно — окружающих, близких, даже самого себя. Единственно, кого он не обманет,— это искусство. Оно-то жестоко отомстит ему за обман. Но искусство не прощает и слепую любовь фанатика, который бежит от житейских волнений и в своей келье, за столом, отгородившись от жизни, стремится выдумать свою реальность. Страшная казнь скукой подстерегает такого затворника, даже если он одарен и мастеровит.

В статье «Как я работаю» Толстой рассказывал: «...хорошо работать с трудом, преодолевая материал. Чем он упорнее, чем больше вкладываешь в преодоление его сил, тем выше (художественнее) результат труда. Легко пишут только лишенные самокритики, то есть бездарные писатели. Еще легче — графоманы. (Взгляните, как Пушкин или Лев Толстой работали над каждой фразой). Труд писателя — тяжелый, утомительный и разрушающий».

Но Толстой, заметим, и тут оставался Толстым — он трудился не только самозабвенно, но и весело.

«Процесс писания все время прегражден препятствиями, через которые вы должны перелезть,— учил он «молодых».— Вам все время трудно. Не бывает никогда ни у кого, чтобы было легко писать, чтобы «лилось из-под пера». Писать всегда трудно, и чем труднее, тем лучше выходит.

Как перелезть через эти препятствия?.. каждое ваше художественное положение вы должны проверять на вашем собственном отвращении: противно вам это писать или нет? Если вам писать противно, скучно, не пишите,— это все равно получится скверно, фальшиво. Пишите только тогда, когда вам этого хочется, когда это вас самого увлекает... Через препятствия нужно не лезть со скукой, а лететь окрыленно».

Толстой мог заставить себя работать всегда, но он не мог и не хотел вымучивать страницы, мертвыми словами рисовать скучные тени. Темперамент, первородный юмор, сок жизни, живая кровь таланта чувствуются в каждом его произведении, независимо от того, идет ли речь о знаменитой трилогии «Хождение по мукам» или о советском детективе «Необычайные приключения на волжском пароходе», читаешь ли высокую прозу «Петра Первого» или фантастический роман «Аэлита».

Посылая своих героев — инженера Лося и героя гражданской войны бравого Гусева на далекую красную планету, Толстой создал свой Марс — настолько зримо и вещно, что картины его живут и сейчас, после того, как советские и американские станции возвестили, что это безжизненная пустыня:

«Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой плоской равнине. Горизонт совсем близок, подать рукой. Почва вся в больших трещинах. Повсюду на равнине стояли высокие кактусы, словно семисвечники,— бросали резкие лиловые тени. Подувал сухой ветерок...

Кактусы становились выше, гуще, добротнее. Приходилось осторожно пробираться в их живой, колючей чаще. Из-под ног выбегали животные, похожие на каменных ящериц, многоногие, ярко-оранжевые, с зубчатым хребтом. Несколько раз в гуще лапчатой заросли скользили, кидались в сторону какие-то щетинистые клубки. Здесь шли осторожно.

Кактусы кончились у белого, как мел, покатого берега. Он был обложен, видимо, древними тесаными плитами. В трещинах и между щелями кладки висели высохшие волокна мха. В одну из таких плит ввернуто такое же, как на поле, кольцо. Хребтатые ящеры мирно дремали на припеке».

Это написано, согласимся, великолепно. Давно уже позабыт американец Берроуз, один из пяти романов которого о Марсе навеял Толстому сюжет «Аэлиты». А Лось, Гусев, Аэлита («нежная и легкая, как те с горьковатым запахом цветы, что прислала она утром») живут — с такой живописной правдой созданы они. Как живут и радуют сердца детворы чистые и отважные Буратино, Мальвина, Пьеро, благородный пес Артемон, победившие продавца пиявок Дуремара и глупого, злобного Карабаса Барабаса. Живут совершенно независимо от итальянской детской книжки о Пиноккио, которая дала первый толчок Толстому для написания этой необыкновенной сказки.

Натуре Алексея Толстого было присуще начало глубокое, прекрасное и во многом скрытое, и другое, лежащее на поверхности, коловшее обывателям глаза, особенно когда приходил «потехи час». Совсем по Пушкину: когда у поэта молчала «святая лира», когда душа вкушала «хладный сон» —

...меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он...

Художник «милостию божией», он в самом начале писательского пути перепробовал себя, кажется, во всех жанрах, с блеском подражая различным литературным течениям той поры — писал и символические стихи, и народные сказки с ловкой имитацией лубка, и реалистическую прозу с «достоевскими» изломами русской души, и стилизованные под XVIII век новеллы и пьесы.

Было ли это стремлением подражать моде? Жаждой известности, успеха? Возможно. Но главное все-таки заключалось в ином — в игре молодости, свободе и улыбке, в желании показать, на что он способен, в озорстве силача. Так уж переливалась силушка по жилушкам, что талант Толстого бил через край. Один из мэтров символизма, Федор Сологуб, с оттенком неодобрения бросил в сердцах: «брюхом талантлив». В «незрелом отношении к жизни» упрекал молодого Толстого и А. Блок, одновременно отмечая и «кровь», и «жир», и «дворянство», и «талант».

Именно свежая кровь таланта спасала все — излишнюю шаржированность слога, преувеличение в раскрасе персонажей (почти мультипликационном) и нарочитую сумасшедшинку в психологии. Сам Толстой, как известно, сказал суровые слова о своем творчестве: «Если бы не было революции, в лучшем случае меня бы ожидала участь Потапенко: серая, бесцветная деятельность дореволюционного среднего писателя. Октябрьская революция как художнику мне дала все».

Надо полагать, что благополучие, особенно благополучие духовное, не является уделом и судьбой большого писателя, который посещает «сей мир в его минуты роковые» и которому необходимо пройти через страдания, ощутить — всей своей кожей — боль эпохи.

А. Н. Толстой и писатель П. Е. Щеголев в Ленинграде.

Эту полную чашу страданий, вместе с русской интеллигенцией, А. Толстой испил на путях и перепутьях революции и гражданской войны, найдя емкое и ответственное определение пройденному — «хождение по мукам».

«Хождение по мукам» показывает нам плодотворность поисков, какие вел А. Толстой, стремясь отобразить монументального героя, тип эпохи, и одновременно эволюцию Толстого-писателя, вернувшегося в Советский Союз и принявшего активное участие в строительстве новой жизни. И если «частная жизнь» сестер Булавиных нашла свое художественное воплощение в первой же редакции книги, то «большая жизнь», революция были затем резко переосмыслены художником, переписавшим эту важную сюжетную линию.

В основе художественного изображения героев в трилогии лежит один из главных принципов: отношение действующих лиц к Родине через призму революции. Так, еще накануне Октября, под влиянием революционных событий в Петрограде, у Телегина возникает мысль о созидательных силах народа, о неизбежности социальных преобразований и гибели старой России. Крепнущей убежденности Телегина, источником которой становится вера в неистребимую жизненную силу народа, А. Толстой противопоставляет пессимистические настроения Рощина. Спор Телегина с Рощиным, по замыслу писателя, ведет к обобщающей мысли о том, что Родина — это народ, что сила и могущество государства, его историческая судьба зависят от духовных и нравственных исканий, от потенций народа. Эта авторская мысль художественно конкретизируется во второй и третьей частях «Хождения по мукам».

Эпоха 30-х годов, когда создавалась третья книга эпопеи — «Хмурое утро», эпоха первых пятилеток, дала писателю богатый исторический материал для понимания сложности формирования нового человека, осмысления жизни советского народа и значения Октября. Подводя итоги, А. Толстой заметил: «Мы пришли к ощущению родины через глубокие страдания, через борьбу... Всего этого я не мог бы понять в 1927 году, когда писал «Восемнадцатый год».

Приходилось бороться не только с собою прежним, преодолевая предрассудки и заблуждения прошлого, но и с неправедной критикой, готовой навешивать политические ярлыки тем, кто «не соответствовал» умозрительной схоластической схеме. Писатель шел к ощущению родины — или даже Родины — вопреки печатным наветам, а часто и литературному хулиганству. В эту пору многие ведущие художники слова, в том числе М. Горький, В. Маяковский, С. Есенин, М. Пришвин, А. Толстой, М. Булгаков, подвергались систематическим и злобным нападкам со стороны рапповской и напостовской критики. Так, откликаясь на появление в советском издательстве сборника А. Толстого «Лунная сырость», журнал «На посту» утверждал: «Для нас ясно, что всякие Толстые, как бы они ни меняли свои вехи, останутся бывшими писателями: новая жизнь чужда их пониманию, а копаться в гнилом отребье прошлого — для нас бесполезно».

В позиции А. Толстого, однако, было нечто такое, что облегчило ему врастание в советскую действительность — это позиция убежденного государственника и последовательного патриота. Его жгучий интерес к прошлому России, к ее истории диктовался желанием лучше понять настоящее, разобраться в происходящем.

Об этом говорил, уже в военное лихолетье, А. Толстой в известном докладе «Четверть века советской литературы», рассматривая с временно́й дистанции пройденный ею путь. Доклад этот о литературе, надо сказать, сам по себе много значил для писателя: из-за огненного гребня Великой Отечественной она яснее и резче виделась ему вся, с достижениями и ошибками, с перспективами роста и славными традициями, уходящими в прошлое, в тысячелетнюю толщу народной жизни.

«Литература борется за восстановление генетических линий и связывает нити, тянущиеся от современного человека к историческому прошлому,— на первом этапе эти нити были оборваны и порой обрывались умышленно, как, например, деятельностью РАППа. В поисках великого исторического наследства литература обращается к историческому роману. В последние годы перед войной он преобладает над другими жанрами. Это романы: «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Дмитрий Донской» Бородина, «Чингисхан» и «Батый» Яна, «Великий Моурави» Антоновской, «Возмутитель спокойствия» Леонида Соловьева и предшествующие им: «Разин Степан» Чапыгина, «Болотников» и «Труды и дни Ломоносова» Георгия Шторма, «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова, «Одеты камнем» Ольги Форш и ее трилогия из времен Екатерины II, и многое другое».

Тем самым восстанавливалась преемственность в отношении к отечественной истории, великому прошлому русского народа. Фигуры полководцев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, Нахимова — символизировали силу нашего оружия, непобедимость России. Имена Ивана III, Ивана Грозного, Петра I, объединявших Русь, создавших огромное государство, привлекли внимание многих писателей. В этом движении к истокам вершиной советской литературы, бесспорно, явился замечательный роман А. Толстого «Петр Первый».

Как и в гениальной пушкинской «Полтаве», в центре его высится монументальная, словно отлитая из бронзы фигура самого Петра Великого. Исторические сведения служат здесь лишь фундаментом, на котором строятся человеческие характеры, прослеживается их внутренняя жизнь, а собственно описательному материалу не оставлено самоцельного места. Все растворено в поступках героев, степень индивидуализации которых предполагает привнесение в их портреты могучей художественной фантазии. В романе А. Толстого сам Петр I, Меншиков, Буйносовы, Бровкины, Карл XII, Мазепа и многие другие — все это характеры, живущие как бы и внутри своей эпохи и независимо от нее, не умещаясь в рамках собственно исторического портрета.

Роман «Петр Первый» был вехой не только в творчестве А. Толстого, но и во всей советской литературе: шире — советской культуре. А после агрессии, развязанной гитлеровской Германией, идеи государственности, мощи и единства Отечества приобрели особую остроту и актуальность. Мысль о Родине и забота о ней воцарилась надо всем.

Быть может, никогда еще А. Толстой не говорил так сильно и страстно о самом родном, о России, как в эту пору, выступая по радио и создавая очерки, публиковавшиеся на страницах «Правды». «За эти месяцы тяжелой борьбы,— писал он,— решающей нашу судьбу, мы все глубже познаем кровную связь с тобой и все мучительнее любим тебя, Родина. Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю и все наше вековечное хочет назвать своим... Гнездо наше, Родина, возобладала над всеми нашими чувствами». С первых же дней Великой Отечественной войны весь свой талант, весь свой накал души отдает он делу победы. Вся страна читает его гневные и страстные статьи «Родина», «Москве угрожает враг», «Что мы защищаем», «Разгневанная Россия».

Но не только как публицист выступает Толстой в годину фашистского нашествия. Помимо работы над «Петром Первым» и дилогией об Иване Грозном, он пишет «Рассказы Ивана Сударева», где в предельно демократической форме стремится передать лучшие черты русского национального характера. В облике рассказчика — солдата Ивана Сударева — ощутимо глубоко народное, можно сказать, теркинское начало.

Сама героика событий порождала героические характеры. Сильные и смелые люди, соль русской земли, встали на пути гитлеровского вала. «Русский характер» — так назвал А. Толстой рассказ о лейтенанте Егоре Дремове, у которого в танке лицо сгорело почти до костей и которого приняли мать и невеста. Страшная и трогательная история Дремова не становится мелодраматичной, не производит сентиментального впечатления: в оправе реальных событий тех лет этот (как и другие рассказы всего цикла) рассказ воспринимается не просто как «литература», становится чем-то большим, чем литература.

«Да, вот они, русские характеры!— заканчивает повествование А. Толстой.— Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота».

«Человеческой красоте», красоте русского человека — в современности или в далеком историческом прошлом — и посвящены лучшие произведения А. Толстого. Это был талант, достойный своего времени и отвечавший всем его требованиям, талант жизнерадостный, талант глубоко национальный. Нечто очень русское — широта, размах, даже беззаботность (при огромной, подвижнической работоспособности и ответственности за качество писательского «дела»)— было присуще его замечательному дарованию.

Писатель виделся Алексею Толстому не книжным затворником, исступленно рвущимся в своей келье к «мастерству», изнуряющим себя, словно монастырский отшельник, постом и веригами — трудом. Нет, для него писатель — это прежде всего «земной» и «грешный» человек, жадно пьющий из ручья жизни, знающий цену и женской улыбке, и доброму застолью, и глотку хорошего вина, и старой книге, и умной беседе. Но сам он возвращал читателю в творчестве сторицей и пение ручья, и блеск улыбки, и проницательность ума.

«Чудесна сила искусства, когда она высекает из хаоса лицо человеческое,— сказал Алексей Толстой.— Искусство возвышает меня головой под облака. Я с гордостью шагаю по моей земле».

А. КУРИЛОВ,
старший научный сотрудник ИМЛИ имени А. М. Горького

АКАДЕМИК СЛОВЕСНОСТИ

В широкой и многогранной деятельности А. Н. Толстого есть одна область, которая не привлекла пока должного внимания исследователей — его сотрудничество с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и прежде всего его участие в работе Ученого совета ИМЛИ, членом которого он был с сентября 1938 года. Вместе с А. Н. Толстым в Ученом совете ИМЛИ советских писателей представляли также М. А. Шолохов и П. А. Павленко. В архиве Института сохранились стенограммы выступлений А. Н. Толстого на заседаниях этого совета начиная с 3 ноября 1938 года.

Первые выступления А. Н. Толстого на заседаниях Ученого совета ИМЛИ были связаны с выдвижением кандидатур в действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР. Необходимость пополнения состава Академии наук СССР была вызвана коренной перестройкой ее деятельности, расширением и углублением фронта научно-исследовательских работ во всех областях нашей науки. Было принято решение рекомендовать в действительные члены АН СССР по Отделению литературы и языка виднейших советских писателей, что и было предложено сделать Ученому совету Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР — головному учреждению в изучении литератур народов Советского Союза.

Первым советским писателем, удостоенным этой высокой чести, становится А. Н. Толстой. Его кандидатура была выдвинута на заседании Ученого совета ИМЛИ 3 ноября 1938 года ученым секретарем Института М. П. Венгровым. Затем взял слово П. А. Павленко: «Я хотел бы в дополнение того, что сказал товарищ Венгров относительно кандидатуры Алексея Николаевича, сказать, что по его биографии мы видим, что представитель старой русской интеллигенции сросся с русской революцией, стоит в авангарде наших рядов. И это не случайно. Несомненно, эта кандидатура должна быть выдвинута и должна явиться одной из первых кандидатур в академики. Здесь товарищ Венгров мало коснулся роли Алексея Николаевича на международном Конгрессе и о той роли, которую он играл на Конгрессе, о том резонансе, который имело это выступление за рубежом, когда представители старой русской интеллигенции становятся в первые шеренги строителей социализма. Помимо всего, личное обаяние писателя играло также громадную роль в отношении влияния на широкие круги западной интеллигенции. И мне думается, что эту зарубежную работу Алексея Николаевича следовало бы отметить: из всех наших писателей он в этом отношении сделал больше всего. Роль его в популяризации нашей литературы и в популяризации нашей жизни громадна. Я думаю, что выбор его в академики будет несомненно самым правильным выбором».

В обсуждении кандидатуры А. Н. Толстого приняли участие видные литературоведы — Н. К. Гудзий, М. И. Серебрянский и А. К. Дживелегов. Решение о его выдвижении в действительные члены Академии наук СССР принимается единогласно.

Затем члены Ученого совета переходят к обсуждению кандидатуры М. А. Шолохова, который становится вторым советским писателем, выдвигаемым в действительные члены нашей Академии. В обсуждении этой кандидатуры непосредственное участие принимает и А. Н. Толстой. «Я,— сказал он,— горячо поддерживаю кандидатуру Михаила Александровича Шолохова. Во-первых, потому что это молодой, но большой, растущий писатель-реалист, и потому что это действительно связывает науку с жизнью. Это — прекрасная связь, лучше которой ничего нет. Шолохов ведет и большую общественную работу... Это очень крупный писатель. Причем, это не местный писатель, так как то, что он пишет о казачестве, выходит безусловно за рамки казачества. Это относится ко всему народу. Избрание Шолохова в академики будет горячо встречено всем народом». В январе 1939 года Академия наук СССР избирает А. Н. Толстого и М. А. Шолохова своими действительными членами. Представляя после выборов новых членов Академии, «Вестник АН СССР», в частности, писал: «Академик Алексей Николаевич Толстой является одним из крупнейших писателей и деятелей советской культуры», перу которого «принадлежат произведения большой художественной и социальной значимости, снискавшие ему любовь и признательность советского народа и передовой интеллигенции зарубежных стран. Творческий метод А. Н. Толстого сочетает в себе яркую, увлекательную художественную форму со строгой научностью в исследовании явлений социальной действительности». Особо был выделен роман «Петр Первый» — «одно из самых любимых произведений советского народа»,— представляющий собою «героическую эпопею борьбы русского народа за свою национальную независимость, за могущество русского государства».

Книжные редкости

А. Н. Толстой.
Фотография первого десятилетия XX века.

«НЕУДОБНАЯ ФАМИЛИЯ ДЛЯ ПОЭТА...»

Неприметная, какого-то землисто-мышиного цвета обложка. Работа художника едва различима: будто стального оттенка фломастером он прикоснулся к бумаге, небрежно изобразив неугомонную стаю то ли чаек, то ли альбатросов. Посередине название: «Стихи гр. Толстого». Разворачиваем книжку и получаем более полную информацию: «Гр. А. Н. Толстой. Обложка работы К. П. Фан-дер-Флита». Лирика. Январь — март 1907 г. СПБ». Первый раздел книги назван: «Тебе, моя жемчужина».

Волны бархата спадают по стенам:
На диванах однотонный мех;
Тихо вьется бледно-струйный фимиам;
И дрожит и замирает смех.
Шелест платьев, истомленность тонких плеч;
Глубина и близость глаз.
Кто-то замер в блеске свеч...
Кто-то, вздрогнув, недокончил пересказ.

С такими незрелыми и подражательными стихами предстал перед читателем будущий мастер слова. 1907 год. Январь — март. Прямо-таки с протокольной точностью обозначил юный поэт время создания своих стихотворных «шедевров». Именно об этом времени вспоминает в своих мемуарах Н. Крандиевская-Толстая, жена писателя: «Поэт Леонид Иванович Андрусон, секретарь «Журнала для всех», встретил меня в кабинете редакции словами:

— Жаль, что опоздали. Знаете, кто сидел у меня сейчас? Молодой поэт Алексей Толстой. Хотел вас познакомить с ним.

— Алексей Толстой?— переспросила я.

— Да, представьте себе, живой граф Алексей Толстой, только что не Константинович.

— Откуда он?

— Хотите спросить, не с того ли света?— рассмеялся Андрусон.— Нет. Родом из Самары, кажется. Студент-технолог. По-моему, одаренный человек. Вот, прочтите.

Он протянул листок со стихами. Стихи были декадентские. Помню что-то про горбуна и про башню. И горбуны и башни были в моде тогда у поэтов. Мне стихи не очень понравились. Я сказала, что с такой фамилией можно бы и лучше.

— Действительно, неудобная фамилия для поэта,— согласился Андрусон,— ко многому обязывает».

Корней Чуковский в своих воспоминаниях свидетельствует о том, что у него сохранились две пухлые тетради юношеских стихов А. Толстого, когда-то подаренные ему автором. «Однажды, придя к нему,— вспоминает он,— я стал перелистывать одну из наиболее ранних тетрадей... Там были сплошь стихи,— конечно, еще очень беспомощные, но самое их количество удивило меня: оно свидетельствовало о необычайной литературной энергии».

К. Чуковский пишет, что, когда много спустя он напоминал Толстому о его ранних стихах, позднее вошедших в книгу «Лирика», он всячески отмахивался от разговора, повторяя, что потерял к своим ранним произведениям всяческий интерес.

Правда, для биографов А. Толстого эти стихи, эта книжечка ценна тем, что в ней приоткрывается неведомый многим, трудный и долгий путь «становления» Алексея Толстого. «Ничто не предвещало его блестящего литературного будущего, когда в начале 1908 года он уехал из Петербурга в Париж»,— заключает свой рассказ о раннем творчестве А. Толстого Корней Иванович.

А вот как сам автор «Лирики» относился к факту выхода своей книги: «...Весною 1907 года я написал первую книжку «декадентских» стихов. Это была подражательная, наивная и плохая книжка. Но ею для самого себя я проложил путь к осознанию современной формы поэзии...»

Следует заметить, что выход книги молодого, никому не известного литератора не остался незамеченным. А. Блок в №№ 11—12 журнала «Золотое Руно» за 1907 год в литературном обзоре упомянул и про «Лирику»: «...вышла новая книга стихов нового поэта — графа Алексея Толстого». Были и другие отзывы и отклики на выход книги, но все они (и положительные и отрицательные) не поколебали его собственного мнения на предмет разговора: слабая, подражательная, плохая книжка. Что же делать? И молодой поэт, как гласит легенда, решается на отчаянный шаг: он идет в лавку, скупает все непроданные (а продать почти не успели ничего) экземпляры «Лирики» и уничтожает их. Оглядываясь на прошлое русской поэзии, А. Толстой вспомнил, наверное, о том, что выход первых книг Гоголя, Фета, Некрасова был ознаменован полным их отрицанием самими авторами. Известно, что Некрасов скупал «Мечты и звуки» в книжных лавках и сжигал.

Вот почему в среде библиофилов первая поэтическая книжка Алексея Толстого считается очень редкой. Конечно, она числится в каталогах крупнейших поэтических коллекций XX века Н. Н. Розанова и А. К. Тарасенкова, но все-таки я горжусь тем, что эта первая книга прекрасного писателя есть и в моем собрании. Экземпляр этот примечателен еще и тем, что он не разрезан. Никто никогда эту книгу не читал. Читать ее не буду и я. Лучше лишний раз перелистаю страницы великолепной прозы Алексея Толстого.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ПРЕСТУПНИ

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ РЕБЕНКА

Альберт ЛИХАНОВ

1

В этом горьком повествовании я буду прибегать к цитатам из реального письма реальной женщины. Ибо как бы ни стремился я к подлинности, реставрируя события трех жизней, мне все-таки недостанет слов, чтобы передать настоящую горечь отчаявшейся матери.

К письму, видно, перечитав его, после того как поставила точку, она приложила записку:

«Все то, что я написала, не дает мне уверенности в том, что я как человек буду правильно охарактеризована в Ваших глазах. Я (так мне думается) не смогла изложить в письме как следует те мысли, которые волнуют меня. Я не обладаю даром письменного объяснения, да притом наболевшие вопросы наслаиваются друг на друга, и я не могу ясно изложить их. Не скрою, мне необходима помощь, а где ее получить? Откровенно говоря, я не знаю. В моей жизни было очень много неприятных моментов, но такой удар, какой я получила сейчас, трудно перенести. Потеря ребенка равносильна смерти. Ко мне навязчиво приходит одна мысль: а стоит ли жить? Простите меня за мою слабость и не судите строго. Мне просто очень плохо.

С уважением — Клавдия Пахомова».

Она сравнительно молода, по нынешним, разумеется, меркам,— ей ближе к тридцати, чем к сорока. Казалось бы, можно повторить попытку. Впрочем, она и повторяет, только совсем в ином значении — повторяет жизнь сначала, хотя повторить сначала и невозможно.

Это сегодняшнее состояние ее души. Было вчерашнее — об этом позже, а было и позавчерашнее, когда все, собственно, и произошло. Хотя и перед тем, позавчерашним, было еще одно жизненное пространство, точнее, пространство ее жизни, где все было понятно и просто и обещало одну лишь безмятежность — безмятежностью ей кажется сегодня все, что было прежде.

Клава закончила торговый институт, а попала туда потому, что в последний миг забрала документы из приемной комиссии университета, испугалась строгих экзаменов. Это теперь в торговый институт попасть потруднее, чем на исторический, а тогда, в ее пору, было наоборот, и подружка — где-то она теперь? — уговорила перейти в торговый.

Уже в институте, пока смешком, между собой, после строгих и праведных лекций о правилах советской торговли, девчонки частенько поговаривали про магазины, где бывали на практике. Там, в магазинах, порядки были вольнее, народ не трясся над каждой копейкой; хватало, правда, всякой пьяни, особенно в гастрономах — при, как говорится, прямой выпивке и закуске. Но умелый директор, утверждали девчонки, должен иметь двух-трех надежных людей на базах вне магазина и двух-трех на складах внутри магазина. Отношения между продавцами и складскими помещениями — в руках этих клевретов, директору остаются вопросы стратегии и тактики. Зачем ему трястись над каждым килограммом и каждой копейкой? За недостачу отвечают продавцы.

Мнения среди студентов тогда делились: где лучше работать, в системе продуктовой или промтоварной? Продукты всем нужны всякую минуту, но дело это хлопотливое, напряженное. Промтовары тоже всем нужны, хотя и не всякую минуту, но нужны даже поосновательнее, тут речь о предметах носких и долговременных.

Разницы — это было известно, как истина азбучная — большой нет: за дефицитную еду тебе принесут любой промтовар, а за дефицитный промтовар — любую еду.

Нельзя, конечно, сказать, что в торговом институте разговоры вертелись только по коммерческому кругу. Студентки, как все студентки, бегали по танцулькам, в кино и театры, но Клава хорошо помнила ощущение волнующего ожидания, которое царствовало среди них, особенно на последних курсах. Среди этого ожидания все четче, точно заповеди, звучали две мысли. Одна — про то, что все, конечно, зависит от везения. Бывает, повезет немедля — самостоятельная работа, и не ОРС или трест, треск арифмометров и бабьи склоки, а сразу магазин. Другая — один в поле не воин, и надо сразу найти круг, познакомиться, сойтись или еще как — все равно, словом, найти решающих людей, подружиться с ними.

Распределение казалось Клавдии неудачным: выросла она в небольшом городке, возвращаться туда не желала, а в сравнительно больших центрах ни родни, ни знакомых у нее не было,— и, услышав от председателя комиссии названия трех крупных городов, даже растерялась — все они оказались равными в ее представлении.

Председатель потеплел: такие растерехи встречались ему, видать, не часто, куда чаще точку распределения называли сами, даже просили, бывало, умоляли и плакали — каждый заботился о своей судьбе заранее. И он повторил одно из трех названий: город в Сибири, на сибирском севере, хоть и старинный, но перспективный, потому как стал столицей крупного экономического района.

Клава покорно кивнула, снова вызвав улыбчивую симпатию председателя.

Так оказалась она в Сибири, и вот так, в общем-то совершенно случайно началась ее счастливая и несчастливая карьера.

Первое время ей все же пришлось поторчать в тресте. Девица она была видная — роста выше среднего, к тому же казацких кровей, брови вразлет, высокая грудь, щеки пышут жаром — все при ней, все на месте,— и, похоже, начальство, будто дефицитный товар, придержало ее при себе, до особого, может быть, случая.

Внешний вид в торговле, считай, тоже дефицит, особенно если лицо от рождения открытое, приветливое, добродушное; такое лицо да еще ежели статность, величественность в фигуре карьеру способно сделать, повести далеко вперед. Это, правда, Клавдия гораздо позже поняла, как с горечью поняла потом, когда времени понимать стало предостаточно, и другое самое главное, что еще важнее, чем статность и приветливое, улыбчивое лицо. Начальство умышленно попридержало ее в тресте, чтобы, во-первых, приглядеться как следует к человеку, обкатать ее и, так сказать, в сфере документации и в сфере деловых отношений, и, главное, подвоспитать в общем духе: понять, насколько покладиста, умна, умеет ли обращаться с людьми, так, чтобы всегда была хозяйкой положения, чтобы свято берегла свою ступеньку на лестнице положений — почитая верхних и подчиняя нижних.

В тресте Клава отработала полгода, обнаружив свои достоинства и недостатки. Из достоинств: дело понимала, с документацией обращалась спокойно и уверенно, была покорна и покладиста, но вот с людьми обращаться совершенно не умела; впрочем, такое умение приходит только тогда, когда человек занимает свое место на своей ступеньке, а не болтается на широком крыльце, с каким можно сравнить административный аппарат треста.

И Клаву выдвинули на место довольно нейтральное — товароведом большой базы, снабжающей север одеждой.

Надо заметить, что произошло это все лишь после того, как у Клавы окончательно определился ее Наперсник. Я пишу это слово с большой буквы вовсе не из уважения к нему, а оттого, что Клава даже теперь, даже в своем драматическом письме не называет имени-отчества и положения своего, если можно так выразиться, учителя и наставника. Уверен, он работает, процветает, трагедия Клавдии Пахомовой его совершенно не волнует, потому как причастным к ней ни он сам, ни даже Клава не считают. Так вот, у Клавы к той поре был Наперсник, человек, судя по всему, пожилой, опытный, вероятно, любитель клубнички, но только потом, при условии полного согласия и взаимопонимания, как гарнир к делу, к высотам многосложной и многохитрой торговой профессии.

Не в пример другим студентам — ее соученикам, Клавдии не повезло, что в самом начале своего жизненного и трудового пути она встретила такого «Наперсника».

Поизучав Клаву, поняв ее характер, он начал с простого: призвав ее в кабинет, неустанно повторял, какая она красавица, как недооценивает себя и какой прекрасной жизни она достойна.

Поначалу Клава краснела, не поняв, думала, что этот старик таким образом старается приставать к ней, как ныне выражаются, «кадрит», но Наперсник не позволил себе ни единого вульгарного движения, глядел открыто, просветленно, как истый и благородный педагог. И Клава начала понимать, что тут дело в ином. Может, в том, о чем толковали студенческой порой? Только не Клава ищет «своих», а ее ищут?

Задним числом она соображала: город становился известнее с каждым днем, правительство приняло важное решение о развитии сибирского севера, здесь обнаружили необыкновенные богатства, и сюда ехали люди, много людей. Из-за границы и с лучших заводов двигались машины, трубы, стройматериалы. Ясное дело, людей нужно было кормить, поить, одевать. Тресту, где работала Клава, давали права главка, люди требо-

ЦА,

вались не только на стройке, но и здесь, в торговле. Словом, ждать было некогда, размах открывал новые возможности, и Клаву действительно искали.

Наперсник искал в ней границы податливости и прочности, верности и ума, хитрости и смекалки. Точно забравшись в Клавдию, как в пустой кувшин, Наставник толкался там внутри, наваливался всей силой опыта и воли на стенки — вправо, влево, вперед, назад,— раскачивал кувшин изнутри, пытаясь проверить, когда, при какой силе толчков кувшин может упасть.

Даже про институтских Клавиных ухажеров, даже про деда с бабкой, не говоря про мать, выведал Наперсник до малейшей подробности — кто как жил из этих ухажеров, какой дом у матери на Кубани, чем и как обставлен, какая пенсия, сколько может быть— приблизительно! — у матери на сберкнижке, и сколько она подрабатывает с огорода. Он ничего не пропускал, никаких мелочей, его даже посуда бабкина интересовала: сколько и какого фарфора, есть ли хрусталь?

Клаве было забавно разговаривать с ним, словоохотливая от роду, она отвечала легко и открыто, часто посмеивалась, не понимая, куда он клонит. А Наперсник, точно портной, измерял ее душу с сантиметром в руках.

Все это он сильно сдабривал елеем:

— Клава! Разве можно быть такой небрежной к себе? Стройная, статная, да вы себе народного артиста отхватите запросто. Тихонова там, Ланового!

Клава смеялась.

— А что? Чем работник торговли хуже работника искусства? Никакого самоуничижения, Клавочка! Больше гордости! Все люди равны, не профессия определяет личность, а характер. Вот увидите, вас ждет прекрасная жизнь. Ну-ка, кто это сказал: «Бытие определяет сознание»?

— Маркс.

— Верно! Но есть еще один вариант. Бытие определяет битиё.

Клава смеялась.

— Ничего смешного,— шутливо обижался Наперсник.— Бытие есть чувство меры, осторожности и знания законов.

Он был великим моралистом, этот Наперсник. Это уж позже, в пору откровенности, он пояснял ей, что под знанием законов понимает не знание законов, а то, как их можно более или менее законно обойти. А тогда он источал одно благодушие.

Позвал Клаву домой на какой-то праздник, познакомил с женой, этакой матроной, которая в порыве чувств отворила платяной шкаф, показала Клаве свой гардероб. Бедняжка, пожалела ее ее Клава, куда же вы пойдете в этой норковой шубе, в этих песцах?

Жена Наперсника гордилась барахлом, но вздыхала: похоже, Клава угадывала ее печали.

Стол, Клава поняла это сразу, был арабский — широченный и длиннющий, таких у нас не делают — ломился от снеди, сверкающего хрусталя, разнообразных бутылей. Народ сходился не спеша, вальяжно, и Клава заробела: она тут была самой молодой, с большим отрывом от следующего по возрасту.

Хозяин не был хлопотлив, какими обычно бывают хозяева, когда приходят гости, напротив, полон достоинства и чинности. Он вообще не походил сегодня на хоть и шишку, но все же торговую, а скорее на профессора, крупного ученого или даже именитого артиста. Получалось, быть его таким принуждала сама обстановка: новичок в этом городе, Клава услышала несколько уже известных даже ей громких фамилий, ее представили двум лауреатам — геологам, профессору медицины, человеку, влиятельному в системе образования, милицейскому полковнику. В последний миг, с некоторым и, видимо, обдуманным опозданием, возникло высшее Клавино начальство, и она поразилась, как остальные гости торопливо задвигали массивными арабскими стульями с резными спинками, преувеличенно шумно приветствуя заподзавших, которые вели себя подчеркнуто сдержанно и солидно.

«Ну вот, ты и среди своих»,— подумала про себя Клава, припоминая безобидную студенческую болтовню. Все выглядело приятно и достойно, хотя и вовсе не так, как представляла себе Клава. Говорили о политике, об американских президентах, о том, как далеко ушла медицина и какими простыми способами — с помощью математики — научились теперь открывать геологи замечательные месторождения.

Наконец настал черед Клавиного дебюта. Уже подвыпивший Наперсник на правах хозяина дома произнес тост за нее. Клаве казалось — щеки ее пылают, да вся она горела от смешанного чувства стыда и радости. О ней так говорили прилюдно впервые в жизни.

— Выпьемте,— говорил Наперсник,— за нашу юную прелестницу, за Диану нашей северной торговли, добрым словом помянув великого Петра, который еще в стародавние времена произнес мудрое: «Торговля сиречь ямщик промышленности и экономики»!

Честно говоря, Клаву сильно смутила эта цитата из Петра, хотя бы потому, что слово «экономия» в ту далекую пору уже было в ходу, а термин «экономика» родился куда позже. Но ей было не до сомнений.

— Торговля, друзья,— вещал златоуст,— следует в колонне первопроходцев, можно даже утверждать, она — одно из четырех колес, на которых движется вперед наше развитие. Нас любят хулить,— грустно вздохнул Наперсник,— и в самом деле, разве уследишь за всеми шестеренками нашего сложнейшего механизма? Того не завезли, там машина сломалась, тут исполнитель нерастропен оказался. И люди ворчат. Критика торговли стала, к печали, нормой оценки наших дел, а вот похвала...— Он закатил глаза, прислушался к тишине, нависшей над столом, и вновь повернулся к Клаве.— Диана — богиня охоты, бог торговли — неповоротливый Гермес, но я умышленно призываю богиню охоты в наши ряды. Юная, спорая, энергичная, гибкая,— он поднял, улыбаясь, палец,— и не только в талии.— Наперсник враз, будто артист, посерьезнел.— Нам сегодня нужна именно Диана, чтобы,— он закончил резко, будто завершил не тост, а важный доклад,— вышибать фонды, пробивать товары, выколачивать продукты, поражать стрелами своего обаяния тех, кто держит эти фонды, и стрелами своих бровей всех, кто плохо обеспечивает народ товарами широкого потребления! Ибо торговля — это вид охоты!

Гости зааплодировали, мужчины стали подниматься, дабы выпить за Диану, как положено гусарам, стоя, Клава же не знала, куда деться.

На другой день был подписан приказ о ее переводе товароведом.

Клава все удивлялась, не могла понять: Наперсник более чем благожелателен к ней, а вот комнату в новом доме не дал, хотя она и намекала, мол, молодому специалисту положено.

Он ласково, этак снисходительно улыбнулся:

— Помнишь сказку о золотой рыбке?

Клава непонимающе пожала плечами.

— Так зачем же тебе хоть и новое, но корыто! Будь уж владычицей морскою!

Наперсник зычно захохотал и исчез. Не вообще, конечно, не сказочно — исчез из Клавиной жизни. Ее опустили вниз, на базу, а Наперсник остался там, наверху, теперь уже не в тресте, а в главке. Пропасть между ними легла, целая пропасть, и сидя в телогрейке на прохладной базе одежды, Клава не переставала думать: чего же хотел от нее этот человек? Неужели домогался все-таки гадкого? Ждал-ждал от Клавы встречных шагов, взаимного расположения, не дождался, обиделся и вот...

Три месяца Клавой совершенно никто не интересовался. Койка в общежитии, сосиски на общем столе — утром и вечером, переполненные автобусы по утрам, холодная конторка на базе, косые взгляды заведующего.

Завом был человек пожилой, предпенсионного возраста, к тому же чем-то сильно напуганный. Клава замечала, как он вздрагивал, если звонили из главка, как напрягался его голос и деревенело лицо. Никаких посторонних разговоров с Клавой он не допускал, лишь одни короткие и деловые вопросы-ответы.

Клава затосковала. Переход от многолюдия к одиночеству, от ласки к сухости, от доброжелательства к равнодушию всегда сильно бьет по человеку, каких бы крепких материй он ни был. А когда он молод и одинок, даже самые скромные проявления дружелюбия встречаются им как спасение, как неповторимое счастье и прекрасная надежда.

Комплименты Наперсника представлялись теперь Клаве высшим откровением и благородной дружбой. Всякие подозрения казались ей самой глупой незрелостью несостоятельной приготовишки, а званый обед в доме Наперсника вспоминался апофеозом доброты и доверия.

«Господи,— думала про себя Клава,— да могут ли быть в жизни ценности выше хороших, дружеских отношений! А разве там, на обеде, собрались не верные друзья! И все равны! Известный доктор и лауреаты-геологи, полковник и они, рыцари торговли! Да, рыцари! Про торгашей много насочиняли всяких сплетен, а ведь дружба и понимание в этой деликатной материальной сфере ничуть не менее важны, чем среди геологов, например. Верно сказал Наперсник: торговля идет рядом с первопроходцем».

У Клавы наворачивались слезы. Почему же ее забыли? Пригласили и забыли, разве же это правильно, справедливо? Как хотелось ей снова очутиться в просторной и красивой квартире Наперсника, поближе сойтись с его милой, хоть и рыхловатой — все же годы! — женой. Как-то у шифоньера тогда неловко вышло, какая-то заминка получилась, и во всем виновата она, Клава, ее неумение тотчас заговорить, быстро поддержать другого человека, обсудить по-женски, по-бабьи не такие-то уж и малые проблемы — как, где и что надеть...

Порой Клава даже была близка к отчаянию. Она соглашалась вернуться домой, к маме, на Кубань. Дадут ей какой-нибудь магазинишко, и до скончания века трястись ей перед ревизиями, заискивать перед продавцами, бояться растрат. Но хоть к маме ближе — и то хорошо. Видно, уж не вышло из нее большого спеца торгового дела.

Клава хлюпала носом, доставала платочек, промокала слезы, и чем больше проходило времени, тем горше, тоскливее, безвыходней делалось ей.

Когда ей стало совсем невмоготу, точно услышав тоску и увидев ее слезы, будто волшебник какой-то, по зову ее отчаяния явился Наперсник.

Клава помнит даже миг его появления: распахнута дверь ее каморки, он стоит в дверном проеме — одна нога на порожке — внимательный, великодушный, заботливый и прямо-таки поет приятным баритоном:

— Милая Диана, уж как же я по тебе соскучился-то, а?

Отбросив бумаги, Клава вскочила, зардевшись. Участие, надежда, симпатия, дружество возвращались к ней, и она ни за что не хотела отпускать их от себя снова. Да Наперсник и не думал ничего худого.

— А ты,— с бескрайним добродушием вопрошал он,— неужели не вспоминала? Сняла бы трубочку и — бряк, бряк! — набрала бы номерочек. Спросила бы, как живете-можете, а? Как здоровьице? Нет!

Он обволакивал ее словесами, и Клава уже готова была виниться за свое равнодушие, неучастливость, беспечность — что бы ей не позвонить, разве важно для настоящих друзей, кто, где и кем работает? Боже, какая неблагодарность, ей предлагали дружбу, а она в ответ безобразно церемонилась, на что это походило?

Наперсник что-то буркнул заву, маячившему за его плечом, тот

исчез, а сам по-отцовски взял Клаву за плечо и велел ей вести его по базе.

База одежды, где работала Клава, напоминала завод без станков — огромные, почти цеховые помещения, оборудованные с размахом и широтой. Блистающие никелем металлические поперечины выносливо держали сотни плечиков с костюмами, пальто, платьями. Было тут немало и такого, что покупают лишь от великой нужды — до того кургузо и бездарно сделано, что жаль материала, даже самого серого, но был и дефицит. В особом помещении при особом кладовщике хранились меховые изделия, в том числе импортные дубленки, в другом складе лежали джинсы, нарядная женская одежда — хоть сразу на бал, кофточки самых великолепных расцветок и превосходного качества.

— А скоро будет всего еще больше! — воскликнул Наперсник.— Уже выделены фонды, представляешь,— вглядывался он в Клаву.— Уже идут к нам контейнеры с дефицитом! — Потом отводил глаза.— А что, северяне хуже москвичей? Ленинградцев? Парижан, в конце-то концов?

Клава восторженно кивала головой, ее не очень волновали товары, зато бесконечно радовал приезд Наперсника и его дружба.

— А ты?— обратился он вдруг в глубине склада, когда рядом не было кладовщика.— Так скромно одета! Я понимаю, телогрейка — вроде спецодежды, но у тебя по крайней мере есть?..

— Что?— спросила Клава.

— Модная кофточка, у вас же есть бельгийские. Костюм? Недавно получили из Финляндии. Дубленка, наконец?

Клава рассмеялась:

— На мою-то зарплату?

Клаве показалось, Наперсник как-то по-особому вглядывается в нее, будто пытается проникнуть вовнутрь. Господи, подумала она, чего же вглядываться тут? Одинокая, жалкая девчонка, вот и все. Обогрей, она и замурлычет.

Вечером Клава ужинала у Наперсника. Тщательно готовилась к этому, помня его вопрос, надела на себя все лучшее, и все же казалась себе золушкой — то ли по действительной скромности наряда, то ли потому, что действовал, угнетал его вопрос. Но все остальное Клава сделала, как собиралась в своем трехмесячном одиночестве. С женой Наперсника они трещали весь вечер, словно две сороки, и теперь роли распределились по справедливости. Жена Наперсника Клаву поучала, и та с благодарностью переспрашивала, уточняла, соглашалась, кивала головой, в общем, была покорной и прилежной ученицей опытной учительницы, которая знала толк в таких немаловажных для женщины делах, как мода, ее современное направление и завтрашние движения.

— В моде,— говорила она,— мы отстаем от Запада лет на пять, и этот гнилой Запад знает, что делает, когда продает нам, скажем, кофточки, сезон которых уже прошел. Помнишь, вдруг мода на синтетику? Давай рубашки, носки, белье! А у них мода уже прошла — у них в моде чистая шерсть. Вот! Лет через пять отдадут нам чистую шерсть, еще что-нибудь у них появится. А нам — возьми, что негоже!

Между крабами, икрой и рюмкой коньяка жена Наперсника, уже совсем, видно, приняв Клаву в компаньонки, шепнула ей:

— Счастливая!

— Я? — удивилась Клава.

— Ну да! Скоро получишь сюрприз!

Сюрприз пришел очень деловой походкой. Через день — здесь все делалось четко и быстро, если делалось вообще — к базе подошла главковская «Волга», и шофер, отыскав Клаву, велел ей быстро собираться к начальству.

Она подумала про неприятности, заволновалась, едва переоделась, не приведя себя как следует в порядок, села в машину.

Клава гадала, что ее привезут к Наперснику, это вызвал он, хотя товаровед базы не имел дел с таким высоким чином, но ее провели еще выше, на самый, как говорят верх, усадили на диван в приемной руководства. Трещали телефоны, секретарша тявкала в них совершенно по-собачьи, не фразами, а словами, и они выходили как-то в один звук, ну действительно по-собачьи:

— Нет! Не будет! Занят! Звоните заму!

Послышалось резкое жужжание, секретарша метнула ладонь к одной из трубок, из шавки превратилась в кошку, промурлыкала нараспев: «Хоро-ош-шо, Ан Аныч!» — ласково уложила трубку на место, точно баюкая ее, встала с кресла, одернула платье, поправила поясок и, приопустив голову, точно канатоходец, пошла, разглядывая в полу какую-то ей только видимую прямую линию, пошла, приставляя каблук к носочку, ровненькой линией прямо к массивной двери, потом вскинула голову, ласково оглядела Клаву и промурлыкала ей:

— Пож-жалуй-йс-ста!

Высокий кабинет утопил Клаву в необыкновенно мягких импортных креслах, обаял осторожным, вкрадчивым басом, наивными вопросами про общественную работу в институте и комсомольский стаж. Из-за плеча высокого начальства улыбалось знакомое лицо Наперсника, и, отвечая на вопросы, Клава, сама не понимая отчего, обращалась к учителю.

Разговор походил на какое-то плутание возле пня. Чего-то все топтались на одном месте. Не понимая, Клава все-таки стала успокаиваться: неприятностями пока не пахло. Да и какие, собственно, у нее неприятности?

И вдруг она услышала:

— Мы вот тут решили выдвинуть вас. Заведующей базой.

Клава успокоилась настолько, что сразу не поняла. Показалось, это не о ней. Доходило медленно, какими-то толчками.

— Специалист с высшим образованием, ключевой пост. В наших условиях — большая самостоятельность, особые права.

Она глядела в лицо Наперсника и понимала, что не согласиться не сможет. Новая должность, конечно, сулила много забот, но зато и больше уважения. Расстояние между ней и домом Наперсника сокращалось, а ей так одиноко было здесь.

Наперсник улыбался ей, округлял глаза, кивал за плечом начальства, и Клава кивнула, соглашаясь. Услышала свой голос со стороны — какой-то грубый и неприветливый:

— Спасибо за доверие...

ВСТРЕЧИ НА ПУШКИНСКОЙ ТРОПЕ

Интересные встречи ждут каждого, кто откроет книгу «Рассказы о потомках А. С. Пушкина». Написал ее псковский журналист В. М. Русаков. Вернее, не просто написал, а создал по крупицам, опираясь на многочисленные документы, собственные изыскания, впечатления от встреч с потомками великого поэта.

Кто же они такие? Сколько их? Чем знамениты? Вот вопросы, которые занимают воображение почитателей А. С. Пушкина и на которые дает ответ книга В. М. Русакова. Вопросы не праздные. Ведь любовь к творчеству поэта безгранична, восхищение им непреходяще. В бескорыстном отсвете этих чувств мы и воспринимаем буквально все, что связано с дорогим именем.

Как известно, А. С. Пушкин положил начало большому семейству. В родословной росписи, помещенной в книге В. М. Русакова, упомянуты представители семи поколений потомков поэта — всего 238 человек. Судьбы многих из них стали предметом исследования автора.

По духу своему, по содержанию «Рассказы о потомках А. С. Пушкина» органично переплетаются с некоторыми темами творчества поэта. В стихах, прозе, письмах, биографических заметках он не раз обращался к своей родословной. Подчеркивая неразрывную связь представителей древнего рода Пушкиных с историей России, поэт писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...» И не благословил ли он заочно исследования, посвященные его потомкам, выразив другую заветную мысль — о том, что внуки его будут уважены за имя, которое он, Пушкин, им передал? Поэт не ошибся. Потомки его уважены и за имя и за их личные заслуги.

В. М. Русаков неторопливо ведет читателя по пушкинской тропе от поколения к поколению. Первая большая глава его книги называется «Дети». Она повествует о судьбах четверых детей поэта: Марии, Александра, Григория и Натальи. Любопытные факты, запоминающиеся детали помогают воссоздать индивидуальный облик, особенности характера, жизненный путь каждого из детей поэта. В очерке, посвященном старшему сыну Пушкина Александру Александровичу («Вся жизнь — служение России»), В. М. Русаков рассказывает, как однажды Александр Александрович признался своей дочери:

«В глазах встречных я читаю разочарование. Они ожидают увидеть в сыне великого поэта какую-то исключительную личность. А я — самый обыкновенный, ничем не примечательный человек. Публика и обижается: «Помилуйте, Пушкин — и не пишет!»

Действительно, гениальный талант поэта не перешел по наследству ни к одному из потомков. Но среди них в любом поколении были и ныне здравствуют люди одаренные, незаурядные. Александр Александрович, например, был талантливым военачальником, отличился в боях за освобождение Болгарии от турецкого ига. Он вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. В последние годы жизни занимал важные общественные посты. Умер в 1914 году.

И все же биографические сведения о потомках Пушкина, интересные сами по себе, не самоцель. В каждой главе, в каждом повествовании обязательно присутствует сам поэт. Его образ дал тональность всей книге. Он определяет отношение читателя к действующим лицам. Вот почему мы вместе с В. М. Русаковым с живейшим вниманием вглядываемся в пушкинские черты в облике дочерей поэта. С благодарным чувством узнаем о том, как сыновья берегли библиотеку, рукописи, письма отца. Память о поэте — вот что связывает духовно все поколения потомков А. С. Пушкина, вот что является стержнем книги В. М. Русакова. И потому рассказ о жизни потомков переплетается с семейными преданиями о поэте, с серьезным разговором о судьбе его рукописного наследия, с историей памятных пушкинских мест.

Имя Пушкина сближает века и народы. Такое впечатление выносишь из книги В. М. Русакова. Казалось бы, время жизни и творчества А. С. Пушкина очень далеко от нас. А между тем старшая дочь поэта, Мария Александровна Гартунг, дожила до Советской власти. И не кто иной, как А. В. Луначарский, хлопотал о персональной пенсии для нее.

Понимая, что читателю могут быть особенно интересны наши, советские потомки А. С. Пушкина, автор посвящает им значительную часть книги, щедро делясь результатами своих неутомимых многолетних поисков. И ненавязчиво проводит параллель: судьба советских продолжателей рода Пушкина, так же как и судьба их предшественников, неотделима от истории родной страны. Например, один из внуков поэта, Г. А. Пушкин, был командиром Красной Армии. А праправнуки были участниками Великой Отечественной войны, «на земле, в небесах и на море» сражались с фашистскими захватчиками. И сейчас живут среди нас журналист, ученый, токарь, школьник — самые разные люди, соединенные именем А. С. Пушкина. И, как мы понимаем после знакомства с книгой, быть потомком великого поэта не просто почетно, это еще и особое состояние души.

«Рассказы о потомках А. С. Пушкина» разошлись мгновенно, как и два издания предыдущей книги В. М. Русакова «Потомки А. С. Пушкина». Еще в студенческие годы В. М. Русаков увлекся малоисследованной историей пушкинской семьи и, можно сказать, на всю жизнь сохранил верность избранной теме. Он проявил завидную целеустремленность, сочетая нелегкие обязанности ответственного секретаря районной газеты с литературоведческим поиском.

В новый свой труд автор включил дополнительный материал. Он выбрал более удачную композицию повествования, благодаря чему книга стала глубже и увлекательнее. Добавим, что интересные иллюстрации и солидная библиография придают ей еще большую ценность в глазах широкого круга читателей и пушкинистов.

А. ЖЕЛНИНА

В. М. Русаков. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Лениздат, 1982, 368 стр.

театр

ДВОИМ НОША ЛЕГЧЕ

Марина ДМИТРИЕВА

Казалось, ничто не предвещало беду,— в кабинете редактора газеты Бачаны Рамишвили шла обычная работа: приходили люди со своими делами и заботами, звонил телефон. Вот он вновь зазвонил, и вдруг редактор изменился в лице, мягкий взгляд его усталых глаз ожесточился... Аноним угрожает расправой, если редактор поместит неугодную статью; он же с явным удовольствием сообщает некоторые «пикантные» подробности о Марии, любимой Бачаны... Потом трубку труслиео бросят, но острой болью резанет этот звонок по сердцу Бачаны... И вот уж поистине: пришла беда — открывай ворота. Является следователь в кабинет редактора,— его коллега ложно обвиняется в уголовном преступлении. Со всей страстью защищает редактор своего товарища. И вдруг, схватившись за сердце, Бачана падает...

Многие театры страны обратились к известному роману лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе «Закон вечности». Это понятно. Думбадзе в своем творчестве сочетает национальное с интернациональным; его герои несут в себе тот высокий нравственный потенциал, который так необходим и театру и зрителю. Поэтому спектакль «Закон вечности» (режиссер-постановщик Ю. Мочалов) Московский драматический театр имени А. С. Пушкина посвятил 60-летию образования СССР. Автор инсценировки — лауреат Государственной премии УССР имени Т. Шевченко Николай Мирошниченко — максимально использовал драматургию романа и перевел его на язык сцены, сохранил поэтику произведения.

Стержнем пьесы становится разговор о долге и совести, о бессмертии доброты. О самом дорогом в жизни человека: неколебимой вере в высоту нравственных обретений нашего общества.

Непростую жизнь прожил Бачана — А. Пороховщиков. Радости и горести, созидание и утраты оставили на его сердце свои следы. А нетерпимость к тому, что уродует жизнь сегодня, приводит его на больничную койку. И тяжелобольной, теряющий поминутно сознание, герой как бы вновь проходит свой жизненный путь.

Учитывая сложную полифонию пьесы, постановщик Ю. Мочалов выстраивает спектакль очень четкий по мысли, перемежая реальность происходящих событий сценами прошлого Бачаны Рамишвили. Это дает нам возможность проникнуть во внутренний мир еще и тех людей, с которыми героя сталкивала судьба. И это не просто воспоминания человека на пороге жизни и смерти. Это сама память сердца — источник неостывающей духовной силы человека.

Многое вобрала в себя память Бачаны. Он помнит сиротливое, голодное детство, помнит справедливого и доброго пастуха дедушку Глахуну (В. Торстенсен); помнит жестокого Манучара (А. Старостин), от руки которого Глахуна погиб. Тогда уж Бачана, еще мальчишка, сам не дрогнувшей рукой убивает бандита...

Прекрасны образы женщин, что вошли в жизнь героя. Нынешняя медсестра Женя, сейчас ухаживающая за ним, напомнит ему прекрасную Тамару, первую его любовь (обе эти роли играет актриса М. Монахова); вспоминает он и несчастную Марго, потерявшую рассудок во время наводнения; своей добротой, искренностью она напоминает ему Марию, женщину любимую, с которой совсем недавно, накануне болезни, произошел разрыв... Все эти женщины сложно связаны между собой в воспоминаниях Бачаны, особенно в его отношении к Марии, единственной — на всю жизнь — большой любви...

Человеком, способным на настоящие, сильные чувства, играет свою героиню актриса С. Мизери. Много испытаний выпало на долю ее Марии. Немало жизней и немало смертей она пережила. И воскресла вновь, чтобы любить и быть любимой... Мария — Мизери — символ женственности, удивительной доброты и стойкости. Обе роли С. Мизери — Мария и Марго — взаимосвязаны трагическими переживаниями. На редкость проникновенно, тонко и тактично открывает актриса их душевный строй, нигде не изменяя чувству меры. И с огромной силой звучит кульминационный момент роли, когда у Марго вдруг наступает время просветления, когда она мучительно хочет и не может освободиться от своих страданий...

Вот так насыщено жизнью души все сценическое время... К финалу минует кризис у Бачаны. Вместе с выздоровлением начнется его реальная, повседневная жизнь. Но еще до того он узнает, полюбит соседей по палате, где опять мы видим таких разных людей — отца Иорама (Ю. Аверин), сапожника Булика (В. Буров).

Хорошо сыграна роль Светы, жены Булика, Н. Марушиной; эта женщина добра и внимательна к «чужим» больным; для каждого у нее припасен подарок и доброе слово.

А потом жизнь вновь будет по-разному, круто сталкивать Бачану с людьми. И снова Бачана будет продолжать борьбу со всем косным, нечестным, мешающим жить. В этом и есть смысл существования человека честного, умеющего сострадать чужой боли, быть нужным для окружающих.

В финальной сцене, когда Бачана вновь встретится с Марией, чтобы больше не расставаться никогда, он скажет ей об открытии закона вечности. Суть его в том, что у человека душа значительно тяжелее тела; одному не под силу нести эту ношу. И Мария продолжит мысль Бачаны: мы должны помогать друг другу, думать друг о друге... Двоим ноша легче.

Спектакль «Закон вечности», оформленный художником А. Челидзе (музыка О. Тактакишвили) — творческая удача Московского театра имени А. С. Пушкина. Спектакль предостерегает нас от безверия и беспамятства, привлекая к богатствам души современника.

СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ

Мечта о небе, о вольном полете — едва ли не самая древняя и заветная мечта человека. Во все века вдохновляла она поэтов, композиторов, художников. Именно ей посвящена литературно-музыкальная композиция «Созвездие Гончих Псов» — первая премьера на сцене Театра чтеца, созданного при Московском планетарии.

Существует Московский планетарий более полувека и хорошо известен как один из центров пропаганды научных знаний. Однако его возможности гораздо шире! Это доказала и программа «Небо прекрасной Эллады», и новая нынешняя постановка.

Поэтическая композиция, автором и исполнителем которой является Георгий Бальян, лауреат Всесоюзного конкурса чтецов, состоит из двух частей. Первая — вдохновенный гимн дерзновенной мечте человека о звездном небе, о стремлении к звездам. Рассказ завершается историческими кинокадрами. Первый старт человека в космос... На фоне бескрайних космических просторов появляется нежно-голубая Земля, и мы невольно замираем от мысли: как же она мала, как беззащитна!.. А между тем на каждого жителя этой голубой планеты — едва он появился на свет — уже кем-то запасено по пятнадцать тонн смертоносной взрывчатки... И зловещий «запас» растет день ото дня...

«Богатыри, да разве это путь?!» — на высокой трагической ноте звучат слова, призывающие к благородному созиданию. Пусть мы уже вышли в космос, пусть оторвались от породившей нас Земли — все равно каждый перед ней в ответе! И не может быть конца стремлению к высотам добра и человечности...

— Все начинается с любви... Таков основной лейтмотив второй, лирической части композиции. И если в первой части спектакля из бездонной космической черноты сияли «хоры стройные светил», то теперь лишь одна-единственная свеча в руке артиста освещает зал. Нас как бы приглашают к разговору, затрагивающему в человеческой душе самое сокровенное... Это одна из ярких находок постановки. Тонкое понимание поэзии и музыки присуще режиссеру Ю. Заранкину. Музыка — фрагменты из произведений Дж. Пуччини, И. Стравинского, А. Скрябина, Ф. Мендельсона — не просто сопровождает чтение стихов, а заставляет глубже осознать главную идею композиции. Идею величия Человека, устремленного во Вселенную, но помнящего, что для него нет ничего дороже матери Земли.

Трудная, совершенно новая по своей сути работа увенчалась творческой победой, показав не только важность и жизнеспособность этого начинания, но и продемонстрировав большие перспективы театрального — именно театрального использования Звездного зала планетария.

Г. ОСИПОВ

«ИЗБРАННОЕ» ЛЕОНИДА ЛЕНЧА

Когда полвека назад молодой провинциальный фельетонист впервые поставил под своим сочинением хлесткий, «иностранный», по тогдашней моде, псевдоним «Леонид Ленч», он, конечно, не думал увидеть его вытисненным золотом на двух объемистых томах «Избранного».

Петербургскому мальчику «из хорошей семьи», сыну военного врача, гимназисту, в чьих детских воспоминаниях «папа в черном фраке с белой накрахмаленной грудью» и «тяжелый шелк маминого вечернего платья», солидные семейные знакомые, гимназическая площадка на даче в Тверской губернии, а потом сиротское горемыкание по охваченному гражданской войной казачьему югу, не так-то просто было найти себя, верно определить свой жизненный путь. Читая в двухтомнике автобиографическую повесть Ленча «Черные погоны» или «Рассказы из моей жизни», понимаешь, почему это удалось: ему всегда были присущи честность и чувство юмора, которые позволяли видеть жизнь «в натуральную величину», не утрачивая меры вещей ни тогда, когда он общался с чванными деникинскими «вольноперами», ни когда наблюдал чересчур ретивых активистов «чистки» в первые годы Советской власти. Приход в газету, в отдел фельетонов, позволил ему окунуться в гущу жизни и дал простор его врожденной наблюдательности и острому чувству комического. Так появился писатель Леонид Ленч.

Надо отметить, что «Избранные произведения в 2-х томах» «избраны» удивительно удачно. Читая их вот так, подряд, как бы вновь проживаешь 30-е, роковые 40-е, послевоенные годы... Юморист Ленч не поднимает больших эпохальных тем, но время словно само врывается в его маленькие рассказы. В них большое понимаешь через шутку, комическую сценку, смешной диалог. В довоенных вещах Ленча идут в дальние походы отважные лыжницы, девчонки и парни строят московское метро, одаренные дети учатся в музыкальных школах, поклонницы рукоплещут знаменитому тенору... И удивительный феномен: смеясь и отрицая, Ленч очень деликатно, но настойчиво у т в е р ж д а е т: надо быть добрым, порядочным, доверять людям, защищать друзей, уважать знание, хранить цельность чувств... Рассказы Ленча никогда не бывают простым «смехачеством», но всегда обнаруживают тот нравственный идеал, с высоты которого они написаны. Закономерно, что в его шуточных «Заповедях молодым сатирикам» сказано: «Сатира требует, чтобы у ее бойцов всегда были чистые руки и чистые сердца!»

Вот так, с восклицательным знаком.

Вместе с тем Ленч помнит и об убийственной силе сатирического слова. Он дорожит высказыванием Гоголя о том, что насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете. По нашей земле ходит еще довольно много таких вот «бесстрашных» карьеристов, воинствующих лизоблюдов, неугомонных взяткодателей. Можно представить себе, что не один литературный завистник, состарившийся дворовый склочник или разносчица сплетен содрогнулись в душе, узнав себя в рассказах Ленча «Арбатский шарик», «Дядька-мухомор» или «Сорока». Адрес здесь выбран абсолютно точно.

Но как достигает писатель неувядаемости своего юмора? Почему мы улыбаемся, уже увидев подпись «Леонид Ленч»? Дело здесь не только в точности прицела, но и в мастерстве. Юмористическая деталь, найденная писателем, не просто смешна: она несет в себе обобщение, выявляет социальный тип. Вот перед нами агент страхового общества «Россия» времен первой мировой войны: «Он был похож на важного складского кота при хорошем мышином деле». Эта лаконичная строка относится не только к жулику — герою рассказа, но ко всей грабительской тыловой прослойке. Ленчу принадлежит ставший буквально нарицательным термин «Тыбик»: злосчастный пенсионер, к которому всегда обращены слова: «Ты бы (пошел, сделал, купил и пр.)». А вот один из недавних примеров. Несчетное число раз критиковались эстрадные ансамбли с их какофоническими упражнениями. Но только Ленч «припечатал» такую музыку одной фразой: «Длинноволосый молодец с баками, доходившими до половины его шеи, приложил к губам блистающую серебром трубу и задудел, как архангел, сзывающий живых и мертвых на Страшный суд по случаю конца света». Как мастерски пародирован здесь широко известный библейский образ с помощью канцелярского словечка «по случаю» и как точно, несколькими карикатурными штрихами, нарисован горе-солист!

Кажущаяся непритязательность стиля Ленча является на самом деле результатом большого труда. И тогда на поверхности появляются верхушки айсбергов вроде «мохерового колпака-одуванчика», «глуповатой учтивой улыбки ко всему приученного рогоносца» или «молчаливых бежевых псов, выпрашивающих у людей подачки глазами и хвостами»...

Мастерство Ленча возникло в русле замечательных традиций советской сатиры.

Рождение нового мира привело, помимо всего прочего, к ломке быта, а это вызвало к жизни блистательные страницы, принадлежащие перу Булгакова, Зощенко, Ильфа и Петрова, сатирические строки Маяковского. И странно в наши дни звучит во вступительной статье к «Избранным произведениям», претендующей на профессиональный анализ, противопоставление ее автором У. Гуральником Ленча Михаилу Зощенко. Не утруждая себя аргументацией, а лишь неубедительно приведя цитату из высказывания писателя, которая говорит о нежелании подражать чужой стилистической манере, У. Гуральник как бы «отлучает» Ленча от Зощенко. А между тем стоит предоставить слово самому Ленчу:

«Фельетон в то время занимал в газетах видное место, он был ведущим публицистическим жанром. В центральной печати гремели такие фельетонисты, как Михаил Кольцов, Александр Зорич, Давид Заславский. Украина покатывалась от хохота над фельетонами Остапа Вишни, в сатирических журналах блистали сатирические писатели Михаил Зощенко и молодые Ильф и Петров. Б ы л о с к о г о б р а т ь п р и м е р и у к о г о у ч и т ь с я!»

Вот в каком ряду стоял Зощенко для Ленча, он считает Зощенко одним из своих учителей. Не подлежит сомнению, что именно высокий уровень мастерства в «сатирическом цехе» заставил молодого писателя с большой требовательностью отнестись к своей работе и определил непреходящий успех таких рассказов, как «Сеанс гипнотизера», «Душа ребенка», «Одаренная мама», и других, открывающих двухтомник.

В состав «Избранного», помимо юмористических рассказов, вошли также повести Ленча, своеобразные очерки о его зарубежных поездках, литературные и прочие воспоминания. В них много любопытного жизненного материала, ощутим присущий Ленчу мягкий лиризм, видны его эрудиция и литературный вкус. Ленч охотно цитирует Пушкина, Маяковского, Пастернака. «Тверская скудная земля!» — не могу без волнения читать эту пронзительную ахматовскую строку», — пишет он в рассказе «День рождения». И все же в этих, казалось бы, неюмористических произведениях, присутствует Ленч-юморист с его отточенным зрением, лаконизмом, кинжальной остротой слова. Вот рассказ-воспоминание о работе Ленча в Средней Азии. Непринужденно писатель переводит разговор на то, как изображают восточную экзотику современные поэты:

«Два поэта потом написали стихи об этом райском уголке. В изящном стихотворении первого было все: и павлин, и гранаты, и олененок, брат Бемби, — вся экзотика. Второй поэт, не забыв ни павлинов, ни гранатовых деревьев, ни олененка, брата Бемби, посвятил свое стихотворение лохматому Полкану и воздал ему должное за его безупречную службу по охране этого рая.

Два понимания экзотики.

Вторым поэтом был Ярослав Смеляков».

Только литератор, прошедший суровую школу ультракороткого рассказа, мог так, в одном абзаце, сформулировать свое литературное кредо — обязательность свежего и неожиданного решения л ю б о й темы, хотя бы и самой заманчивой.

Странствуя по миру, Ленч побывал в Болгарии. Нет ничего удивительного, что именно в этой стране он был удостоен премии Международного конкурса юмористического рассказа — «Золотого ежа». Ведь даже восхищаясь полюбившейся ему страной, он не может не отметить глазом и ухом юмориста ни «пожилого рыбака с длинным грустным носом», ни речистого метрдотеля-грека, немедленно получившего имя Демосфен, чьего зятя к тому же зовут Перикл, ни «сопротивляющегося даже после смерти» петуха на праздничном обеде...

Все это означает, что Леонид Ленч всегда остается юмористом, которого читают наши современники и будут читать еще многие поколения. Ибо кому же не хочется, пользуясь терминологией Ленча, «открыть хорошего, интересного писателя, да еще к тому же хорошего юмориста»?

М. ГРИНЕВА

Леонид Л е н ч. Избранное. М., «Художественная литература», 1982, т. 1, 543 с., т. 2, 559 с.

ЗНАКИ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ

В огне войны встретили советские люди 1943 год, ставший годом коренного перелома в ходе Великой Отечественной. В 1943-м была завершена великая битва под Сталинградом, освобожден Северный Кавказ, прорвана блокада Ленинграда, отгремело сражение на Курской дуге, форсирован Днепр, освобожден Киев... Произошло в этом году и еще одно знаменательное событие в жизни армии и флота: переход на новую форму одежды и введение новых знаков различия — погонов.

Сегодня все знают, что погоны — это обязательный атрибут форменной одежды военнослужащих армий почти всех стран мира. Но вот как они появились, знают, пожалуй, немногие.

Прообразом погонов историки считают металлические пластинки, которые носили на плечах кавалеристы некоторых армий. Эти пластинки защищали от сабельных ударов. В начале XVIII века вместо пластин появились погоны, уже как знаки воинского различия.

В русской армии погоны были введены в 1763 году, сначала на одно плечо, как знак, определяющий принадлежность к тому или иному полку. Кроме того, погон удерживал на плече продетый под него ремень патронной сумки.

В 1801 году в русской армии были введены погоны разных цветов для различных частей. На них нашивались или вышивались номера частей, соединений или начальные буквы их наименований, а также вензеля, присвоенные войсковым частям. В 1854 году появились погоны на походном обмундировании офицерского состава. На парадном обмундировании офицеры и генералы носили эполеты.

Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала сословия, чины и звания. Было отменено и ношение погонов. Вместо них учреждались новые знаки различия для рядового, командного и начальствующего состава молодой Красной Армии; знаки эти совершенствовались и изменялись по мере развития и укрепления армии и флота. 16 января 1919 года для командного состава РККА — от отделенного командира до командующего фронтом — были введены нарукавные знаки различия. В январе 1922 года они были несколько изменены, а с 3 декабря 1935 года военнослужащие РККА стали носить еще и петлицы.

В начале января 1943 года Народный комиссариат обороны обратился с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о введении для личного состава Красной Армии новых знаков различия. 6 января 1943 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о введении погонов для военнослужащих Советской Армии, а 15 февраля погоны были введены и для личного состава Военно-Морского Флота.

«Введение погонов, — писала в те дни газета «Красная звезда», — еще раз подтверждает славную преемственность воинских традиций, которая так ценна для армии, любящей свое Отечество, дорожащей родной историей. Погоны — не только деталь одежды. Это — знак воинского достоинства и воинской чести».

Погоны для армии устанавливались полевые и повседневные. Основное отличие полевых состояло в том, что они были цвета хаки, и звездочки не золотистого, а зеленого цвета.

В исторической литературе не зафиксирована воинская часть, которая первой перешла на новую форму одежды. Можно только предположить, что это была одна из вновь формируемых и подготавливаемых для отправки на фронт частей, поскольку приказ разрешал донашивание старой формы до истечения установленных сроков носки.

За сорок лет погоны военнослужащих Вооруженных Сил СССР претерпели некоторые изменения. Они менялись по цвету полей, кантов, просветов и т. п. 18 ноября 1971 года были установлены погоны для прапорщиков и мичманов, а 1 ноября 1974 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил новые образцы погонов для генералов армии. Вместо четырех звездочек для них была учреждена одна большая звезда.

...Два раза в год в части и на корабли приходят советские юноши, чтобы под боевыми знаменами Советских Вооруженных Сил выполнить почетный долг гражданина Страны Советов. Они надевают воинскую форму с новенькими погонами — знаками высокой воинской чести.

Д. КОРОЛЕВ,
капитан I ранга

Выставка «50 лет МОСХ»

В. Руднев. Род. 1920. ПОРТРЕТ РЕВОЛЮЦИОНЕРА, НАБОРЩИКА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА СМЕТАНИНА.

В. Стожаров. 1926—1973. СЕЛО ВЫШГОРОД. БЕЛАЯ НОЧЬ.

Выставка «50 лет МОСХ»

САДИ АЛЬ-МАЛЕХ

ГЕРОИ КРЕПОСТИ ШКИФ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Мы с одним парнем, что вместе со мной в окопе был, все пытались сосчитать, сколько же снарядов и бомб падает на крепость за минуту. Дойдем до двадцати, а дальше сбиваемся, теряем счет. Получалось что-то порядка пятидесяти ракет и бомб каждую минуту. Только и слышишь: «Бу-уух... бу-уух... зз-ззз». Так, смекаем, это шариковая.... А это осколочная... А это дымовая... напалмовая... фосфорная... Спорим, каждый свое отстаивает. Смех один, ей-богу. Какая в общем-то разница?

А солнце палило в тот день нещадно. Я уже с утра почувствовал, что в горле все пересохло. Губы потрескались от жары, во рту горечь. И живот стало подводить от голода, да и не у меня одного. Все-таки что ни говори, а с позавчерашнего вечера во рту не было ни крошки. А поесть — это теперь проблема. Дело в том, что у нас еще оставался хлеб и кое-какие консервы, но они на складе, на втором этаже. Попробуй-ка доберись туда сейчас, под обстрелом. Но уж раз решили отбиваться до конца, придется всеми правдами-неправдами доставать хлеб и воду.

Стали мы совещаться — то по рации, а то и просто перебегая от одного окопа к другому, но так ни до чего и не договорились. Кому идти? Ведь забраться сейчас в главное здание практически невозможно — верная смерть. Погибнет человек ни за что, а нас и так мало. И тут встает Юсиф, суданец, он уже давно с палестинцами, еще несколько лет назад добровольцем вступил. «Я,— говорит,— пойду». Командир наш ни в какую. Ты что, мол, совсем спятил? И думать не смей! Тебя ж, говорит, накроет еще по дороге. А тот свое твердит: мол, ничего, надо же кому-то идти, это мой долг, и все такое... А командир все равно не соглашается. Да и ребята остальные против, уговаривают его, убеждают. Мол, ты только погляди, что вокруг творится. Да ты и шагу сделать не успеешь, как тебя прихлопнет. Но Юсиф вдруг — раз! — одним прыжком выскочил из окопа и рванул к главному зданию. Наша позиция была недалеко от него. Мы так и замерли. Кругом разрывы, шквал огня, а он несется навстречу смерти, будто на свидание с любимой. Когда он совсем уже у входа был, рядом шарахнула ракета. Ну, все, думаем, крышка нашему Юсифу. Ан нет, успел броситься на землю, только закидало его немного. Знаешь, когда бомбежка, главное — не терять голову. Хоть и считанные мгновения тебе на раздумье отпущены. Хуже, когда беспорядочный артобстрел. Вот тут уже никак не угадаешь, куда лупанут... В общем, добрался наш Юсиф до второго этажа и кричит нам оттуда: «Ловите!» И стал кидать нам консервы в разные стороны. С умом парень, правильно рассчитал. Мол, если и прихлопнут в очередной налет, так хоть не напрасно старался. А самолеты будто проведали, что Юсиф в главном здании, просто засыпали его ракетами. Где уж тут уцелеть! Прощай, Юсиф... Отгремел налет, тихо стало на минуту. Главное здание в густом дыму.

— Юсиф! Эй, Юсиф!

Только эхо в ответ, и новый взрыв снаряда неподалеку. Командир выругался и, сложив руки рупором, прокричал:

— Юсиф!.. Как там у тебя? Отвечай — цел?

— Да цел я, цел. ...Никак только хлеб не найду...

Голос глухой, будто из подземелья. У нас немного отлегло от сердца. Тут он снова принялся кидать нам банки с консервами, потом швырнул мешок с хлебом, а еще через минуту мы увидели и его самого. Идет, будто ни в чем не бывало, улыбается, рот до ушей. Но не тут-то было, на полдороге застает его новый налет. И снова он валится на землю, и снова я думаю: «На этот раз уж точно, несдобровать ему». Даже зажмурился — поверишь, сил не было глядеть, как его там растерзало... Кончился налет. Открыл я глаза, поднял голову — это ж надо, вон он, Юсиф, стоит надо мной, целый и невредимый! Везучий, черт!

Низар восхищенно помотал головой и на минуту замолчал, словно припоминая события тех дней. Мы с Сердитым не отрываясь глядели на него. Он поймал наши взгляды, понял, видно, наше нетерпение и, улыбнувшись, продолжал:

— Ну, после этой истории мы приободрились и стали теперь подумывать, как раздобыть воды. Вот это проблема так проблема! Истинный ад нам сионисты устроили, а тут еще солнце шпарит, никакого спасения нет. И ни капли воды. А без воды кусок хлеба в горло не лезет, сам знаешь. Но источник далеко, у самого подножия крепости, а цистерну, в которой мы держали воду, разбило снарядом еще вчера утром.

Добровольцев, чтобы принести воду, нашлось сразу несколько, но доверили это дело одному палестинскому парню. Отчаянный малый, настоящий сорвиголова. Ему случалось бывать и не в таких переделках. Пополз он. Из окопа в окоп, где за скалу спрячется, где в воронку от снаряда прыгнет. Смотрим: тащит сразу канистру. До самого источника на брюхе полз и обратно так же.

К полудню, когда израильтяне уже весь юг заняли, стало окончательно ясно: рукопашной не миновать. Огорчительно, конечно, было узнать, что новый кусок нашей земли они отхватили, но, с другой стороны, мы радовались. Наконец-то встретимся с врагом лицом к лицу. Это вам не под американскими бомбами лежать и грызть локти с досады, что нет у нас подходящих зениток. А партизанские операции — что? Капля в море. Представляешь, с великим трудом и предосторожностями пробираемся через пограничный анклав, где хозяйничает Саад Хаддад со своими бандитами, потом сутками выжидаем подходящего случая, чтобы пересечь израильскую границу,— ради чего? Ради операции, в которой наверняка погибнет несколько израильских солдат. А тут... сами идут нам навстречу! Редкая, можно сказать, удача в море печали. Но нынче мы уже понимали, что начавшаяся война непохожа на прошлые. Поэтому ребята решили послать меня еще с одним парнем в Набатию за батарейками для рации и еще кое за чем. Надо пользоваться моментом, пока израильтяне не подошли к крепости.

Вышли, спускаемся — где ползком, где короткими перебежками. На полдороге накрыл нас ракетный обстрел с воздуха. Похоже, нас заметили. И началось... Будто в кошки-мышки играем. Мы за камни прячемся, а они нас сверху ракетами... Караулим момент, когда самолет, сбросив снаряды, круто взмывает вверх, перебегаем на новое место, снова кидаемся плашмя на землю и выжидаем, пока второй стервятник отбомбится... Наконец вышли у них все ракеты, да и снаряды тоже, видно, кончились. Осмелели мы, бегом припустили, во весь рост, уже не скрываясь. С холма поглядели вниз в бинокль. Видим: длинная колонна бронетранспортеров движется в направлении крепости с двух сторон. Целая бригада или даже больше.

Подошли к Набатии, а там уже израильские танки. Удивились мы: как это так? Откуда ж они появились? Может, десант в тылу выбросили? Позднее мы узнали, что, в общем, так оно и было: израильтяне вторглись в Ливан сразу в нескольких местах.

Наступила ночь — яркая, лунная. Но даже если б и не месяц, наперекор всему заливавший мир своим серебряным светом, вокруг было бы светло, как днем. Честное слово, в жизни не видел такой ослепительно светлой ночи. Осветительные ракеты, вспышки артиллерийских выстрелов, пламя пожаров...

Пристали к одному из отрядов, сражавшихся в Набатии, и вместе с ним переходили от позиции к позиции. Потом в суматохе боя я потерял своего товарища и до сих пор не знаю, что с ним: убит ли, в плен ли попал, а может, ушел в лес, к партизанам?

На следующий день с помощью рации мне удалось связаться с нашими в крепости. Узнал, что пока еще держатся, даже и не ранен больше никто. «Набатия,— сообщаю я,— окружена, туда не проберешься». «А мы,— говорят,— тоже в окружении». Попробовал я вернуться к ним обратно, но, как ни пытался, ничего не вышло: израильтяне блокировали крепость плотным кольцом.

РАССКАЗ МЕРВАНА

Земля задрожала, как при землетрясении. Я сразу же почувствовал неестественную тяжесть в ушах. В течение нескольких мгновений я не мог как следует раскрыть глаза. Раздался страшный взрыв. Один из нас насмешливо сказал:

— Ну, началась потеха!

«Вовремя»,— подумал я и быстро поднялся. Мы окопались на наших позициях в сердце крепости — девять бойцов, из нас трое совсем молодых ребят. Нас связывала одна нить общего дела. Я прибыл в Шкиф вчера вечером после бомбардировки Бейрута. Я получил свое отделение, которое эти самолеты пытаются у меня отобрать и бросить в раскрытую пасть смерти. Каждую минуту мы ожидали гибели.

Сначала мы думали, что израильская армия высадит десант на окраинах крепости. Мы находились в состоянии постоянной готовности, приняв необходимые меры. Прошло три или четыре часа, но израильтяне не проявили намерения высадить десант. Однако воздушные налеты усиливались. Возможно, увеличивалось и количество атакующих самолетов. Настроение летчиков, видимо, ухудшалось, так как их стальные птицы, сделанные в Америке, атако-

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

вали с беспримерной яростью, словно действительно сойдя с ума и сорвавшись с цепи.

Вскоре я понял, что они пытаются нас уничтожить, не делая ни шага вперед. Такова будет их политика до тех пор, пока у них будет превосходство в военной технике, которую они получают, словно подарки на день рождения. Они уничтожают нас при помощи этой техники, не теряя при этом ни одного солдата. А нам суждено сражаться нашими собственными силами. Эта мысль, а также усиление бомбардировки заставляли меня ощущать глубокую горечь и тоску. Мне было грустно оттого, что они смогут уничтожить нас в крепости, не подвергая себя риску вступить с нами в бой.

Думаю, что подобные чувства испытывали и остальные. Об этом говорили их глаза, их молчание, то, как они преодолевали ужас яростной атаки, понимая, что наступил долгожданный час их жизни. Поэтому каждый из них вложил всю свою душу в дуло своего автомата.

«Деваться некуда. Либо гибель, либо победа»,— сказал я себе.

Я не испытывал грусти оттого, что придется умирать такой смертью.

Мне казалось, что духовно я сумел хорошо к ней приготовиться. Я широко распахнул свою грудь... Одно только меня тревожило — я умру, не оставив после себя ребенка. Я тысячу раз проклинал себя за то, что два месяца тому назад отложил женитьбу на той девушке — медсестре из Аммана. А ведь мы совсем было собрались пожениться! Может быть, она родила бы ребенка, который отомстил бы за меня когда-нибудь.

Не знаю почему, но мне казалось, что подобные мысли обуревали и моих товарищей. Каждый из них словно в одиночку плыл по морю на лодке без весел. Я подумал, что надо поднять их боевой дух. Я быстро поднялся и начал произносить перед ними речь о любви и родине и готовности погибнуть во имя нее. Но прежде чем я закончил свою речь, полную звучных фраз, четырнадцатилетний Нидаль вдруг сказал мне:

— Товарищ, неужели ты считаешь нас трусами?

Я посмотрел на лица девятерых бойцов, сгрудившихся вокруг меня в окопе. Каждое лицо выражало волю и гнев. Они возмущенно смотрели на меня. Я сразу же понял, что попал в трудное положение. Быстро сообразив, я попытался с честью выйти из него и сказал:

— Нет, товарищ, но...

Паренек решительно оборвал меня:

— Не надо ничего говорить! Как ты можешь думать, что мы боимся, если у нас в руках это оружие?! — И он ударил маленькой рукой по прикладу своего автомата, словно желая этим доказать свое мужество и взрослость.

Я не стал возражать, не желая каких-либо осложнений в такие трудные минуты, и промолчал вместе с остальными. Паренек сунул руку в карман, вынул оттуда маленький бумажник и принялся перебирать клочки бумаги и немногочисленные лиры, бормоча что-то себе под нос. Потом он тихо сказал:

— Вот она. Нашел.

Он вынул фотографию и показал нам ее по очереди. Это была фотография мужчины с полным серьезным лицом, которое привлекло наше внимание, словно вокруг ничего не происходило. Мы забыли о бомбардировке, реве самолетов, разрывах бомб и погрузились в наш собственный, очень маленький и очень большой мир.

— Это мой отец. Посмотрите-ка на него хорошенько. Ему было сорок с небольшим. Он погиб в прошлом году во время сионистского налета на Факхани. Перед смертью он завещал мне не расставаться с винтовкой.

Над нашими головами стояла красивая тишина, которую нарушали взрывы снарядов и ракет...

Мерван вздохнул несколько раз и заерзал в кресле. Он немного помолчал. Стараясь не мешать ему собираться с мыслями, я отвел глаза. Потом он сказал:

— Ты знаешь, я не спал почти целую ночь.

— И я тоже.

Мерван глубоко вздохнул. Он мучился.

Затем продолжал грустным голосом:

— В тот день погибло семеро бойцов, и пятеро было ранено — все на позициях вокруг стен крепости.

Мерван замолчал, опустил глаза и принялся нервно перебирать пальцами повязку. Я подумал, что он подыскивает наилучшие выражения для своего рассказа, но он вдруг поднял голову и заговорил, помогая себе жестами рук:

— Я вспомнил кое-что важное. Не знаю почему, образ моей матери постоянно вставал передо мною с небывалой прежде четкостью. Я прижался к стене окопа, чтобы подумать в одиночестве. Я просил прощения у Аллаха и смыкал веки, но призрак моей матери представал передо мною с глазами, полными слез, нежности и любви. Я снова открывал глаза и снова видел ее, говоря про себя: «Мама!» Она смотрела на меня, не отвечая. Моя мама там, в Иерусалиме, с моим отцом и братьями под пятой оккупации с 1967 года. Я же, который не захотел жить под этим игом, уехал и скитался по столицам нескольких стран. Потом приехал сюда. И здесь меня опять преследует эта грязная пята. Неужели оккупация стала нашей тенью? Не хочу, чтобы у нас была эта проклятая тень. Я буду бороться с ней: или я, или она. Другого выхода нет. Я взял тетрадь и ручку. Она, кстати, всегда со мной. Я иногда кое-что пишу для себя. Называю это стихами или мыслями. Я вырвал лист из этой тетради и принялся писать: «Дорогая мама! Пишу тебе в одну из самых сложных минут моей жизни. Я нахожусь на позиции, которую сотрясают взрывы бомб и ракет, ежесекундно сбрасываемых с вражеских самолетов. Я не знаю, когда погибну. Но я хорошо знаю, что погибнуть придется. Извини меня, мама. Я очень люблю тебя и понимаю, что ты меня любишь еще больше. Я должен оставаться здесь, защищая эту землю, чтобы ты могла мною гордиться и любить меня еще больше. Ты знаешь, что там я не склонил перед ними головы. Я не склоню ее и здесь...».

Я перестал писать, не окончив письма из-за охвативших меня чувств. Образ матери стоял передо мною, куда бы я ни посмотрел. Он словно взял меня в осаду.

Ну, хватит об этом. Расскажу теперь об осаде врагом крепости на протяжении трех дней. Эти две осады были подобны полюсам магнита — одна помогала выносить другую. Крепость превратилась в столб огня и дыма. Мы стали ощущать удушье и нервное напряжение из-за дымовых бомб нервного действия, которые стали сбрасывать с утра. Связь между отделениями, защищавшими крепость снаружи, и нами была прервана. Я знал, что у стен находится три или четыре подразделения, но не представлял, кто из них остался в живых. Несмотря на то, что я понимал, что из всех бойцов в крепости живыми осталась только половина, в том числе раненые и пораженные бомбами удушающего и психического действия, я принял решительные меры для отражения штурма. Эти меры до некоторой степени представлялись мне смешными и бесполезными перед лицом их армии, но было необходимо нанести наибольшие потери этим захватчикам, приехавшим из различных стран, чтобы жить в наших домах.

Я распределил свое подразделение по окопам внутри крепости, заняв входы. Мы зарядили два наших пулемета. Потом собрали патроны и заряды РПГ и роздали их бойцам. Каждый из нас наполнил магазины своего автомата патронами. Мы стали осторожно наблюдать за противником из бойниц в стенах крепости, хотя густой дым, поднимавшийся отовсюду, мешал нам смотреть.

Через несколько часов воздушные атаки прекратились. Рвались только артиллерийские снаряды, падая, словно капли весеннего дождя. Потом и это прекратилось. Мы услышали автоматные и пулеметные очереди, доносившиеся до нас, как казалось, издалека. В половине пятого, когда мы занимались всем этим, вдруг появился боец подразделения, защищавшего главные ворота стен крепости. Он был бледен, с потрескавшимися губами. В его автомате не было патронов. Боец сам не понимал, как ему удалось спастись — ведь все его товарищи погибли. Он начал рассказывать:

— Израильтяне высадили десант в двух-трех километрах от крепости, который стал двигаться по нескольким направлениям и осадил крепость. Мы хорошо окопались. Нас было восемь человек. Вчера двое были ранены, а трое убиты. Когда танки подошли к нашей позиции, мы подбили пять и взорвали два бронетранспортера. Врагов было слишком много, чтобы их всех уничтожить. Вскоре мы вступили с ними в рукопашный бой. Думаю, что все мои товарищи погибли. Свинец лился со всех сторон. Когда у меня кончились патроны, я спрятался за скалу, я видел, что на поле боя остались лежать десятки трупов...

Не успел боец закончить свой рассказ, а мы — задать ему вопросы, как откуда-то сверху засвистели пули, со всех сторон раздались орудийные выстрелы и пулеметные очереди. И тут мы поняли, что окружены и что настоящий бой для нашего подразделения начнется только сейчас. Мы стали яростно отвечать на огонь сионистских солдат. Перестрелка продолжалась более часа. Наконец противник прекратил огонь, возможно, для того, чтобы перегруппировать силы и оказать помощь раненым.

Когда стемнело, подошли уцелевшие товарищи из окопов, окружавших стены крепости. Думаю, что их было не более семи. Ночью мы ожидали яростной атаки на главную башню крепости. Решили сделать вылазку, прежде чем израильтяне получат подкрепление. Перед вылазкой надо было пополнить запасы патронов, потому что они почти что иссякли. Склад боеприпасов находился на втором этаже, который хорошо простреливался израильскими солдатами.

Паренек по имени Рами вызвался принести боеприпасы. Нам не хотелось отпускать его на верную смерть, но что делать — мы все шли этой дорогой.

— Будь осторожен, чтобы они тебя не увидели,— сказал я ему, будучи уверен в том, что он погибнет от первого же снайперского выстрела.

Мальчик ответил, смеясь:

— Я маленький — спрячусь.

Он побежал. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся среди развалин. Внутренний голос подсказывал мне, что я вижу его в последний раз.

Все затихло. Скорее всего, израильские войска перегруппировались или ожидали подкреплений.

Через десять минут вернулся Рами, неся несколько зарядов РПГ. Он положил их перед нами и двинулся за новыми боеприпасами, сказав:

— Я принесу все патроны.

Другой мальчишка хотел было пойти вместе с ним, но я не пустил его. Рами снова вернулся с двумя ящиками автоматных патронов и несколькими зарядами для РПГ.

— Довольно, Рами,— сказал я ему.

Он удивленно посмотрел мне в лицо, словно сомневаясь в правильности значения моих слов.

— Товарищ, там лежит огромное количество боеприпасов. Как твое сердце позволяет тебе оставить их?

Он повернулся к остальным бойцам и сказал:

— Я их видел. Они захватили и ту сторону стены (Рами показал рукой на восток). Я видел, как они шевелятся за стенами. Недалеко отсюда стоят два вертолета. Мне очень хотелось их обстрелять. Тогда я наверняка убил бы нескольких солдат, но я побоялся, что обнаружится наш замысел.

Один из бойцов сказал:

— Ты хочешь пойти еще раз?

И добавил, обратясь ко мне:

— Не разрешай ему!

Я стал убеждать Рами в том, чтобы он больше не ходил за боеприпасами. Другие поддерживали меня. Однако Рами не послушался. Он вылетел из наших рук, как маленькая птичка. Через пять минут мы услышали автоматную очередь. Затем послышался взрыв снаряда и снова очереди. Голоса Рами слышно не было. Я вышел на первый этаж и спрятался за бруствером. Огонь по крепости усилился. Я проклинал себя за то, что не запретил пареньку идти за боеприпасами. Продолжая сидеть за бруствером, горячий от волнения, как уголь, я держался за сердце, так как боялся, что мои товарищи не сумеют сдержаться и ответят на огонь неприятеля.

Прошло еще несколько минут, в течение которых рвались снаряды и раздавались новые

ВЫСТОИМ!
ВЫСТОИМ!
ВЫСТОИМ!

очереди. Я подумал: «Эти сволочи заметили Рами и убили его...» Потом я вернулся в подвал.

— Надо же, какой упрямец. Он никогда не слушается приказов.

Не успел паренек договорить, как из крепости по израильтянам раздался выстрел из РПГ, потом послышались взрывы и автоматные очереди. В восточной части крепости разгорелось жаркое сражение. Мы осторожно рассредоточились по позициям. Через несколько минут все закончилось. Рами не вернулся.

Луна исчезла, утонув далеко в водах моря. Мы вышли из крепости. Была полночь. Нас было шестеро. Мы располагали шестью автоматами с хорошим запасом патронов, тремя РПГ с тринадцатью зарядами и двадцатью ручными гранатами. Один из мальчишек нес начиненный динамитом пояс. Мы подкрались с южной стороны крепости к ближайшей вражеской позиции, которая, как мы предполагали, была одной из самых больших. Она была расположена у главных ворот. Мы задумали уничтожить позицию и вернуться в крепость. Однако, рассмотрев все как следует, мы поняли, что следующая израильская позиция расположена очень далеко и что мы можем пробраться к ним в тыл между позициями и застигнуть их врасплох. Все было спокойно. Мы собирались захватить в плен часовых, а затем уничтожить саму позицию. Действительно, мы сумели довольно просто зайти противнику в тыл.

Я оставил четверых бойцов в некотором отдалении, взял с собой пятого, и мы поползли, чтобы все разведать. Мы увидели танковый батальон, две батареи тяжелой артиллерии, батарею легких пушек и несколько бронетранспортеров. У двух маленьких палаток, разбитых метрах в трех от стен крепости, громко беседовали двое часовых. Мы разбились на три группы по двое. Я отказался от мысли захватить часовых, опасаясь того, что в случае неудачи поднимется шум, и тогда операция провалится, так как часовые находились очень близко от палаток. Мы подползли к вражеской позиции на расстояние пятидесяти метров, расположившись полукругом. Я распределил задачи:

— Я и двое других гранатометчиков обстреляют одну из батарей тяжелой и батарею легкой артиллерии и бронетранспортеры. Одновременно трое автоматчиков откроют огонь по часовым и палаткам. Сразу после этого мы вместе забросаем противника ручными гранатами. А я еще раз произведу выстрел из гранатомета по другой батарее тяжелой артиллерии. После этого мы отойдем под прикрытием автоматного огня. Очень осторожно, сдерживая дыхание, мы подползли еще на несколько метров. Часовые были увлечены беседой. Из палаток тоже доносились голоса. Я напряг слух, стараясь понять что-нибудь. Я испытывал странные чувства, снова слыша речь на иврите, который меня заставляли изучать в школе. Но разобрать ничего не сумел. Однако можно было с уверенностью сказать, судя по интонациям, что наши враги испытывали радость. Возможно, они праздновали свои победы, гордясь тем, что окружили крепость. Может быть, они думали, что мы поднимем белый флаг. Когда меня охватили все эти чувства, я стал ненавидеть их еще сильнее, возникло желание уничтожить их. Я тщательно прицелился в неприятельскую артиллерийскую батарею. Потом подобрал с земли камешки и стал бросать их, как было условлено — один, два. Когда на землю упал третий камешек, раздались три выстрела из гранатометов. Когда я производил второй выстрел, на палатки полетели ручные гранаты. Послышались крики, но ни одного ответного выстрела не последовало.

Потом мы еще раз осыпали противника дождем автоматных очередей, пересекли неприятельскую позицию, намереваясь вернуться в крепость с другой стороны, как и предполагали. Однако другая израильская позиция, о которой мы ничего не знали, преградила нам дорогу густым огнем, и мы вынуждены были отойти старой дорогой. Один из бойцов зашел в глубь расположения противника на несколько десятков метров и дал несколько очередей из автомата по другой позиции неприятеля, чтобы сбить его с толку относительно направления нашего движения. Потом боец снова присоединился к нам.

Израильтяне были введены в заблуждение и начали стрелять друг в друга. Снаряды посыпались на ту позицию, которую мы только что обстреляли. Оставшиеся там в живых солдаты были убиты.

Огонь был открыт и по соседней позиции, на которую мы напали с самого начала, а также по третьей позиции, что находилась в тылу. Противник думал, что атаковавшая его партизанская группа появилась извне, а не из крепости.

Пока все это происходило, мы успели пройти значительное расстояние. В этот момент в небо взвились осветительные ракеты, и мы были обнаружены. Теперь нам предстояло решить сложную задачу: сковать противника, маскироваться и в то же время отступать. Мы рассредоточились, отступая, а неприятель открыл по нас яростный огонь. Все вокруг пылало, отходить было трудно. Нам стало ясно, что бойцы, оставшиеся в крепости, тоже отвечали на огонь противника, стараясь нам помочь. У нас почти кончились боеприпасы. Было очень трудно противостоять такому плотному огню. Мы сражались уже более часа, но не было никакой возможности отступить. Однако до крепости оставалось всего несколько метров. Тут появилось двое товарищей из крепости. Они прикрыли нас огнем, проложив дорогу к отступлению. Один из них крикнул:

— Скорее! Входите!

Он открыл частый огонь, ругаясь и двигаясь вперед. Только часа через три мы сумели пробраться в крепость. Там шел яростный бой. Два вражеских бронированных вертолета прочесывали наши позиции. Наступление началось раньше назначенного времени. На нашей позиции я обнаружил только пятерых бойцов. Трое из них были совсем еще мальчишки. Остальные вели бой на других участках. Увидев, что обстановка обострилась и к лучшему не изменится, пока мы все не погибнем, я решил сохранить жизнь молодым ребятам. Предложил им выйти из крепости по одному из подземных ходов, говоря, что они очень нужны будущему, так как впереди грядут другие, более важные сражения. Но ребята не захотели уходить, выразив желание непременно отогнать врагов от крепости.

Один из них сказал мне:

— Товарищ, ты сражаешься не лучше нас.

Я замолчал и отказался от этой мысли.

Перевел с арабского Д. МИКУЛЬСКИЙ.

Окончание следует.

Николай **ДОЛГОПОЛОВ**

Рекорды дряхлеют. А люди, их создавшие? Почему они должны терять свой прежний блеск, свою притягательность? Только потому, что кто-то из тех, кто пришел им на смену, стал сильнее? Нет, рекордсмены прошлых лет не уходят просто так, бесследно. И в этом мне удалось еще раз убедиться, побывав с Олегом Георгиевичем Гончаренко в Норвегии на знаменитом стадионе «Бишлет».

Кто из скороходов не знает этот стадион, расположенный в центре Осло! Он как шлагбаум на дороге к победе. Ни один из знаменитых не миновал его ледяного круга. Последним из советских конькобежцев прогремел здесь в 1956 году Олег Гончаренко, став абсолютным чемпионом мира. Теперь Олег Георгиевич больше не выступает, но на соревнования по-прежнему ездит как член Технического комитета Международного союза конькобежцев (ИСУ). Довелось мне с ним побывать на знаменитом «Бишлете» и в 1981 году.

Сейчас каток переживает не очень веселые времена. Затмевает его другой стадион Осло — «Валле Ховен». Молодой соперник «Бишлета» нашпигован новейшей техникой и вот-вот оттеснит ветерана на второй план. Но пока старый стадион держит свою марку, холит свой знаменитый лед и допускает участников мирового чемпионата на свою дорожку только за день до старта.

Сперва мне показалось, что «Бишлет» мог бы быть погостеприимнее. Но Гончаренко объяснил, в чем тут дело.

— Не пускают на лед? — переспросил он.— Это хорошо, что не пускают. Пусть потренируются на искусственных дорожках. Этот же лед не имеет себе равного. Знаешь, как над ним банмейстеры потрудились!

Олега Гончаренко помнят в Осло не только банмейстеры с «Бишлета», но и многолетний мэр норвежской столицы Альберт Норденген. Я был свидетелем их встречи на приеме по случаю открытия чемпионата и слышал, как он провозгласил тост за почетного гражданина Осло — Олега Гончаренко. А на следующий день я убедился, что нашего чемпиона хорошо знают и норвежские болельщики. Когда диктор стадиона, как прилежный ученик, залпом отбарабанил все титулы Гончаренко, особенно налегая на те, что были приобретены в Норвегии, «Бишлет» ответил дружелюбным ревом. Одного за другим называл диктор почетных зрителей, а в прошлом знаменитых чемпионов — Дага Форнеса, Пьера-Ивара Му, Фреда-Антона Майера, Стена Стенсена, Кейеса Феркерка, Терри Макдермота, Ялмара Андерсена,— и в этом ряду прозвучало и имя Олега Гончаренко. Все они прошли через «Бишлет» и теперь, уже сдав свои полномочия молодежи, стояли, отвечая поклонами на приветствия зрителей, а я вспоминал, как накануне открытия Гончаренко, надев коньки, отмерял круг за кругом. Низкая посадка, мощный толчок, ритмичная скорость — все было, как раньше, когда он боролся с самим Андерсеном. Теперь они оба стояли рядом на трибуне для почетных гостей, а потом отправились к конькобежной бирже, как именуется пятачок, находящийся в том месте, где конькобежцы меняются дорожками.

Пощелкивая секундомерами, мгновенно перекраивая составленные ночью графики забегов, перекрикивая болельщиков, ведут тренеры своих подопечных по дистанции. Бесспорным чемпионом биржи считают здесь нашего Юрия Чистякова, его шаляпинский голос невозможно не услышать и на противоположной трибуне.

Впавшие щеки конькобежцев. Черные мешки под глазами тренеров — неразлучные приметы крупных конькобежных соревнований. В раздевалке под трибуной «Бишлета» тихо. Наша комната всегда вторая направо, если стоять спиной к дорожке. И соседи все те же — молчаливые шведы, которых тешит и бодрит тренер — весельчак Феркерк. Сколько поколений советских спортсменов прошло через эту скромную раздевалку! Люди менялись, комната, убранная в чисто спартанском стиле, оставалась все той же. Гончаренко даже нашел ветхий матрас с двумя буквами — интернациональным «О» и далеко не латинским «Г». Кто бы это написал, а, Олег Георгиевич? Раздевалка насквозь пропахла запахом терпкой растирки, которую, высунув язык, втирает в крепкие молодые тела массажист, не чувствуется только запаха лавра. Давно его сюда не приносили! Последний раз венок притащил Гончаренко в 1956 году.

Олег Георгиевич примостился на краешке скамейки: попробуй простоять целый день на переходе,— греется. Или всматривается в ребят? Кому по силам тяжелая ноша из лавров? Сереже Березину? Завернувшись в серое солдатское одеяло, он чуть посвистывает во сне. До забега на 5 километров еще полчаса. Молодец, нервы в порядке. Или Диме Бочкареву? Огонь парень. Расхаживает босиком по раздевалке, что-то шепчет, шепчет...

Здесь нет вещей неважных и незначащих. И Гончаренко спокойным, немного певучим голосом — не зря вырос в Харькове — говорит ребятам добрые, неслащавые слова, которые, может быть, пригодятся, когда выйдут они на норвежский лед.

За не слишком короткий срок нашего знакомства лишь раз видел его разъяренным. Наш парень чудом попал в число шестнадцати, но десять километров не бежал — катил, как на прогулке: какая разница — пятнадцатое место или тринадцатое? Я не подозревал, что Олег Георгиевич воспримет так болезненно эту капитуляцию. Он разнес конькобежца в пух и прах. Зачем тратить государственные деньги и возить на чемпионат слабаков? Пусть катается дома, на Пионерских прудах. Вся сборная изумленно раскрыла рты. От выдержанного и корректного Гончаренко подобного не ожидали. Он ушел, напоследок хлестко хлопнув дверью, а парень нелепо оправдывался, извинялся, лепетал: «Я больше никогда не буду».

Мне нравится в раздевалке конькобежцев. Неважно, где она,— на «Бишлете» или на Медео... Атмосфера тут ровная и достойная. Выходящие из двери с табличкой «СССР» пока не чемпионы. Они на подступах к пьедесталу, в двадцатке лучших мира — это уж как минимум. Никогда не замечал и намека на зазнайство, пренебрежение к соперникам и болельщикам. Любители автографов, караулящие у выхода, щедро одариваются угловатыми, на весу сделанными мальчишескими росписями. Нечего переживать и за журналистов. Они наверняка получат вежливые ответы на свои не всегда тактичные вопросы. Судьям не надо беспокоиться: конькобежцы к старту не опаздывают. Точно так же вели себя их великие предшественники — Косичкин, Шилков, Гончаренко... Прекрасные традиции прочно помнятся и неукоснительно поддерживаются. Спасибо тренерам.

Наших спортсменов в Норвегии помнят, любят и уважают. Давно не появляются на льду «Бишлета» Гришин, Гончаренко, Кудрявцев, а выйдут они на улицу, и сразу же вокруг собирается стайка любителей автографов.

И вот новая встреча с трехкратным чемпионом мира. На этот раз в Москве, в Центральном совете спортобщества «Динамо», где подполковник Гончаренко трудится в отделе зимних видов спорта. Два года назад Олег Георгиевич отпраздновал первый из серии юбилеев — пятидесятилетний. Зато другой юбилей приятным не назовешь. В 1982-м исполнилось 20 лет с тех теперь уже далеких пор, когда друг и соратник Гончаренко по сборной и «Динамо» Виктор Косичкин завоевал на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках титул чемпиона мира. И точка — больше лавровый венок ни одному советскому конькобежцу не доставался. Что это: просчеты в подготовке? Или, может, невезение?

— И то и другое,— вздыхает Гончаренко.— Мы постоянно догоняем скоростной конькобежный экспресс. Кажется, вот-вот нагоним, впрыгнем на ходу в самый престижный первый вагон, но поезд мчит без остановок. Раз отстал — догнать трудно. А началось отставание ещё в мои времена. В шестидесятых за рубежом появились первые катки с искусственным льдом. Мы же об их строительстве и не помышляли. Гонялись за морозом по всей стране. Искали хороший лед за тысячи километров от дома — в Свердловске, Иркутске... Незаметно пропустили еще один важный момент: спортсмены ведущих конькобежных держав резко увеличили объем тренировочных нагрузок. Наши тренировались по старинке. Наконец поняли, в чем просчет, и принялись прибавлять. Однако выяснилось очевидное: и соперники на месте не стоят. Поверьте, я не фаталист и в везение и в невезение не верю. Но были, абсолютно точно были у советских многоборцев отличные шансы совершить круг почета с лавровым чемпионским венком, но падали на жесткий лед Матусевич, Каплан, Антсон, и шансы так и оставались шансами.

— Олег Георгиевич, а по-моему, есть у неудач объяснение иное. Популярность коньков почему-то упала. Способные ребята предпочитают хоккей, фигурное катание. Да и открытых катков пока, если не ошибаюсь, что-то не прибавляется.

— Согласен, хотя и не совсем. Все в этой жизни взаимосвязано. Давайте-ка взглянем на проблему — а это действительно проблема — с другой точки зрения. Конечно, хоккей с фигурным катанием более эмоциональны и поэтому притягивают молодежь посильнее коньков. А я считаю, главная вина за падение популярности скоростного бега на нас, конькобежцах. Публику, болельщиков и, следовательно, потенциальных будущих чемпионов привлекают яркие звезды, громкие имена. Ничем этим в последние годы наши ребята похвастаться не могли. В итоге относительно слабые выступления на мировых и европейских первенствах привели и к некоторому снижению массовости.

Недавно пригласили меня в гости рабочие свердловского завода. Держу речь перед переполненным залом, а мне вопрос: почему дети неохотно занимаются коньками? И спросил я слушателей: кто из вас отвел сыновей в хоккейную школу? Лес рук. А на каток? Молчание. Не интересуются коньками родители, значит, не займутся этим видом спорта и дети.

— Сейчас в Москве и Ленинграде сеансы массового катания проводятся, спасибо крытым комплексам, даже летом. Хочется верить, что вместе с папами и мамами на лед выйдут и способные ребятишки, которых приметят тренеры.

— Я очень на это надеюсь. Вообще, мне кажется, крытые катки должны здорово помочь и начинающим и опытным скороходам. Теперь почти все члены сборной тренируются летом на закрытых конькобежных дорожках. Набирают высокую скорость уже к первым стартам на зимнем льду, отрабатывают технику. Для нас это великолепный подарок.

— А я слышал, некоторые тренеры восприняли такую возможность без всяких восторгов. Го-

С ГОНЧАРЕНКО

О. Гончаренко. Фото А. Бочинина.

Вице-чемпион мира Дмитрий Бочкарев.

НА ЛЬДУ

ворят, конькобежцам лед быстро надоедает.

— Как может надоесть конькобежцу лед? Представьте классного пловца, тренирующегося только в зале. Или велосипедиста, занимающегося лишь перетаскиванием тяжелой штанги. Я за обязательную общефизическую подготовку. Но мастерство в том виде, который считаешь для себя любимым, коронным, надо развивать, занимаясь именно этим видом. Остальное — важное и все же вспомогательное средство. Посмотрите на ленинградца Дмитрия Бочкарева. Он все лето тренировался на искусственном льду — и как лихо начал сезон. На матче ГДР—СССР в Карл-Маркс-Штадте превысил равнинный рекорд страны на дистанции 3 тысячи метров, который держался четыре долгих года, и установил всесоюзное достижение в сумме малого многоборья.

— Я, Олег Георгиевич, в отличие от вас несколько фаталист. Боюсь сглазить. И все-таки скажу: у настойчивого ленинградца есть надежда выиграть мировое первенство. В 1981 году он был на чемпионате мира четвертым, в 82-м — вторым. И если так пойдет и дальше...

— Верю в Бочкарева и я. После долгих лет исканий, неудач, осечек появился конькобежец нового склада. Пожалуй, до Бочкарева таких великолепных многоборцев у нас в стране я не видел. Все четыре дистанции бежит ровно, темп чувствует исключительно, движения и ритмичны и техничны. Меньше всего Дмитрий напоминает закрепощенного и запрограммированного на определенный результат послушного конькобежца-робота. На соревнованиях проходит дистанции с подъемом, с настроением. Парень он по-спортивному злой, честолюбивый. На тренировках радует своего тренера Юрия Чистякова фантастической трудоспособностью. Я бы назвал Диму аскетом. Но аскетом в хорошем смысле слова. Режим он соблюдает неукоснительно. Помню, в прошлом году поверг в изумление устроителей приема в честь победителей мирового первенства — вежливо, однако непреклонно отказался и от традиционного бокала шампанского. Сказал, что подобная роскошь позволительна только чемпиону мира, но никак не серебряному призеру. Не собираюсь казаться ни сверхоптимистом, ни любителем победных прогнозов. Выскажу свое личное мнение. В сезоне-83 мы как никогда близки к тому, чтобы увидеть нашего, советского мирового чемпиона.

— Как вы думаете, кому из партнеров удастся поддержать Бочкарева?

— Нравится мне Сергей Березин. На мировом первенстве в Осло в 1981 году он выиграл дистанцию 10 тысяч метров. Хорош Сережа и на пятикилометровке. Правда, короткие дистанции воспитаннику тренера Бориса Васильковского удаются похуже. В прошлом году тренер с учеником отважились на эксперимент. За несколько лет выступлений и во взрослых и в юниорских состязаниях Березин устал. Прошлый сезон он фактически пропустил. Откатался — и успешно — лишь на одном финальном турнире — зимней Спартакиады народов СССР. Летом на закрытых конькобежных дорожках спортсмен практически не тренировался. Занимался общефизической подготовкой, бегал кроссы. Что ж, каждый волен идти собственным путем. Лишь бы путь был победным. Удастся ли эксперимент? Ответ в этом году должен дать сам Березин.

Прошлая зима преподнесла сразу несколько приятных сюрпризов. Абсолютным чемпионом страны стал 22-летний Александр Рачев из Смоленска. Совсем молод — ему всего-то 20 — алмаатинец Виктор Шашерин, а на первенстве мира не оробел, был седьмым — для дебюта совсем неплохо. На удивление ровный, уравновешенный, стабильный парень. Если будет улучшать результаты так же стремительно, как и сейчас, появится у Димы Бочкарева достойнейший соперник. Молод и москвич Сергей Прибытков. Но за юными плечами большой опыт — стартовал на множестве крупнейших мировых турниров. Для конькобежца это тоже важно.

— Вам как члену Технического комитета Международного союза конькобежцев, наверно, известно расписание главных стартов конькобежного года?

— Если речь идет о турнирах мужчин-многоборцев, помню их наизусть. Записывайте: чемпионат Европы по классическому многоборью примет голландский город Гаага 29—30 января. Из 76 мировых первенств 21 проходило в Осло. 12—13 февраля лучших конькобежцев мира снова примет добрый знакомый «Бишлет». Как же хочется, чтобы 22-й чемпионат в норвежской столице был для наших ребят победным!

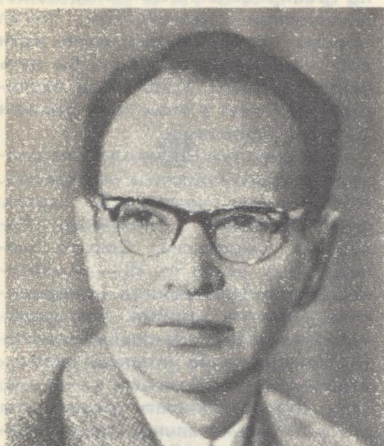
— Не кажется ли вам, Олег Георгиевич, что в последние годы конкуренция за места на мировом пьедестале чуть ослабла? Ведь со льда сразу и не сговариваясь ушла целая плеяда известных, считавшихся непобедимыми,— американец Эрик Хайден, голландец Пит Клейне, тройка норвежцев — Амунд Шебренд, Кай-Арне Стенсхеммет, Ян-Эгил Стурхолт.

— А сколько пришло новичков, которые, даже судя по одним только результатам, побыстрее ветеранов? Возьмите хотя бы 24-летнего голландца Хильберта ван дер Дюйма. В 1980-м он обыграл на мировом первенстве самого Хайдена. В прошлом году завоевал большую золотую медаль во второй раз. Почти уверен, что Дюйм мечтает о хет-трике. Не скудеют талантами и норвежские коньки. Признаться, я, как и вы, предполагал, что после ухода знаменитой троицы в сборной Норвегии наступит некоторое затишье. Потребуется какое-то время, чтобы найти замену лидерам восстановить силы. Как бы не так! Уже в прошлом сезоне на конькобежной орбите появился—да что там появился — вылетел с космической скоростью юный Рольф Фалк-Ларсен. Стал бронзовым призером мирового первенства и, не слишком стесняясь, заявил на пресс-конференции, что в будущем году собирается замахнуться на гораздо большее. Или возьмите шведа Томаса Густавссона. Абсолютный чемпион Европы-82 честолюбивых планов не скрывает.

— Олег Георгиевич, что бы вы, трехкратный чемпион мира, пожелали нашим ребятам накануне старта?

— Дерзости и веры в себя.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАТАНА РЫБАКА

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

В романе Натана Рыбака «Пора надежд и свершений» крупный американский физик, один из создателей заокеанской термоядерной бомбы, произносит кощунственные в своей жестокости слова: «Мне безразлично, что говорят в обществе, меня интересует лишь одно — правильное решение задачи, а как оно повлияет на людей, это меня не интересует». Автор написал это два десятилетия назад. Он не дожил до циничных заявлений нового ядерного идола, «отца нейтронной бомбы» Сэмюэла Коэна, который, улыбаясь и позируя перед фотокамерой, равнодушно говорит о гибели европейцев: «На войне это неизбежно». Но можно с уверенностью сказать, что, выступая против «людоедов от науки», писатель сегодня воюет и с ним. Потому что, как гласит афоризм, «жизнь коротка, искусство вечно», со смертью писателя честные и гуманные идеи не уходят из жизни. Идеи остаются.

В эти дни Натану Рыбаку исполнилось бы семьдесят лет. Его биография типична для его поколения. Родившись в черкасском селе Ивановке, он юношей приехал в Киев и поступил учиться в химико-технологический институт. Тогда же увлекся литературой, писал стихи, рассказы. В 1934 году вышел роман «Пушки жерлами на восток», в 1936-м — «Киев», в 1937 — 1938-м написан «Днепр» — о борьбе за победу революции на Украине. Но подлинно широкую известность (и не только у нас в стране, но и за рубежом, в частности во Франции) принес Натану Рыбаку исторический роман «Ошибка Оноре де Бальзака». Почему молодой украинский писатель, захваченный проблемами индустриализации страны, недавнего революционного прошлого Украины, обратился к истории запоздалого брака знаменитого французского писателя и польской графини, свершившегося к тому же в середине прошлого века в Бердичеве? Ответ на этот вопрос дает академик А. И. Белецкий в своей статье о романе: «Души разных народов во многом, и самом главном, близки друг другу». В этой фразе сконцентрированы идеи многих произведений Н. Рыбака. В его рассказах покачивается в седле Домбровский, Эжен Потье сочиняет для коммунаров «Интернационал», Анри Бейль подписывает в комнатке отеля «Фавар» обязательство перед итальянскими «угольщиками», говорит на дорогах с людьми Шандор Петефи... Души народов близки друг другу! Как же было не написать о чувствах и заблуждениях Бальзака, столкнувшегося в конце жизни с крепостнической действительностью Российской империи? Роман удался, он был переведен на иностранные языки, впоследствии экранизирован.

А автор ушел защищать свою страну и свои убеждения. Натан Рыбак прошел войну военным корреспондентом, видел кровь и смерть, может быть, потому он много лет затем отдал работе в республиканском Комитете защиты мира и с такой убедительностью отстаивал свои взгляды на международных конференциях, форумах, встречах.

Не прекращалась и его литературная деятельность, не иссякал его интерес к народной истории. За многоплановый роман «Переяславская Рада», повествующий об истории воссоединения Украины с Россией, писатель получил Государственную премию СССР.

И все же в последние годы существом его жизни была современность, та «битва за жизнь», как называл ее Жолио-Кюри, которая не прекращается на нашей планете и посейчас. Характерно, что за роман «Пора надежд и свершений», рассказывающий об остром противоборстве в стане науки, Советский комитет защиты мира наградил автора почетной золотой медалью «Борец за мир».

Творчество Натана Рыбака необыкновенно темпераментно, страстно, публицистично. Ему присущи красочность и романтичность, которые являются драгоценным наследием украинской классической литературы.

Однажды в статье о творчестве Ивана Франко Натан Рыбак со страстью говорил о славе художника, чье «многообразное и волнующее творчество служит человечеству в справедливой борьбе за лучшее будущее, в борьбе с темными силами произвола, в борьбе за мир». Для него это не были общие высокие слова, он посвятил этому свою жизнь.

С. ОРЛОВА

МОДЫ ИЗ ПАРИЖА

Французская мода всегда пользовалась особой популярностью. Поэтому так понятен был интерес москвичей к приезду в столицу гостей из Парижа — известной французской фирмы Нины Риччи.

Ее история началась в 30-е годы. Сначала фирма занималась только моделированием одежды, но позже у нее появилось еще одно направление — парфюмерия. Были выпущены духи «Радость жизни», затем «Дочь Евы» и позже «Дух времени» — очень популярные во Франции и на мировом рынке.

На пресс-конференции для московских журналистов, состоявшейся в Международном центре торговли на Краснопресненской набережной, генеральный директор фирмы Жюль Фукс сообщил:

— Наш приезд в Москву совпал с 50-летием фирмы Нины Риччи. Мы уже побывали во многих странах Европы, Японии с юбилейным показом нашей новой коллекции одежды. Цель нашего приезда в Москву — расширение деловых контактов со специалистами Союзпарфюмерпрома и представителями советских внешнеторговых организаций, которые уже существуют и успешно развиваются.

Отвечая на вопросы журналистов, Жюль Фукс сказал:

— Мы уже давно интересуемся развитием парфюмерной промышленности в СССР. В прошлом году мы побывали на заводах в Риге, Ереване, Москве. Надо сказать, что последние годы советские духи становятся тоньше, легче.

Затем состоялся показ моделей одежды. Элегантные французские манекенщицы продемонстрировали новую коллекцию одежды «Весна — лето 1983 года». Спортивная, деловая одежда, очаровательные шелковые удлиненные юбки пастельных тонов с блузами, отделанными лентами, кружевом, символизирующие романтический стиль, яркие вечерние туалеты, классические костюмы в черно-белых тонах с блузонами в горошек и в клетку, плиссированные юбки, достигающие лодыжек, и еще огромное количество интересных туалетов вызвали восхищение не только у специалистов, присутствовавших на показе, но и у всех зрителей.

Коллекция, привезенная в Москву фирмой Нины Риччи, по-своему уникальна. Здесь прослеживается способность ее художников-модельеров предвосхищать будущее, глубоко чувствовать эстетические запросы современности и понимать перспективы их развития.

В. МОРОЗОВА

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

В конце декабря 1982 года редакцию журнала «Огонек» посетил пресс-атташе и первый секретарь посольства Австрийской Республики в СССР г-н Мартин Сайдик. Гость ознакомился со структурой редакции, работой ее отделов.

Леонид ФРАНЦУЗОВ

НОВОГОДНЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Чтобы не тратить время зря
На грубость, ссоры, крики,
Давайте делать с января
Гимнастику улыбки!

Ее вы делайте с утра,
И взрослые, и дети,
И тот, кто крепок, как гора,
И тот, кто на диете.

Ее, прошу иметь в виду,
Полезней не найдете.
Улыбкой пользуйтесь в быту,
В пути и на работе.

Вся суть гимнастики проста:
Добрей на мир взгляните
И губы, губки и уста
В улыбку растяните.

О, как идет улыбка вам!
Она к лицу, и очень,
Тому, кто нач, кто пом, кто зам,
Артист или рабочий.

Но если встретитесь со злом,
Серьезней быть старайтесь,
Зло победите, а потом,
Как прежде, улыбайтесь!

Чтоб не транжирить время зря,
Чтоб избежать ошибок,
Давайте делать с января
Гимнастику улыбок!

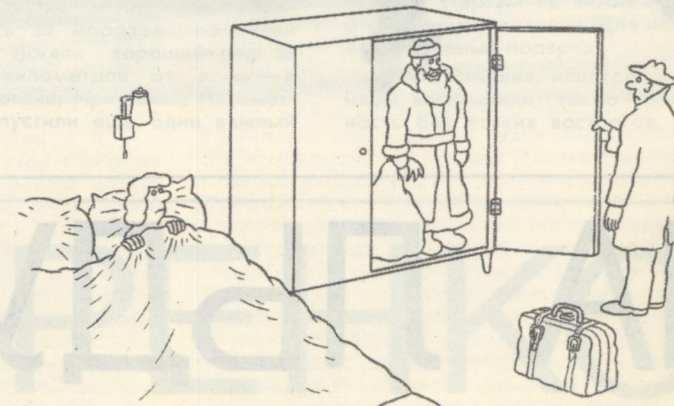

Рис. А. Дмитриева

КРОССВОРД

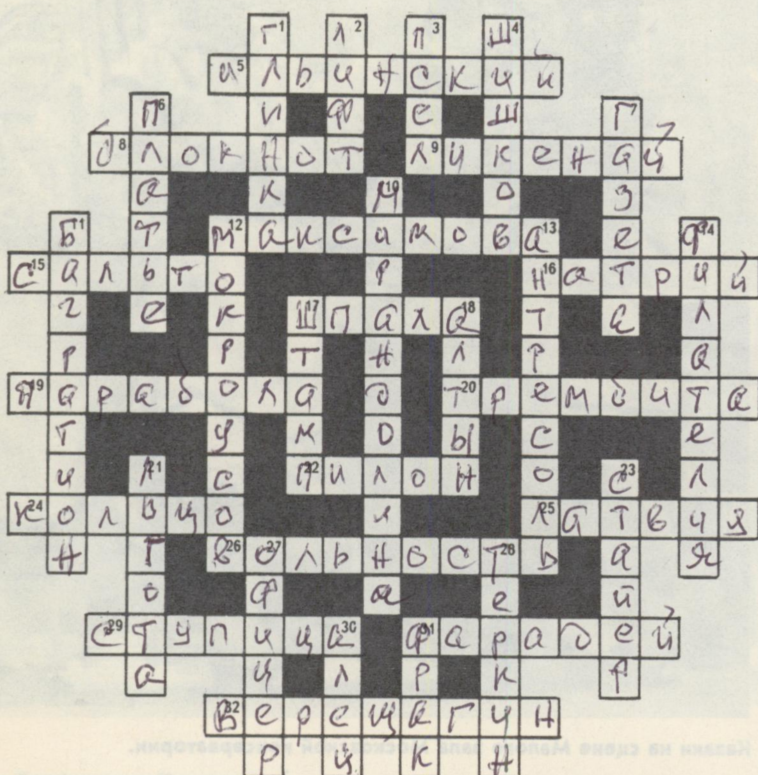
По горизонтали: 5. Народный артист СССР, сыгравший главную роль в фильме «Карнавальная ночь». 8. Записная книжка. 9. Курорт в Литве. 12. Балерина, народная артистка СССР. 15. Прыжок с переворотом в воздухе. 16. Химический элемент, металл. 17. Опора для рельсов. 19. Плоская кривая линия. 20. Украинский духовой инструмент. 22. Массивный столб, опора. 24. Ювелирное изделие. 25. Союзная советская республика. 26. Ода А. С. Пушкина. 29. Центральная часть колеса, маховика. 31. Английский физик XIX века. 32. Русский живописец, баталист.

По вертикали: 1. Композитор, основоположник русской классической музыки. 2. Стационарный подъемник. 3. Приток Днепра. 4. Русский писатель, автор романов о Сибири. 6. Женская одежда. 7. Ежедневное периодическое издание. 10. Балет С. Н. Василенко. 11. Полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 12. Советский композитор. 13. Настил под потолком для хранения вещей. 14. Коллекционирование знаков почтовой оплаты. 17. Инструмент для изготовления изделий давлением. 18. Старинная русская монета. 21. Предоставление определенных преимуществ. 23. Спортсмен, бегун на длинные дистанции. 27. Военнослужащий командного состава. 28. Герой поэмы А. Т. Твардовского. 30. Приток Оби. 31. Мужской парадный вечерний костюм.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Бианки. 6. «Алмаст». 8. Мадригал. 9. Карнавал. 12. Сабадель. 13. Головко. 15. «Спутник». 17. Дивертисмент. 18. «Патетическая». 23. Картули. 25. Канопус. 26. Глиптика. 27. Униформа. 28. Спринтер. 29. Рококо. 30. Лебедь.

По вертикали: 1. Лабрадор. 2. Пикассо. 3. Касальс. 4. Параметр. 5. Биатлон. 7. Транзит. 10. Обсерватория. 11. Велосипедкин. 14. Кристалл. 16. Панорама. 19. Партнер. 20. Строфика. 21. Козинцев. 22. Румпель. 24. Игумнов. 25. Кампала.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Детский праздник * Выступает Зоя Бадо. (См. в номере материал «Жил-был стриж...») Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели из коллекции французской фирмы Нины Риччи. (См. в номере материал «Моды из Парижа».) Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

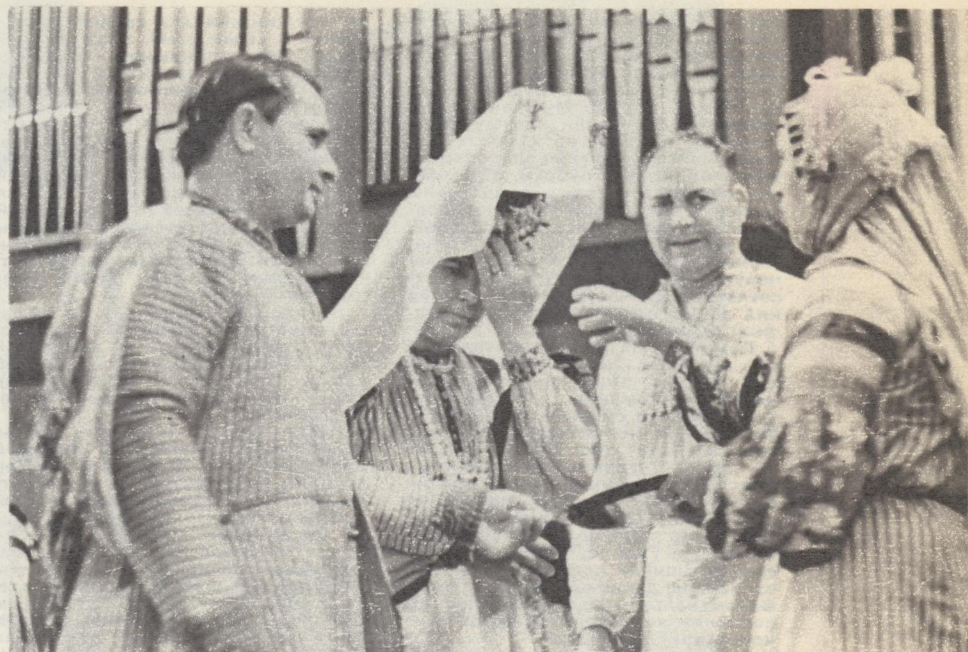
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212 20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 20.12.82. Подписано к печати 04.01.83. А 00451. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 331. Заказ № 3530.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Свадьба по-некрасовски.

НЕКРАСОВСКИЕ КОНЦЕРТЫ

Г. РОЗОВ

Фото автора

...Он играл младе́с
Все буру-мурзу.
Первую песенку
Про отца, про ма́терю.
Вторую песенку
Про свою житью-бытью
Долюшку солдацкую.
Третью песенку
Про красную девку.
Красна девочка полоненая.
Понакрыта она по-турецкому,
Скашет-пляшет она по-немецкому.

Эта русская песня звучит странно. Почему молодец играл «буру-мурзу»? Почему «красная девочка» повязана платком по-турецки, а скачет-пляшет по-немецки? На эти «почему» даже сами казаки-некрасовцы ответить точно не могут. «Так поется»,— говорят. Впрочем, первая загадка решается просто. Казаки-некрасовцы прожили у турок двести пятьдесят четыре года. Седьмого июля 1708 года заговорщики окружили дом в Черкасске, в котором жил атаман «всевеликого Войска Донского» Кондратий Булавин — вождь одного из самых крупных в русской истории крестьянских восстаний. Мятежный атаман пал от руки есаула Ананьина. С этого дня восстание пошло на убыль. Один из сподвижников Булавина, атаман Игнатий Некрасов после упорных сражений с правительственными войсками у Есаулова городка в середине августа 1708 года ушел со своими войсками на Кубань к туркам. Через два года, после окончательного разгрома восстания, Некрасов увел своих казаков сначала в Румынию, а позже турецкое правительство выделило им землю на побережье Мраморного моря. В этих местах и родились участники этнографического фольклорного ансамбля казаков-некрасовцев, которые три дня выступали в Малом зале Московской консерватории. На одном из концертов я и услышал песню, сложенную в турецком изгнании...

Жизнь в специфических условиях инородного окружения заставила казаков резко обособиться. Чуть ли не два века в их села турки не допускались. Атаман Некрасов оставил им своего рода программное завещание, которое чрезвычайно афористично уложилось в две фразы: «Царизме не покоряться, при царизме не возвертаться» и «против крови не ходить» — то есть с Россией не воевать... Некрасовцам долго удавалось избегать непосредственного участия в военных действиях. В последние десятилетия жизни в Турции некрасовцы испытывали растущее давление властей, стремившихся их ассимилировать. В начале века в селе появилась школа. Образование давалось трехлетнее, обучение велось на турецком языке. Русским детям не разрешали говорить по-русски. Если же кто-нибудь забывался, то память восстанавливалась посредством жестокой порки, а родителей провинившегося штрафовали. В тридцатых годах школа стала пятилетней, но языковая дискриминация продолжалась. По преданию, Игнатий Некрасов увел в Турцию сорок тысяч человек. А двадцать лет назад в порту Стамбула на пароход «Грузия» погрузились девятьсот девяносто девять казаков. На родной берег сошла уже тысяча. На пароходе родился еще один некрасовец. До последнего дня дол-

гого изгнания некрасовцы свято хранили обычаи донских казаков петровских времен. Женщины ходили в традиционных одеждах, сшитых, правда, из турецких ярких шелковых тканей. Мужчины же в будни предпочитали одежду европейского покроя, но в праздники наряжались в красные шаровары и вышитые белые рубахи. Стремление передавать новым поколениям сведения об истории своего народа обострило память некрасовцев. Они донесли до наших дней песни, былины, обряды, искусство древнерусского церковного пения трехсотлетней давности. Некоторые из них знают орфографию и грамматику семнадцатого века.

Память участников фольклорного ансамбля поразительна. Каждый из них знает более трехсот песен. Припомните, дорогой читатель, сколько сможете спеть вы? В Московской консерватории некрасовцам дали прослушать запись «О Змее Тугарине и Владимире Красное солнышко». Никто из присутствующих никогда прежде ее не слышал. Однако самая молодая участница ансамбля, Елена Кондратьевна Гулина, сразу же и без единой ошибки повторила «песню» от начала до конца. Благодаря ее феноменальным способностям мы получили возможность на одном из концертов услышать:

Княгиня по сенюшкам
похаживала,
Крутыями бедра́ми поворачивала
И часто в окошечко
поглядывала,
Ждала-поджидала сябе мило́го
дружка,
Мило́го дружка-то Змея
Тугарина.

Зрители в восторге.

Из поколения в поколение передавались песни и предания. Песня помогла некрасовцам сохранить свою национальную самобытность... Некрасовцы вернулись на родину, и в их образе жизни произошли разительные перемены. Они поселились на Ставрополье в Левокумском районе. Находились люди в совхозе «Левокумский», которые, не в обиду им будь сказано, поднимали на смех наряды некрасовцев. Уже через два дня традиционная одежда казаков была спрятана в сундуки, а оттуда частично перекочевала в музеи. Только в 1978 году возникла мысль создать фольклорный ансамбль некрасовцев, да теперь это оказалось совсем не простым делом. Инициатива исходила от работников Дома культуры, но ансамбль не появился бы на свет, если бы не Анна Трофимовна Чернышева. Среди некрасовских женщин она пользуется удивительным авторитетом: чудесно поет, виртуозно играет на «музычке» — губной гармошке, мать четверых детей, работящая — три нормы на совхозных виноградниках для нее обычное дело. Никогда не унывающая, добрая Анна Трофимовна уговорила женщин сначала собираться на спевки в своем доме, а потом, когда все уже попривыкли к мысли о необходимости появиться на людях в своих традиционных костюмах, привела подруг в сельский Дом культуры. Привлечь в ансамбль мужчин было еще сложнее. Первым «пожертвовал» собой директор Дома культуры Анатолий Петрович Мишин. Он согласился изображать жениха в свадебной игре. Дру́жками согласились быть Иван Яковлевич Никулушкин, лучший среди некрасовцев гармонист, и блестящий танцор Лифёр Григорьевич Пашин.

На первом концерте в своем селе некрасовцев встретили холодновато. Стало ясно, что на концертах надо многое разъяснять. Обряды, песни, танцы, произношение слов — все непонятно современному зрителю.

После неудач в своем районе некрасовцы ехали на краевой смотр неохотно. В Ставрополе выступали на открытой эстраде. Когда вышли на сцену, полил дождь. Публика было ударилась в бега, но необычные костюмы, манера пения, высокое мастерство казаков подействовали на горожан магически. Поднявшиеся было зрители слушали, стоя под проливным дождем. Воодушевленные аплодисментами, некрасовцы показали все, на что были способны. При подведении итогов председатель жюри объявил некрасовцев лауреатами краевого смотра. В 1980 году им присвоили звание народного ансамбля.

Концерты в Москве прошли с большим успехом. За три дня ансамбль успел еще и на радио записаться и на телевидении тоже. По «Маяку» уже передавались о нем четыре передачи.

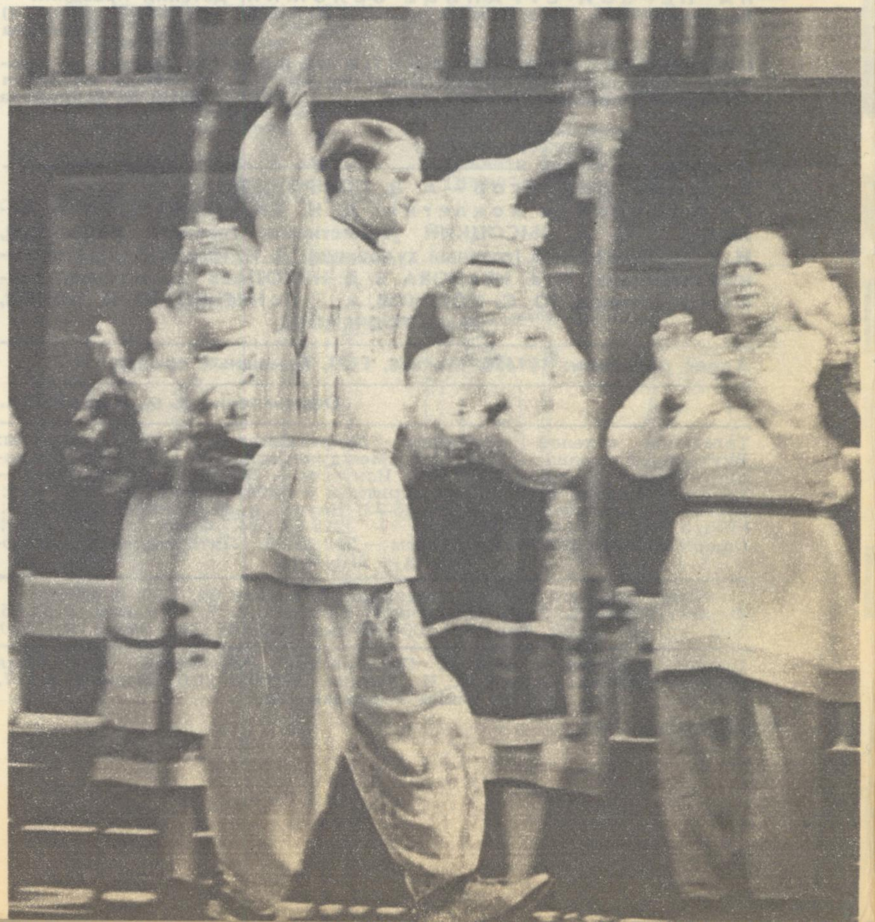
Московская консерватория своим циклом «Исторических концертов», в рамках которого выступали некрасовцы, делает очень полезное дело. Носители старинных традиций — люди уже немолодые. На деревенскую молодежь надеяться не приходится. Правда, студенты музыкальных вузов с энтузиазмом разучивают старинные песни. Они выступали на третий день концертов в первом отделении, а во втором — некрасовцы. Однако у зрителей была редкая возможность воочию убедиться, что профессиональное исполнение при всех его достоинствах уступало импровизациям фольклорного ансамбля.

Старые песенные традиции уходят в прошлое. Когда-то они заменяли народу летописание. Теперь необходимость в такой замене отпала. Попытки творить точно так, как это делали наши далекие предки, встречаются все реже.

Дорогой читатель, если вам повезет увидеть афишу фольклорного концерта, то, как писалось в старинных газетах: «Спешите видеть!»

Казаки на сцене Малого зала Московской консерватории.

Танцует Лифёр Пашин.

Анна Трофимовна Чернышева.

С песнями по улицам Москвы.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663